

Институт приграничного сотрудничества и интеграции

Международный
научно-исследовательский журнал

«СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНТЕГРАЦИЯ»

International scientific-research journal
«Cooperation and integration»

№ 1
2017

Главный редактор

Сапрыка Виктор Александрович

к.соц.наук, и.о. заведующего кафедрой социальных технологий Белгородского государственного
национального исследовательского университета

Редакционная коллегия

Крам Оливер

PhD, Директор Центра приграничного сотрудничества Университета Наймеген (г. Наймеген, Нидерланды)

Уилсон Рейчел

Университет Аризоны (г. Тусон, США)

Виркунен Йони

PhD, Директор центра российских исследований Университета Восточной Финляндии (г. Йёнсуу,
Финляндия).

Новикова Ирина Васильевна

д.э.н., профессор, заведующая кафедрой менеджмента и экономики природопользования Белорусского
государственного технологического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Галстян Хачик Самвелович

к.п.н, доцент кафедры истории и теории политической науки Ереванского государственного университета
(г. Ереван, Армения).

Колосов Владимир Александрович

д.г.н., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН (г. Москва, Россия)..

Зверева Ольга Николаевна

к.филолог. наук, преподаватель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (г. Харьков,
Украина).

Межевич Николай Маратович

д.э.н., профессор кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского
государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Вардомский Леонид Борисович

д. э. н., профессор, Руководитель центра постсоветских исследований Института экономики РАН (г. Москва,
Россия).

Муравецкий Алексей Николаевич

к.э.н., доцент кафедры финансов, инвестиций и инноваций Белгородского государственного национального
исследовательского университета (г. Белгород, Россия).

Быхтин Олег Викторович

к.соц.наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального
исследовательского университета (г. Белгород, Россия).

Шевченко Наталья Владимировна

к.э.н., доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального
исследовательского университета (г. Белгород, Россия).

Статьи представлены в авторской редакции.

ISSN 2587-8980

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без
письменного разрешения владельцев авторских прав. Редакция не несёт ответственности за содержание авторских
материалов. Позиции авторов публикаций могут не совпадать с мнением редакции.

© Институт приграничного сотрудничества и интеграции, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Социология в действии	Дятченко Л.Я., Сапрыка В.А., Быхтин О.В. Средние и малые города приграничных регионов 3
	Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф., Бабинцева Е.И. Российско-украинское приграничье как пространство формирования новых идентичностей 18
	Мельникова Р.И., Маматов А.В., Пастюк А.В. Феномен лиминальности идентичности населения российско-украинского приграничья 42
Экономика интеграционных процессов	Гладкова С.Б., Надуткина И.Э., Компаниец С.А. Роль российских локальных банков в трансформационной экономике: проблемы и тенденции развития 52
	Рязанцев С.В., Лукьянец А.С. Тенденции и подходы к регулированию миграции в приграничных регионах Дальнего Востока и Сибири 78
	Ostavnaya A.N., Volkova O.A., Bystriantsev S.B. Pridnestrovian labour migration: strokes to potential social policy 94
Публичное управление	Гайдукова Г.Н., Серкина Я.И. Специфика процесса формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины: проблемы диагностики 107
	Zalivanskiy V.V., Samokhvalova E.V. Theoretical and applied aspects of regional solidarity formation 128
Международные отношения	Черкасова Н.Н., Кузьмина В.М., Калужских И.В. Формы участия средних и малых городов России в культурном диалоге с городами Германии 146
	Черномаз П.А. О возможностях использования европейского опыта в трансграничном сотрудничестве 157
Политология	Реутов Е.В., Колпина Л.В. Влияние кризиса в российско-украинских отношениях на трансформацию культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов 173
	Галстян Х.С. Культура конфликта vs культура диалога: дихотомический выбор армянского общества? 191

СРЕДНИЕ И МАЛЫЕ ГОРОДА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Дятченко Л.Я.
д.с.н., профессор кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»
Сапрыка В.А.
к. с. н., доцент кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»,
Быхтин О.В.
к. с. н., доцент кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»,

***Аннотация.** Настоящая статья подготовлена на материалах комплексной социологической диагностики «Средние и малые города приграничных регионов», проведенной в апреле-мае 2016 года. В рамках социологического исследования было опрошено 500 респондентов – жителей приграничных городов Белгородской области. Использовалась квотная половозрастная выборка, репрезентативная по отношению к генеральной совокупности. В статье выделяются основные проблемы развития малых и средних городов приграничья, на решение которых должна быть сосредоточена муниципальная власть. Авторы определяют основные направления приграничного сотрудничества между малыми и средними городами, которые необходимо развивать в первую очередь (при этом ключевыми направлениями такого сотрудничества должно стать экономические и социальное взаимодействие). Для максимального обеспечения комплексного и устойчивого развития средних и малых городов приграничных регионов необходимы к активизации и реализации проекты приграничного сотрудничества (научные и образовательные проекты; социальные проекты; кооперация в малом бизнесе; проекты в сфере сельского туризма; экологические проекты). В заключение научной статьи формулируются выводы и адресные практические рекомендации для муниципальных властей приграничных территорий.*

***Ключевые слова:** средние и малые города, межмуниципальное сотрудничество, приграничное взаимодействие.*

MEDIUM-SIZED AND SMALL TOWNS OF BORDER REGIONS

***Abstract.** This paper rests on findings of the comprehensive sociological diagnostics “Medium-Sized and Small Towns of Border Regions” performed in April-May 2016. As part of the case study 500 respondents were interviewed, who*

were residents of a border city of the Belgorod region. Gender and age quota sampling representative to the general population was applied. The article highlights major problems of development of small and medium-sized towns in the borderland to be tackled by the municipal authorities. The authors define the first-priority directions for cross-border cooperation of small and medium-sized towns, with the key areas thereof being the economic and social interaction. Cross-border cooperation projects are needed to ensure the maximum integrated and sustainable development of medium and small towns in the border regions, including scientific and educational projects, social projects, cooperation in small business, projects in the field of rural tourism, environmental project etc.. In the conclusion section, the paper lays down conclusions and practical recommendations targeted to the municipal authorities in borderlands.

Keywords: *medium and small towns, inter-municipal cooperation, cross-border cooperation.*

Введение.

Внедрение эффективных практик местного самоуправления является наиболее актуальным вопросом для развития приграничных регионов. Сотрудничество муниципалитетов в решении общих социальных, экономических, гуманитарных и экологических проблем остается одним из самых значимых направлений политики территориального развития приграничных регионов. Граница является реальным барьером для развития приграничных территорий, вместе с тем, приграничное взаимодействие и межмуниципальное сотрудничество может дать свой наибольший положительный эффект для развития муниципальных образований, так как в данном случае оно является наиболее приближенным к реальным проблемам населения.

Недостаток межмуниципального сотрудничества препятствует полноценному развитию местного самоуправления в России, осложняет появление гражданских инициатив и затрудняет внедрение эффективных инструментов развития территорий. Обмен опытом и эффективными практиками, презентация успешных собственных реализованных проектов позволит решить проблемы конкретных муниципалитетов и выработать

общие практические рекомендации для развития муниципалитетов в приграничье.

Теоретические основы исследования.

При рассмотрении системы управления городскими поселениями приграничного муниципального района, на наш взгляд следует выделить принципы государственной стратегии устойчивого развития городских территорий:

- развитие города как единого социально-экономического, территориального, природного и культурно-исторического комплекса, выполняющего производственные, социально-демографические, культурные, природоохранные и рекреационные функции;

- преодоление обособленности города основе расширения и углубления его связей с другими городами, интегрирование села в единую общеэкономическую систему путем агропромышленной интеграции и кооперации, создания различных хозяйственных структур с совмещенными функциями (сельско-городские структуры), развития дорожно-транспортных коммуникаций, телефонной и других форм связи, создания единых систем общественного обслуживания населения, постепенная агломерация города и села в динамично развивающееся единство;

- развитие социального партнерства между государством, муниципалитетами и городским населением;

- максимальное вовлечение в хозяйственный оборот и повышение эффективности использования природных, материальных и человеческих ресурсов города на основе повышения эффективности институциональных преобразований и усиления мотивационных механизмов развития;

- экономическая и территориальная доступность социальных услуг и объектов социальной сферы для всех групп населения;

- сочетание мер государственной поддержки с мобилизацией местных ресурсов, которыми располагают местные сообщества;

- выравнивание межрегиональных уровней экономического и социально-культурного развития средних и малых городов;

- демократизация жизни местных сообществ, повышение участия населения в принятии решений, связанных с развитием производства, планировкой и застройкой поселений, другими аспектами жизни городского социума путем развития коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, развития местного самоуправления, деятельности общественных и общественно-хозяйственных организаций (потребительской, промысловой, кредитной кооперации и др.).

- экологически щадящий подход и бережное отношение к невосполняемым природным ресурсам при разработке и реализации механизмов жизнеобеспечения жителей [1].

В тоже время, можно выделить следующие основы устойчивого развития городских поселений:

- финансовые,
- организационные,
- производственные,
- управленческие,
- правовые и социальные.

Все элементы крайне важны для устойчивого развития городских поселений. Более того, нарушение одной из основ приводят к проблемам в других.

Таким образом, устойчивость развития городских поселений, в первую очередь, зависит от местных инициатив. Данный опыт широко используется в европейской практике, где на конкурсной основе предоставляют гранты для поиска потенциалов поселений и их развития [2, 3, 4].

В зависимости от уровня развития общества и степени его продвижения к гражданским ценностям граница может нести целый спектр функций. Это и

государственная безопасность, и утилитарная, и социокультурная, и моральная функции [5, 6].

Морозова Т.В. в своей работе выделяет следующую типологию границы, и объясняет наличие трех эволюционных моделей границы в развитии приграничных территорий, причем не важно, какой административно-территориальный статус они имеют:

- приграничное сотрудничество как система ограниченных строго регламентированных международных связей;
- приграничное сотрудничество как система расширенных, но регламентированных международных взаимосвязей;
- трансграничное сотрудничество как система расширенных либерализированных взаимодействий [7].

Сегодня на приграничной территории России можно наблюдать все три эволюционные модели границы, хотя в чистом виде ни одна из них явно не выражена.

Граница в классическом понимании – линия раздела (барьер) законов, власти, собственности, культуры и традиций. Но мировой опыт предъявляет нам образцы границ–контактов.

Под приграничным сотрудничеством понимаются любые согласованные действия, направленные на усиление и поощрение отношений между соседними территориальными сообществами и властями, находящимися под юрисдикцией двух и более договаривающихся сторон, а также заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения вышеуказанных целей [8].

Приграничное сотрудничество российских регионов является одной из приоритетных задач внешней политики России на сегодняшнем этапе [9]. Приграничное и трансграничное сотрудничество является одним из важнейших инструментов активизации потенциала развития городов, этот потенциал необходимо развивать путем реализации комплекса мер, таких как разработка пространственных моделей и осуществление пилотных проектов

местного (муниципального) и регионального сотрудничества, развитие промышленных зон и модернизация транспортных сетей, создание международной сети поддержки малых и средних предприятий, заинтересованных в выходе на зарубежные рынки [10].

В настоящее время одной из наиболее действенных форм регулирования приграничного сотрудничества в регионах является межгосударственное рамочное соглашение о сотрудничестве приграничных территорий.

Данная форма обеспечивает правовую поддержку приграничных связей всех уровней: регионального, муниципального, а также облегчает их нормативное оформление и вводит в практику межгосударственных отношений.

Формальной стороной приграничного сотрудничества регионов в настоящее время стали межрегиональные соглашения и договоры на различных уровнях власти приграничных территорий. Это, в свою очередь, является одной из форм реализации внешней региональной политики.

Априори задается модель взаимодействия приграничных территорий: чем выше административный статус, тем больше возможностей у территории включаться в процесс международного сотрудничества. И это естественно ограничивает степень свободы для локальных сообществ. Муниципальный уровень значительно уступает региональному. Хотя в последнее время на административно-политической карте России, по крайней мере, декларативно наметились тенденции расширения прав местных органов власти в сфере приграничного и трансграничного сотрудничества.

Использование контактной функции границы, как фактора роста, является одним из основных направлений для развития приграничного городского поселения, а согласование проектов и программ развития городских поселений повышает их инвестиционную привлекательность.

Таким образом, после рассмотрения теоретические основы развития средних и малых городов приграничных регионов, можно сделать следующие выводы:

- необходим поиск оптимальной модели средних и малых городов приграничных регионов, основанной на использовании всех уровней хозяйствования, концептуальных положений и принципов устойчивого развития, позволяющих соединять противоречивые тенденции в экономике, экологии, социальном развитии и обеспечивать повышение уровня и улучшение качества жизни населения;

- в процессе исследования было выявлено, что устойчивое развитие средних и малых городов приграничных регионов изучается сегментарно, вне концепции системности, что не позволяет в полной мере представить их особенности, вариации проявления и механизмы обеспечения;

- на развитие средних и малых городов приграничных регионов максимально влияет воздействие границы, ее барьерные и контактные функции, что дает возможность утверждать, что приграничное положение является одним из факторов развития;

- проведенный научный анализ современных взглядов на муниципальное управление средних и малых городов приграничных регионов, показали, что в действительности нет четких методологических подходов к разработке и реализации общей стратегии для развития средних и малых городов приграничных регионов.

Методология и методика исследования.

В рамках социологического исследования было опрошено 500 респондентов – жителей приграничных городов Белгородской области. Использовалась квотная половозрастная выборка, репрезентативная по отношению к генеральной совокупности.

Погрешность составляет 3,2%.

Задачи исследования:

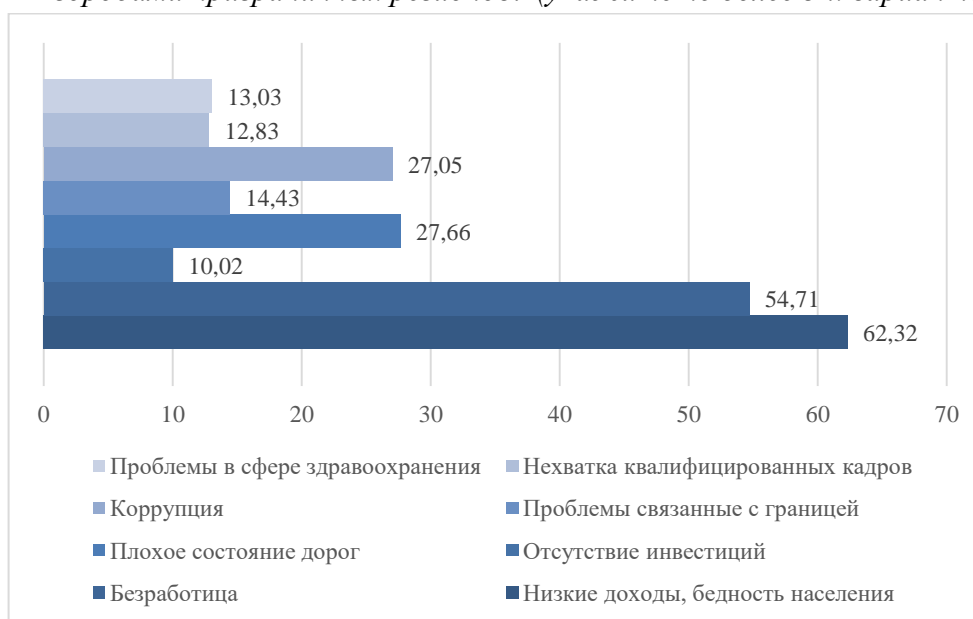
- определение ключевых социальных проблем, на решение которых должна быть сосредоточена муниципальная власть,
- определение направлений, в рамках которых необходимо развивать взаимодействие и сотрудничество;
- оценка населением муниципальных проектов и программ;
- готовность участия в проектах межмуниципального сотрудничества и приграничного взаимодействия.

Обсуждение результатов.

Организация сотрудничества между городами является одной из возможностей развития приграничных территорий. Граница является реальным барьером для развития приграничных территорий, вместе с тем, приграничное взаимодействие и межмуниципальное сотрудничество может дать свой наибольший положительный эффект для развития муниципальных образований, так как в данном случае оно является наиболее приближенным к реальным проблемам населения.

Респонденты также постарались выделить основные, по их мнению, проблемы развития малых и средних городов приграничья.

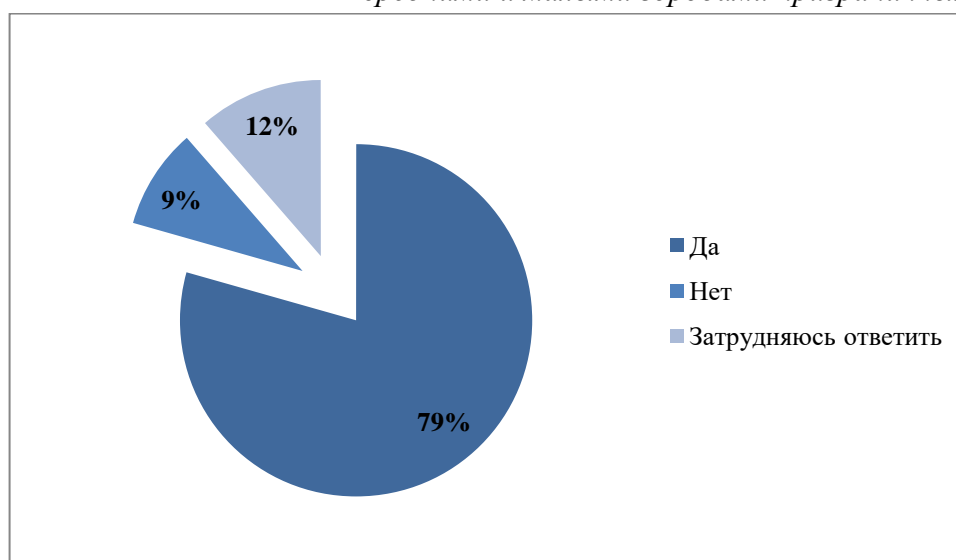
Рисунок 1. Какие наиболее острые проблемы стоят сейчас перед средними и малыми городами приграничных регионов? (укажите не более 3-х вариантов ответа)

Респонденты выделили более 20 различных проблем, которые замедляют развитие малых и средних городов приграничных регионов, однако абсолютное большинство опрошенных отметили проблемы именно социального характера. К их числу следует отнести «низкие доходы и бедность населения» (62,32%), а также «безработицу» (54,71%). Примерно четверть респондентов отметили «плохое состояние дорог» (27,66%) и коррупцию (27,05%).

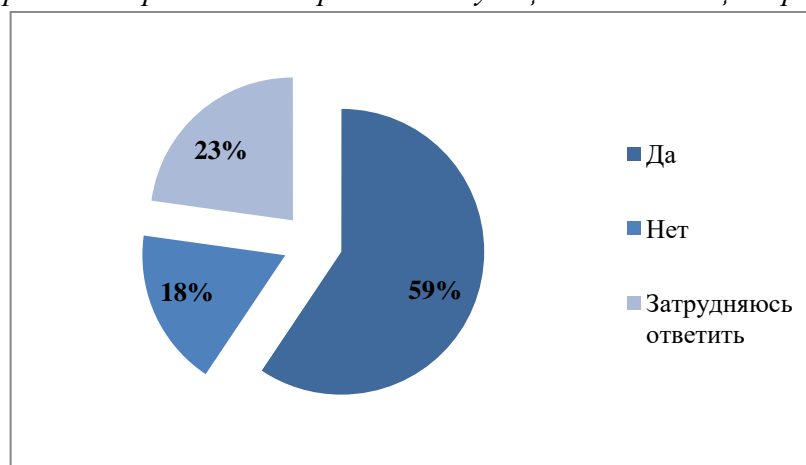
Вопрос о необходимости развития приграничного сотрудничества малых и средних городов приграничья был одним из важнейших вопросов проведенного исследования.

Рисунок 2. Как Вы считаете, нужно ли развивать приграничное сотрудничество между средними и малыми городами приграничных регионов?

Почти 80% считают, что такое сотрудничество развивать необходимо. Одновременно с этим всего 9% считают, что в развитии такого рода сотрудничества нет необходимости. Таким образом, жители средних и малых городов приграничья в полной мере осознают важность приграничного сотрудничества для развития муниципалитетов.

Рисунок 3. Как Вы считаете, отличается ли развитие средних и малых городов приграничных регионов от развития муниципалитетов центральных регионов?

Вопрос о различии развития средних и малых городов приграничных регионов от развития муниципалитетов центральных регионов, позволил определить, насколько эту проблему замечает население.

Так 59% респондентов отметили, что отличие существует, тогда, как всего 18% не заметили существенного различия. В этой связи актуальным стало выделить специфику развития средних и малых городов приграничных регионов. Респонденты также постарались определить основные, по их мнению, проблемы развития малых и средних городов приграничья.

По мнению населения, специфика развития средних и малых городов приграничных регионов в первую очередь заключается в следующем:

- ✓ *Трудовая миграция из приграничных регионов (31,2%);*
- ✓ *Бюрократизация процессов сотрудничества (24,6%);*
- ✓ *Трудности при пересечении границы для населения (24,2%);*
- ✓ *Недостаток знаний и умений для использования приграничного положения у муниципальных служащих (23,6%);*
- ✓ *Отсутствие полномочий у муниципалитетов в сфере международных отношений и внешнеэкономических связей (20,4%);*
- ✓ *Ограничение возможности для пространственного планирования (16,4%);*
- ✓ *Отсутствие инвесторов (15,8%).*

Как видно из ответов, респонденты существенно различают собственное отношение к границе (так в предыдущих наших исследованиях около 90% респондентов отмечали, что появление границы повлияло на их жизнь и создает реальные трудности) и ее влияние на развитие муниципалитетов. Так трудовая миграция из приграничных регионов и бюрократизация процессов сотрудничества максимально отличается как специфику развития средних и малых городов приграничных регионов, так и требует специальных управленческих методик.

Направления приграничного сотрудничества между малыми и средними городами, которые необходимо развивать в первую очередь:

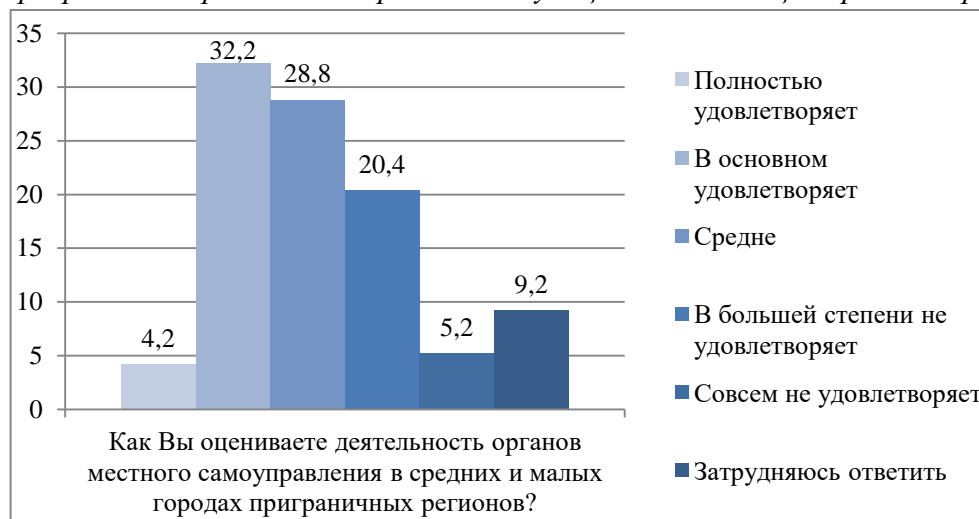
- ✓ *Экономическое взаимодействие (67,4%);*
- ✓ *Социальные взаимодействия и сотрудничество общественного сектора (66 %);*
- ✓ *Научные и образовательные проекты (38%);*
- ✓ *Территориальное развитие (36,4%);*
- ✓ *Взаимодействия по осуществлению и развитию различных форм безопасности (33,2%).*

Проекты приграничного сотрудничества, которые позволили бы максимально обеспечить комплексное и устойчивое развитие средних и малых городов приграничных регионов:

- ✓ *Научные и образовательные проекты (51.4%);*
- ✓ *Социальные проекты (49,2%);*
- ✓ *Кооперация в малом бизнесе (39,8%);*
- ✓ *Проекты в сфере сельского туризма (32.8%);*
- ✓ *Экологические проекты (28,8%);*
- ✓ *Культурные мероприятия (32,6%).*

Для дальнейшего изучения особенностей развития средних и малых городов приграничья необходимо определить, насколько население удовлетворено деятельностью органов местного самоуправления

Рисунок 4. Как Вы считаете, отличается ли развитие средних и малых городов приграничных регионов от развития муниципалитетов центральных регионов?

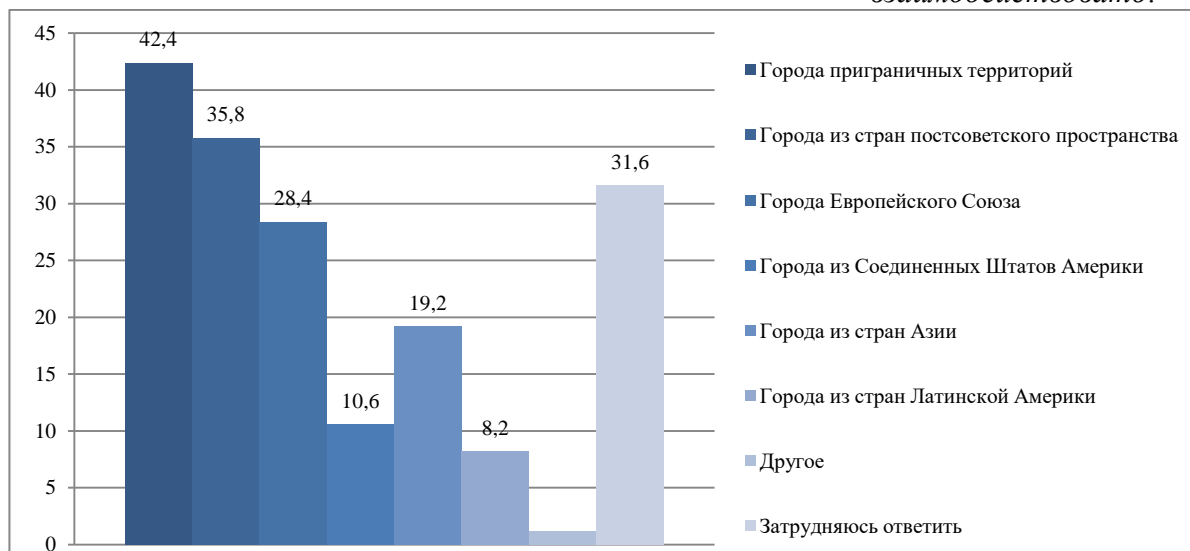

Результаты опроса продемонстрировали, население приграничных городов Белгородской области в большей степени удовлетворено деятельностью органов местного самоуправления: 5,2% считает работу местной власти полностью не удовлетворительной; 20,4% не удовлетворены деятельностью в большей степени; 32,2% в основном удовлетворены, а 28,8% выбрали промежуточный вариант «средне».

Вместе с тем, только 4,2% всецело довольны деятельностью органов местного самоуправления. Это свидетельствует о том, что в сознании лишь малой части населения представление об абстрактной идеальной муниципальной власти совпадает с реальной оценкой деятельности органов местного самоуправления. В этой связи появляется необходимость в дальнейшей модернизации системы муниципального управления малых и средних городов приграничья.

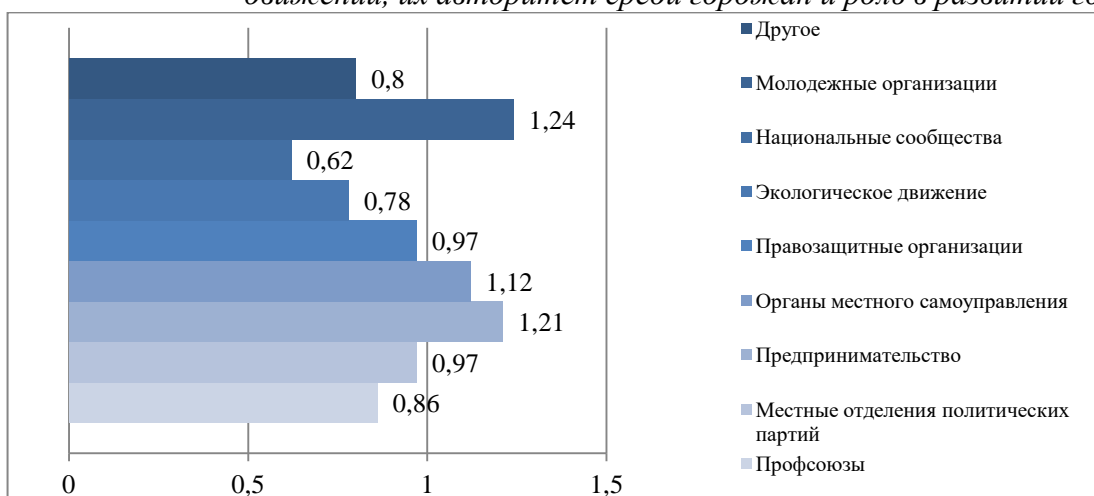
Следующий блок вопросов позволил не только определить направления для дальнейшего сотрудничества, но и узнать мнение населения в области партнерства. Так 54% респондентов считают, что для развития приграничного и межмуниципального сотрудничества нужно развивать отношения с городами-побратимами.

Рисунок 5. С какими городами-побратимами, на Ваш взгляд, наиболее эффективно взаимодействовать?

С целью определения роли общественных институтов и местных движений в развитии средних и малых городов приграничья респондентам было предложено оценить роль каждого из них.

Рисунок 6. Как бы Вы оценили активность общественных институтов и местных движений, их авторитет среди горожан и роль в развитии города?

На основании ответов был осуществлен расчет индекса, отражающего то, насколько высоко жители муниципальных образований оценивают значимость тех или иных общественных институтов. Население приграничных городов выделило в качестве главной движущей силы развития молодежные организации (1,24). Кроме того, значительную оценку получило бизнес-сообщество и предпринимательский сектор (1,21). На

третьем месте, по мнению населения, располагаются непосредственно органы местного самоуправления (1,12).

Выводы:

- в настоящее время население в большей степени удовлетворено деятельностью органов местного самоуправления, однако крайне мало респондентов оказалось всецело довольно их работой, что свидетельствует о необходимости дальнейшей модернизации системы муниципального управления в приграничны муниципалитетах;

- жители приграничья достаточно высоко оцениваются значимость в развитии города только трех общественных институтов: молодежные организации, бизнес-сообщество и муниципальные органы власти;

- выделяя значительное число проблем, которые снижают темпы развития малых и средних городов приграничья, респонденты акцентировали свое внимание на социальных противоречиях: низких доходах, бедности населения и уровне безработицы в приграничных муниципалитетах;

- почти все респонденты убеждены в необходимости развития приграничного и межрегионального сотрудничества малых и средних городов приграничья. При этом ключевыми направлениями такого сотрудничества, по мнению населения, должно стать экономические и социальное взаимодействие;

- вместе с тем, лишь малая часть респондентов когда-либо принимала участие в реализации проектов приграничного сотрудничества, определяя при этом главными сферами муниципального управления, которые нуждаются во внедрении технологий проектного управления: улучшение качества жизни населения, обеспечение экономического роста и социальной защиты.

Список литературы.

1. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации. Доступ: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/3571.77.htm> (проверено: 17.03.2017).
2. Мищенко И.В. 2011. Теоретические вопросы формирования устойчивого развития сельских поселений. Доступ: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/346/image/346-123.pdf> (проверено: 17.03.2016).
3. Houtum H. van, Kramsch O. T., Zierhofer W. *Bordering Space* – Aldershot: Ashgate, 2005. P. 262.
4. Gasparini A. 2014. Belonging and Identity in the European Border Towns: Self-Centered Borders, Hetero-Centered Borders. – *Journal of Borderlands Studies*. № 2 (4). P. 165-201.
5. Schack M. 2001. Regional identity in border regions: The difference borders make. – *Journal of Borderlands Studies*. № 2 (09). P. 99-114.
6. Sohn C. 2014. Modelling Cross-Border Integration: The Role of Borders as a Resource. – *Geopolitics*. № 3 (07). P. 587-60.
7. Морозова Т.В. 2008. *Сельские сообщества России в региональном измерении*. М.: Институт экономик КАРН РАН. 258 с.
8. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. Доступ: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/106.htm> (проверено: 17.03.2016).
9. Концепция внешней политики Российской Федерации. Доступ: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html> (проверено: 17.03.2017);
10. Белова А. В. 2009. Приграничное и трансграничное сотрудничество полусредних городов Калининградской области в Балтийском регион. – *Вестник БФУ им. И. Канта*. № 3. С.116-125.

References.

1. Konceptcija ustojchivogo razvitija sel'skih territorij Rossijskoj Federacii. (In Russ.) URL: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/3571.77.htm> (accessed: 17.03.2017);
2. Mishhenko I.V. 2011. Teoreticheskie voprosy formirovanija ustojchivogo razvitija sel'skih poselenij. (In Russ.) URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/346/image/346-123.pdf> (accessed: 17.03.2017);
3. Houtum H. van, Kramsch O. T., Zierhofer W. *Bordering Space* – Aldershot: Ashgate, 2005. P. 262.
4. Gasparini A. 2014. Belonging and Identity in the European Border Towns: Self-Centered Borders, Hetero-Centered Borders. – *Journal of Borderlands Studies*. № 2 (4). P. 165-201.
5. Schack M. 2001. Regional identity in border regions: The difference borders make. – *Journal of Borderlands Studies*. № 2 (09). P. 99-114.
6. Sohn C. 2014. Modelling Cross-Border Integration: The Role of Borders as a Resource. – *Geopolitics*. № 3 (07). P. 587-60.
7. Morozova T.V. *Sel'skie soobshhestva Rossii v regional'nom izmerenii* [Rural communities of Russia in the regional dimension]. Moscow: Institute of Economics KARN RAS Publ. 2008. 258 p. (In Russ.).
8. Evropejskaja ramochnaja konvencija o prigranichnom sotrudnichestve territorial'nyh soobshhestv i vlastej. (In Russ.) URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/106.htm> (accessed: 17.03.2017).
9. Konceptcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. (In Russ.) URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html> (accessed: 17.03.2017).
10. Belov A.V. Prigranichnoe i transgranichnoe sotrudnichestvo polusrednih gorodov Kaliningradskoj oblasti v Baltijskom region. – *Vestnik BFU im. I. Kanta*. 2009. № 3. P.116-125. (In Russ.).

РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ¹

Бабинцев В.П.

д.филос.н., профессор, заведующий
кафедрой социальных технологий НИУ
«БелГУ», Россия, г. Белгород
Ушамирская Г.Ф.

д.с.н., профессор, ректор Волжского
института педагогики, экономики и
права, Россия, г. Волжский

Бабинцева Е.И.

к.э.н., доцент кафедры управления
персоналом НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

Аннотация. Целью статьи является анализ проблемы формирования новых идентичностей в приграничных регионах России и Украины. Статья опирается на материалы эмпирического исследования в приграничных регионах России и Украины, проведенного методом анкетного опроса (участвовали жители Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской областей - в России, Харьковской, Сумской, Черниговской, Луганской – в Украине; выборка квотная многоступенчатая, квотные признаки: место жительства, пол, возраст, $n = 1000$). В результате анализа полученных данных обосновано, что феномен идентичности становится все более «культуроориентированным». Это позволяет анализировать его как культурно-цивилизационную идентичность, как комплекс представлений, служащих субъекту основанием для отождествления себя с конкретной системой ценностей и отказа от связи с иными системами. В приграничных регионах России доминирует легитимирующая, по своему типу, «идентичность фронта», ориентированная на прошлое и замыкающаяся на символическую фигуру лидера. В приграничных регионах Украины утверждаются локальные идентичности протестного типа. Содержание их зависит от ситуации в территориальном сообществе. Доминирующие, как в среде российского, так и украинского населения, идентификационные представления существенно деконструируют

¹ Статья подготовлена в рамках Задания №2015/2459 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (рук. В.П. Бабинцев).

традиционную модель хронотопа, делают ее поливариантной и внутренне противоречивой.

Ключевые слова: приграничный регион, идентичность, хронотоп, фронтир, политико-культурная делимитация

RUSSIAN-UKRAINIAN BORDER-ZONE AS A SPACE FOR FORMATION OF A NEW IDENTITY

Abstract. *The purpose of this paper is to study the process of formation of a new identity in border regions of Russia and Ukraine. The paper rests on the materials of empirical research conducted in the form of a questionnaire in border regions of Russia and Ukraine, with the residents of the Belgorod, Bryansk, Voronezh, and Kursk regions representing the Russian part of the sample and the dwellers of the Kharkiv, Sumy, Chernihiv, and Luhansk regions representing the Ukrainian counterpart; the sample is a quota multistage and the quota attributes include residence, sex, and age; n = 1000). Analysis of the obtained data proves that the phenomenon of identity is becoming increasingly “culture-oriented”. It allows analyzing the said phenomenon as a cultural and civilization identity, or as a complex of representations which serves an individual as a basis for identification with a specific value system and distancing from other systems. The dominant identity of Russian border regions is a legitimizing “frontier identity” oriented towards the past and having a symbolical figure of the leader in its core. Ukrainian border regions witness the rise of local identities of the protest type. Their contents depend on the situation in the given territorial community. The identification representations which are dominant both in Russia and Ukraine significantly deconstruct the traditional model of chronotope and make it multivariant and internally inconsistent.*

Keywords: *border region, identity, chronotope, frontier, political and cultural delimitation.*

1. Введение. В глобализирующемся мире пространствами наиболее интенсивных социальных взаимодействий становятся зоны геополитических разломов, в чисто формальном отношении возникающие в процессе установления новых границ не только между государствами, этносами, но и внутри них. При этом довольно часто границы не получают нормативного закрепления и существуют как следствие конвенции между взаимодействующими субъектами. При этом применительно к зонам геополитического разлома (например, в Сирии, Ливии, Йемене, а в Европе –

в Молдове и российско-украинском приграничье) меняется само содержание феномена границы, который все более приобретает характер «культурно-цивилизационного демаркатора» - сформировавшегося в представлениях прямых и косвенных участников взаимодействия рубежа, по обе стороны которого находятся люди, разделяющие не совпадающие, а часто противоположные ценности и смыслы, придерживающиеся различных норм поведения, различающиеся образом и стилем жизни.

Тем самым в зонах геополитического разлома запускается процесс политико-культурной делимитации, представляющий собой определение и разграничение статусов сопредельных геополитических образований, в ходе которых формируются и распространяются среди населения устойчивые представления о специфичности их политических и культурных систем, их отличии от систем, существующих или складывающихся «по ту сторону границы». «Если следствием делимитации, как юридически оформленного действия, является определение линии границы, то результатом политико-культурной делимитации выступают действия и феномены преимущественно символического характера» [1, с. 46].

Политико-культурная делимитация обычно инициируется внутренними или внешними элитами (иногда совместно), но в любом случае она может стать успешной только при наличии в элитарном и массовом сознании предпосылок для утверждения новых статусов, готовности к усвоению адекватных им ценностей, смыслов и символов. Как правило, она сопровождается изменением вектора идентификации большинства населения и, следовательно, модификацией содержания идентичности, а в ряде случаев и ее типа.

Под идентификацией в данном случае мы понимаем процесс формирования идентичности субъекта посредством соотнесения и отождествления с социальными образцами, группами, ролями, типами, признаками, качествами и свойствами. В свою очередь, идентичность – это комплекс присущих человеку или группе представлений, позволяющих им

отождествить себя с конкретными объектами коммуникации, либо продемонстрировать отсутствие с ними общих признаков, вне зависимости от природы объектов взаимодействия. В качестве последних могут выступать как различные явления социального характера, так и природные объекты. В первом случае речь идет о социальной идентичности, которая всегда двойственна по своим векторам, выступающим как векторы социальной конъюнкции и социальной дизъюнкции. Л.Г. Сокурянская подчеркивает: «Можно сказать, что результат идентификации (идентичность) – это символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других» [14, с. 618].

Довольно естественно, что проблема идентичности обостряется в нестабильной социальной среде в зонах геополитических разломов. «Стремление индивида идентифицировать себя с тем или иным сообществом возникает при разрушении традиционного уклада, где потребность самоопределения в системе социальных взаимосвязей не актуализирована, - пишет В. А. Ядов. - Групповой (социальный) статус индивида задан здесь жесткими критериями его принадлежности к общине, сословию, а также половозрастными функциями. Развитие современных индустриальных обществ принципиально изменяет объективные условия жизнедеятельности людей, формирует потребность в самоопределении относительно многообразных групп и общностей, а динамизм и многослойность социальных взаимосвязей, так или иначе, вызывают необходимость упорядочения и доминирующих, и периферийных «солидарностей». Ответ на вопрос, какие группы и общности человек признает «своими», а какие – частично близкими или враждебными, становится принципиально важным для понимания социальных отношений [19].

При этом в последнее время основания для определения союзников и противников люди находят в явлениях духовного порядка, таких как культура, религия, традиция, этническое сознание. Идентичность становится

все более «культуроориентированной», что позволяет рассматривать и определять как культурно-цивилизационную идентичность.

Культурно-цивилизационная идентичность – это комплекс представлений, воспринимаемых сознанием субъекта как основание для отождествления себя с конкретной системой ценностей при одновременном отказе от связи с иными системами. И чем отчетливее прослеживаются действительные или мнимые различия между ними, тем увереннее они рассматриваются в качестве достаточного повода, чтобы на практике не включаться в состав носителей иных ценностно-смысловых комплексов.

В научной литературе проблема идентичности исследована достаточно глубоко и всесторонне. В данной связи, безусловно, следует отметить ставшие классическими работы Э. Гидденса, посвященные феномену самоидентичности [25]; Э. Эриксона – кризисам идентичности [19]; Г. Тэджфела [26]. Проблема идентичности рассмотрена в сравнительно недавних публикациях отечественных авторов К.М. Гайдар [3], Д.С. Котельникова [7], О.А. Симоновой [13], В.А. Ядова [20, 22, 23]. Тема эта рассмотрена настолько подробно и всесторонне, что некоторые исследователи могут с полным основанием утверждать, что в классическом виде проблема идентичности в социально-гуманитарном знании либо исчерпала себя, либо близка к исчерпанию [10, 15].

2. Методика исследования. Изучая идентичность, специалисты выделяют ее различные типы. Для анализа ситуации в российско-украинском приграничье нам представляется весьма перспективной типология, предложенная М. Кастельсом, различающим «легитимирующую идентичность», «идентичность сопротивления», «проектную идентичность» [24].

В рассматриваемом контексте «легитимирующая идентичность» может трактоваться как традиционная идентичность, сформированная развитием общества до начала геополитического разлома. «Идентичность сопротивления» - идентичность, складывающаяся как результат делимитации

и обращения к ценностям локальных общностей. Особую роль в данной связи приобретает «проектная идентичность», поскольку это идентичность целенаправленно создаваемая, управляемая, потенциально способная в результате субъектов управления (проектантов) стать либо «легитимирующей», либо «протестной».

Если любую зону геополитического разлома анализировать в контексте проблематики культурно-цивилизационной идентичности, то она будет выглядеть как сложная комбинация всех трех типов, находящихся в точке бифуркации, в которой допустимо развитие по альтернативным сценариям. И эти сценарии целесообразно прогнозировать, исследуя возможные следствия каждого. Такой прогноз особенно важен потому, что процесс эволюции идентичностей в зонах геополитических разломов затрагивает предельно широкий круг проблем. Изменение векторов идентификации и ее объектов меняют доминирующий в сознании населения хронотоп, то есть комплекс представлений о социальном пространстве, как о коммуникативной среде, в пределах которой реализуются индивидуальные и групповые жизненные стратегии, поощряется, либо табуируется обмен ценностями и артефактами, и о социальном времени, представляющем собой изменения социального пространства в его динамике, ритмах, циклах, последовательностях состояний. Эти представления фиксируются сознанием, памятью и измеряются на базе выбранных эталонов, качестве которых и выступают объекты идентификации.

В сущности, хронотоп – культурная модель, сознательно или бессознательно конструируемая человеческим сознанием, в пределах которой субъекты одновременно идентифицируют себя с актуальным окружением, предками и носителями эталонного будущего. Поскольку в данной модели локализация субъекта увязывается с прошлым, настоящим и будущим, она не только формирует системное видение мира и человека в нем, но и создает комплекс явных и неявных стимулов к действию. Каждый из стимулов может быть мало значим, но в рамках общего хронотопа его вес

способен многократно усиливаться. Так, например, православное вероисповедание может иметь для конкретного человека, проживающего в современной России, второстепенное мотивирующее к действиям значение. Но, когда оно воспринимается в контексте мифологем тысячелетней христианской истории России, современной роли церкви как института, обеспечивающего безопасность общества в пределах конкретной территории, и – тем более – ее будущей роли «Третьего Рима», этот фактор способен подтолкнуть человека к общественно значимым действиям.

Следовательно, анализ проблемы идентичности в зонах геополитических разломов затрагивает предельно широкий круг явлений и процессов самоопределения человека, его локализации в пространственно-временном континууме.

Указанные обстоятельства определили концепцию исследования проблем формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины, проведенного методом анкетного опроса (участвовали жители Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской областей - в России, Харьковской, Сумской, Черниговской, Луганской – в Украине; выборка квотная многоступенчатая, квотные признаки: место жительства, пол, возраст, $n = 1000$). Цель исследования заключалась в анализе тенденций, определяющих процесс эволюции культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных российско-украинских регионах в условиях, определяющихся становлением украинской государственности, осложнением межгосударственных отношений, особенно усилившимся после так называемого «Евромайдана», присоединения к России Крыма, вооруженного конфликта между центральным украинским правительством и его сторонниками, с одной стороны, и основной массой населения Донецкой и Луганской областей, новые руководители которой пытаются отстаивать свою самостоятельность. Формулируя данную цель в интересах получения максимально объективных данных, мы постарались, насколько это возможно, очистить ее от политических оценок, что нашло

свое отражение в инструментарии. Потребовались две не вполне совпадающие по структуре анкеты, учитывающие специфику восприятия ситуации в украинской и российской среде.

Анкеты для массового опроса содержала в себе 40 (Россия) и 34 (Украина) вопроса (с паспортной) закрытого типа, разбитых по тематическим блокам: микросоциальный и макросоциальный детерминант формирования культурно-цивилизационной идентичности; специфические черты культурно-цивилизационных идентичностей жителей приграничных регионов России и Украины, включающие в себя: черты национального характера, ценности и символы, идеологические системы и политические ориентации.

Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью программного обеспечения: «ДА-система» (версия 5.0). В процессе интерпретации данных использовался компаративный анализ, метод ранжирования, а также анализ прямого и перекрестного распределений данных.

Следует отметить, что проведение опроса в украинских областях представляло собой значительные сложности в силу специфики социально-политической ситуации в Украине, в которой, во-первых, исследования российских ученых зачастую воспринимаются властями (но не большинством населения) как провокационные действия; во-вторых, в такой обстановке, как правило, трудно рассчитывать на откровенность респондентов. Следовательно, при анализе результатов нам пришлось обратить особое внимание на их интерпретацию с учетом специфики ситуации опроса.

3. Специфика исследовательского проекта. При планировании и проведении опроса учитывались два обстоятельства. Первое было связано с тем, что нам не известны социологические исследования, проведенные в период, когда Россия и Украина находились в составе единого советского государства, посвященные сравнению идентичностей населения

приграничных регионов этих советских республик. Поэтому относительно исходного состояния идентичностей можно судить только предположительно, опираясь на наблюдения, сделанные в процессе собственного жизненного опыта и своего рода «социологических следов», выявленных при проведении настоящего исследования. Наши предположения на сей счет сводились к нескольким позициям:

- идентичности украинского и российского населения не были однородными, поскольку в этническом отношении оно было смешанным. В частности, в районах Белгородской области нередко соседствовали села, определяемые на бытовом уровне как «москальские» (с преимущественно этнически русским населением) и «хохлацкие» (с преимущественно этнически украинским населением). При этом надо учитывать, что эти определения не заключали в себе идеологически фундированной взаимной неприязни и в повседневном общении служили своего рода маркерами различий в образе жизни и образе мыслей;

- несмотря на разнородность, некоторые общие константы в идентичностях населения российских, с одной стороны, и украинских, с другой, очевидно, прослеживались. Определялись они преимущественно особенностями этнокультурной истории, в которой выделялись специфические знаковые события и символы;

- в идентичностях было больше общего, чем особенного, тем более, что усилия власти чаще всего были направлены на достижение идентификационного консенсуса. Правда, эта политика имела и свои исключения. Так, например, был относительно короткий период украинизации в российских областях. В.В. Бубликов и В.В. Маркова, в частности, пишут: «Суть украинизации в Воронежской и Курской губерниях (а, с 1928 по 1934 гг., в Центрально-Чернозёмной области) заключалась в широком комплексе действий по внедрению украинского языка, в районах с преобладающим украинским населением, в официальное делопроизводство, созданию украиноязычных учебных заведений (причём не только средних и

средне-специальных, но и высших), прессы, формированию украинской «советской» интеллигенции» [2, с. 54]. Однако они отмечают, что почти одновременно осуществлялась и «деукраинизация», в результате которой численность украинского населения в 20-е – 30-е годы XX века в Белгородской области с почти половины сократилась до 1/10. Авторы подчеркивают: «Основной причиной «деукраинизации» белгородского края в раннесоветский период стала не «политическая» ассимиляция, побуждавшая украинцев «записываться» русскими «на всякий случай», а тяжелейший удар, нанесённый советской властью по крестьянству, выразившийся сначала в продразверстках, а позже в раскулачивании, создании колхозов и, наконец, страшном голоде 1932-33 гг., получившем в украинской историографии название Голодомор» [2, с. 54 - 55].

Второе учитываемое нами обстоятельство состояло в том, что изменение идентичностей населения приграничных регионов, по меньшей мере, в последние два десятилетия наиболее интенсивно происходило в украинском приграничье. В первую очередь, это было связано, как уже отмечалось выше, с формированием новой украинской государственности. Генезис собственной государственности объективно востребует пересмотр традиционных эталонов идентичности, изменения сложившегося хронотопа, что выражается как в ревизии истории, так и разработке инновационных проектов будущего. Фактически, украинской элите пришлось в короткие сроки создавать свой оригинальный хронотоп. Поскольку сроки для этого были явно нереальными, результаты, по меньшей мере, в настоящий момент оказываются весьма проблематичными. Кроме того, украинской элите, а вслед за ней и большей части населения потребовалось определиться в отношении соседней России, оппонировать которой в социокультурном плане казалось весьма выгодно в условиях дефицита собственных продуктивных (к их числу не относятся спекулятивные теории относительно великого прошлого, настоящего и будущего так называемых «укров») идей.

В России первый фактор, практически, не действовал. Российская государственность изначально мыслилась как государственность, опирающаяся на многовековую историю, с которой и отождествляет себя большая часть населения страны. Противоречия возникают в основном в отношении советского периода, но, очевидно, они не рассматриваются большинством населения в качестве основания для ревизии хронотопа в целом и создания принципиально новой идентификационной модели. Второй фактор имеет определенное значение для российского приграничья. Специфика его проявления заключается в том, что значительная часть жителей приграничных областей, связанная с населением украинских регионов не только деловыми отношениями и культурной традицией, но и родственными связями ощутила, что поведение соседей неадекватно ожиданиям. Данное обстоятельство породило разочарование, которое, к сожалению, не было отрефлексовано, но послужило базисом для корректировки как собирательного имиджа, так и в некоторых случаях образа конкретных контрагентов. По нашему мнению, исключительно наглядно в художественной форме выразил суть доминирующего в России (и в ее приграничных регионах) И. Бродский в стихотворении «На независимость Украины».

Но факт украинской независимости с течением времени, скорее всего, перестал бы восприниматься жителями приграничных российских регионов как культурная травма¹, если бы не события, обычно определяемые как «Евромайдан». Судя по полученным нами в ходе исследования данным, он

¹ Употребляя данное понятие, мы опираемся на концепцию П. Штомпка, который характеризует культурную травму следующим образом: «Вследствие стремительного, радикального социального изменения «двойственность культуры» (имеются в виду когнитивные и нормативные компоненты культуры – В.Б.) проявляется своеобразно: травматические события, сами по себе несущие определенный смысл, наделяются смыслом членами коллектива, нарушая мир смыслов, неся культурную травму. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся» [18, с. 11].

приобрел для многих из них характер не просто политического события, но, своего рода, культурной травмы. Не случайно среди наиболее характерных символов украинской культуры российские респонденты наряду с Т. Шевченко (26.2%), салом (22.0%), украинским фольклором и Киево-Печерской Лаврой (по 20.6%) россиянами был упомянут именно «Майдан» (17.2%). Кстати, среди украинцев его упомянули только 4.4% респондентов. Вероятно, отражением негативной рефлексии событий, связанных с «Евромайданом», является и то, что наиболее типичным негативным качествам украинцев российские респонденты назвали агрессивность – 34.2%.

Таким образом, рассматривая процесс формирования культурно-цивилизационной идентичности в приграничных регионах России и Украины, мы видим его в значительной степени асинхронным и – с течением времени – все более разновекторным. При этом ситуацию не следует интерпретировать в виде упрощенной схемы, в соответствие с которой, украинское население приграничья (за исключением самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик) под влиянием центральных властей постепенно дрейфует в сторону от русских и рвет с ними традиционные связи, а российские граждане, поощряемые федеральной властью, стараются воспрепятствовать этому процессу. Реальность может быть определена, скорее, как «идентификационный калейдоскоп», предполагающий возникновение и постоянное изменение различных моделей идентичности. Ни одна из них не является устойчивой в течение длительного времени.

Возможные идентификационные модели в российско-украинском приграничье. Допустимо, на наш взгляд, выделить несколько возможных (и в той или иной мере реализуемых) в российско-украинском приграничье идентификационных моделей¹:

¹ По моделью в данном случае мы понимаем устойчивый образ-представление человека о самом себе и референтах, опирающийся конкретный ценностно-смысловой комплекс.

- традиционная советская, сохраняющаяся в основном у части граждан старшего возраста и характеризующаяся высокой степенью ценностно-смыслового единства украинцев и россиян. Для этой модели типично восприятие человеком себя как члена единой, по сути, имперской общности, отождествляемой с государством, продолжающей существовать в его сознании, несмотря на новые границы. Понятие «советский человек» в данном контексте сохраняет свою актуальность, детерминируя поведение личности и формирует специфическую «этнокультурную гордость»;

- современная национально-государственная, основанная на отождествлении человека или группы с Россией или Украиной как самостоятельными государствами-нациям, связанная с поиском в настоящем специфических культурных эталонов, способных консолидировать общество. В абсолютном большинстве случаев она реализуется в зависимости от постоянного проживания и наличия гражданства: однако возможны и исключения, когда люди, имеющие гражданство одной страны и постоянно проживающие на ее территории, идентифицируют себя с ценностями другой. Последнее обстоятельство довольно типично для мигрантов. Но оно может иметь место и в сознании групп, относящихся к коренному населению;

- ретро-культурная, ориентированная на, чаще всего мифологизированное и отформатированное под задачи сегодняшнего дня прошлое; в этом случае объектом идентификации становятся ценности и смыслы, сформулированные как квинтэссенция принятой исторической концепции, либо как результат интерпретации значимого для субъекта конкретного исторического периода;

- этнокультурная, в основе которой лежит идентификация с культурными образцами, носителями которых является этнос или субэтнос, локализованный в рамках геополитического пространства (например, так называемые «галицийцы» или русины в Украине, представители этнических диаспор в России или крымские татары);

- локальная, выражающаяся в отождествлении себя с комплексом ценностей и смыслов, декларированных населением конкретной территории, либо представляющей его элитой, что наиболее характерно для Новороссии;

- «номадическая», представленная ориентацией на так называемые глобальные процессы и предполагающая отождествление актора с ценностями западной (преимущественно воспринимаемой как европейская) цивилизации. В этом случае субъект идентификации обычно апеллирует к так называемым демократическим ценностям.

Возможны и другие идентификационные модели, а также их переходные варианты, что дополнительно усложняет ситуацию и создает значительные трудности для ее анализа. Эти трудности связаны еще и с тем, что нередко имеют место различия между реальной и демонстрационной моделями идентификации. Демонстрационная модель возникает тогда, когда человек опасается санкций в связи с попыткой открыто высказать свои убеждения, в том числе, участвуя в социологическом исследовании, которое нередко воспринимается отдельными гражданами как своего рода проверка на лояльность.

Представляет интерес вопрос о том, как соотносятся эти модели с типами идентичности, по М. Кастельсу. Мы полагаем, что любая из моделей, в зависимости от исторического социального контексте, может быть отнесена к любому из типов. Так, например, попытка целенаправленно выстроить нацию-государство по лекалам истории, делает ретро-культурную модель моделью проектного типа; но если данная модель сохраняется в силу инерции, она становится легитимирующей.

Противоречия и парадоксы идентификационных процессов в российском украинском приграничье. Сложная геополитическая ситуация в российско-украинском приграничье, сочетающаяся с традиционной поликультурностью и активным вмешательством в общественные процессы внешних сил придает идентификационному процессу крайне противоречивый характер.

В частности, проведенное нами исследование выявило асимметричность структуры российско-украинских кровнородственных социальных сетей. Согласно полученным данным у 72.8% украинских респондентов есть родственники в России, в то время как доля россиян, имеющих таковых в Украине, почти в два раза меньше - 39.8%. Это противоречие нельзя объяснить якобы имеющей место разницей в численности жителей украинских и российских приграничных регионов. Напротив, генеральная совокупность населения украинского приграничья почти на два миллиона выше, чем российского. Выявленная асимметрия имеет, скорее всего, социально-психологические причины. Они связаны с тем, что вследствие отмеченного выше разочарования в ожиданиях относительно желаемого поведения соседей-украинцев российские граждане стали все чаще «забывать» о своих родственниках по ту сторону границы. Напротив, многие жители украинского приграничья склонны сохранять старые связи. Возможно, расценивая их как своеобразную гарантию в случае неблагоприятного развития ситуации в своей стране.

Показательно в данной связи то, что жители приграничных регионов Украины активнее поддерживают отношения со своими российскими родственниками (82.4%), чем россияне с украинскими (67.8%). Отметим: 60.8% россиян затруднились ответить на вопрос о том, находят ли они в настоящее время взаимопонимание со своими украинскими родственниками, а аналогичных ответов среди украинских респондентов почти в два раза меньше (33.0%).

На основании полученных данных можно предположить, что вектор идентификации жителей российского приграничья предполагает заметно выраженный характер дистанцирования от украинских референтов. Для них становится все более важной осторожность и некоторая отстраненность от соседей «по ту сторону границы», истоки которой, очевидно, коренятся в отмеченном выше разочаровании от ожиданий. В то же время украинские граждане (разумеется, включая Донецкую и Луганскую республику) сильнее

ориентированы на социальную конъюнкцию, представляющую собой «процесс, в пределе ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества. Обратным феноменом является социальная дизъюнкция как процесс разъединения, угрожающий самой жизни общества - его социальному воспроизводу» [6, с. 11]. Допустимо утверждать: культурно-цивилизационная идентичность значительной части россиян в приграничном с Украиной пространстве принимает форму своеобразного «идентичности фронта». Этим понятием мы определяем характерный для человека или группы комплекс представлений, в которых «свои» ценности и символы воспринимаются преимущественно как потенциально уязвимые, требующие системной мобилизации защитных ресурсов, а референты рассматриваются как носители опасностей и угроз. «Идентичность фронта» может быть отнесена к любому из трех типов в зависимости от ситуации, в которой формируется. В нашем случае она является легитимирующей идентичностью, поскольку закрепляет традиционно сформировавшиеся у людей представления, не предлагая обществу новых ценностей и инновационных проектов. Точно также она может формироваться в контексте различных идентификационных моделей, в зависимости от определяющих ее ценностей и смыслов. В нашем случае «идентичность фронта» в российском приграничье воспроизводит национально-государственную модель со значительными ретро-элементами.

Естественным следствием «фронтирного» мировосприятия является установка на консолидацию вокруг ценностей и символов, обеспечивающих однозначную легитимирующую идентификацию в неустойчивой социальной среде.

Мы обращали внимание на то, что разочарование значительной части жителей приграничных регионов поведением соседей-украинцев осталось не отрефлексируемым, то есть не послужило основанием для критического

анализа собственных ценностно-смысловых установок, хотя, возможно, такая рефлексия позволила бы с большим пониманием отнестись к происходящему. Тем более, что до настоящего времени в сознании большей части жителей как украинского, так и российского приграничья преобладает позитивное представление об общем прошлом. 40.6% опрошенных жителей приграничных регионов Украины считают, что большую часть истории российско-украинских взаимоотношений между определяли дружба и взаимопонимание, еще 27.0% - добровольное сотрудничество. Среди российских респондентов эти показатели составили соответственно 42.4% и 11.6%.

Сравнительно низкое значение последнего индикатора, на наш взгляд, дополнительно подчеркивает эволюцию идентификационной модели россиян в направлении «идентичности фронта».

Абсолютное большинство жителей приграничных регионов России соотносят себя с представителями российской культуры (70.8%), что отражает высокий уровень консенсуса в самоидентификации российских граждан, являющийся характерной чертой «идентичности фронта». Незначительная доля опрошенных (8.8%) относят себя к представителям европейской культуры, 9.2% - к мировой; 2.6% - к евразийской.

Ситуация в приграничных регионах Украины выглядит принципиально иной. Здесь около четверти опрошенных (24.2%) указали, что относят себя к мировой культуре, 18.6% - к европейской, только 15.8% - к украинской, немногим меньше – к русской (11.8%) и евразийской (11.2%). При этом 45.6% респондентов отметили: в этническом отношении они считают себя русскими; 13.0% - украинцами. Для остальных участников опроса этническая самоидентификация не является значимой; 15.8% считают себя жителями своего города или района; 12.0% - региона; 6.0% - гражданами мира; 3.4% - европейцами (остальные затруднились ответить).

Полученное распределение дает основание считать, что в настоящее время в приграничных регионах Украины утверждаются локальце

идентичности протестного типа. Содержание их зависит от ситуации в территориальном сообществе. И - что парадоксально - в тех случаях, когда локализация осуществляется как попытка возврата хотя бы к некоторым традициям российско-украинского общего прошлого (Донецк и Луганск), она вполне может рассматриваться как превращенная форма легитимирующего типа. В тех случаях, когда ориентация направлена на иные традиции, она выступает как протестная в его аутентичном виде.

Парадоксальным, на первый взгляд, является то, что в российском приграничье большинство граждан считают себя россиянами (43.2%); русскими – только 29.4%. 4.6% убеждены, что, они, прежде всего – жители региона; 7.0% - города или района; 6.2% - граждане мира; 2.8% - европейцы (6.2% затруднились с самоидентификацией). Однако такое распределение ответов вполне укладывается в предложенную выше схему трех типов идентичности. Соотнесение относительным большинством граждан себя не с национальностью (а приграничные российские регионы, практически, моноэтничны; по меньшей мере, в ходе опроса 94.6% респондентов заявили – они русские) означает лишь то, что государственные ценности (независимо от того, реальны они или иллюзорны) приоритетны для граждан. Именно они, а не этнические признаки, воспринимаются как основания для консолидации и одновременно как феномены, требующие сохранения и защиты. Ценности локальных образований различного уровня значимы крайне мало.

Рассматривая себя, прежде всего, как носителей государственного начала, жители приграничных регионов России демонстрируют высокий уровень гордости за свою страну (76.6%), что вполне естественно, так как «идентичность фронта» должна поддерживаться идеологически и символически. Однако структура предметов гордости россиян весьма примечательна. 50.4% говорят в данной связи о Победе в Великой Отечественной войне, 46.8% – об историческом наследии. 12.4% гордятся высоким уровнем культуры; 20.6% - научно-техническими достижениями;

20.4% - морально-нравственными качествами жителей; 20.4% - знаменитыми людьми. Вариант ответа «предметов гордости не вижу» выбрали лишь 5,4% опрошенных, а 17.0% затруднились ответить на данный вопрос.

Таким образом, основными предметами гордости являются феномены, связанные с прошлым, в частности, с советским прошлым. Но при всей значимости традиционных ценностей и даже их сакральности следует представлять: мы наблюдаем проявление традиционной идентичности легитимирующего характера, которая не предлагает нового проекта, привлекательного для соседей-украинцев.

Однако идентичность, опирающаяся исключительно на прошлое недостаточно продуктивна в нестабильной социальной среде. Задачи самоопределения и конкуренции требуют более современных и конкретных «привязок». Для россиян – это, в первую очередь, фигура политического руководителя- лидера, которая в их сознании трансформируется в социокультурный феномен, выходя за рамки традиционного политико-управленческого пространства. Показательно в данной связи, что среди символов, которые наиболее точно отражают сущность российской культуры, 30.0% указали: «В.В. Путин». Среди других относительно значимых символов оказались: матрешка (20.8%) и Красная площадь (17.6%). Такие национальные государственные символы в прошлом и настоящем как флаг, гимн, серп и молот выбрали в среднем по 8% опрошенных. Минимальны доли отметивших те или иные социально-психологические характеристики национального характера, а также такие исконно русские символы как балалайка, гармонь, самовар и пр. Это дает основание утверждать, что, несмотря на довольно активную работу средств массовой информации по пропаганде «досоветских» российских ценностей, для абсолютного большинства жителей приграничья они остаются чуждыми, и не определяют идентификацию. При этом Президент России – единственный социальный институт, которому доверяет существенная часть

(39.4%) населения российского приграничья (отметим: вторым по уровню доверия институтом остается церковь, набирающая только 10.6%).

В украинских регионах гордость за свою страну испытывают 63.8% респондентов. В структурном отношении предметы гордости здесь в целом аналогичны российским. Правда, показатели сторонников наиболее приоритетных среди них заметно ниже. Доля гордящихся победой в Великой Отечественной войне, составляет 33.8%, историческим наследием – 28.4%. 11.6% гордятся высоким уровнем культуры; 9.0% - научно-техническими достижениями; 18.6% - морально-нравственными качествами жителей; 7.6% - знаменитыми людьми. Но 24.8% предметов гордости не видят, 1.4% - затруднились с ответом.

Акцент на историческом прошлом вполне объясним инерционным влиянием культурной. Так А.Н. Михайленко отмечает, что значительная часть населения приграничных районов России и Украины сохранила «советскую» идентичность, отождествляет себя не с новыми независимыми государствами, а с гражданами бывшего СССР [11].

4. Приграничные идентичности: возможно ли сближение?

Полученные данные позволяют утверждать, что в сознании сравнительного большинства украинцев «протестная» идентичность парадоксальным образом сочетается с традиционной. И в этом случае она в какой-то мере сближается и идентичностью, преобладающей среди россиян.

Однако близость между ними не следует переоценивать. Действительно, по ряду параметров представления жителей российского и украинского приграничья остаются довольно близкими. В частности, это относится к представлению о роли государства. Так абсолютное большинство опрошенных в равных долях (56.2% в России и 56.6% в Украине) считают, что «государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни», характеризующий ярко выраженный социалистический выбор в политическом

самоопределении, этатизм с приматом подданнической политической культуры.

Значимая часть опрошенных (24.6% россиян и 26.2% украинцев) свой политический выбор связывают с демократической политической культурой, предполагающей в качестве своей основы правовое государство. Об этом свидетельствует выбранный ими вариант ответа: «Государство должно устанавливать единые «правила игры» и следить, чтобы они не нарушались». Соответственно 13.4% и 13.2% населения придерживаются либеральной позиции, для которой характерно минимальное вмешательство государства в жизнь граждан, в том числе и в их экономическую деятельность.

Однако по ряду позиций представления российских и украинских граждан заметно расходятся. Так, выбирая между политическими и личными правами и свободами и материальным благополучием, и российские, и украинские респонденты предпочитают материальное благополучие. Но доля ответов украинских респондентов, сообщающих о приоритете материального благополучия, составляет 46.8% против 39.6% россиян.

Ценность политических прав и свобод выходит у населения приграничных регионов Украины на передний план (35.4%) в значительно большей мере, чем у россиян. Среди россиян значимость политических прав и свобод отметили только 28.6% респондентов. О том, что важно и то, и другое в равной степени, сообщили в среднем по 9 % респондентов.

Расходятся жители приграничных регионов и в оценке роли идеологии. Жители украинского приграничья несколько чаще убеждены в том, что единая идеология обществу не нужна (28.4% против 20% россиян).

Таким образом, можно утверждать, что идентичность жителей приграничных регионов Украины в большей степени, чем россиян, ориентирована на либеральные ценности, что дополнительно подчеркивает ее протестный характер. В то же время среди украинского населения остается довольно сильно выраженным желание к сохранению единства. Возможно, причина этого не только в инерционном влиянии прошлого и стремлении

сохранить родственные связи, но и в том, что приграничье не принимает в полной мере стратегию нынешних киевских властей. Россияне на сохранение единства нацелены в гораздо меньшей степени. И показательно, что среди российских респондентов на вопрос о том, какими бы они хотели видеть Россию и Украину в будущем, наиболее популярным является вариант ответа «независимыми нейтральными государствами»; его выбрали 37% опрошенных. Среди украинцев аналогично ответили 31.6% участников опроса, более популярным здесь оказался ответ «единым государством», набравший 35.6% голосов. Доля же россиян, желающих видеть в будущем Россию и Украину единым государством, составляет всего 16.8%.

5. Заключение.

Таким образом, идентификационные процессы в приграничных регионах России и Украины, по меньшей мере, не стимулируют восстановление прежнего высокого уровня гомогенности социального пространства. Они, скорее, разъединяют, чем соединяют близкое по своим культурным характеристикам население.

Доминирующие, как в среде российского, так и украинского населения, идентификационные представления, судя по всему, существенно деконструируют традиционную модель хронотопа. Во-первых, если прежде, в течение многих лет совместного общежития, она, фактически была единой и включала в себя в отношении прошлого – представление об общих корнях (Киевская Русь); в отношении настоящего – о братском союзе, инициированном еще Богданом Хмельницким; в отношении будущего – о процветании в единой евразийской семье, то сегодня таких моделей несколько. Во-вторых, все из них в той или иной мере опираются на ревизию одного или нескольких компонентов хронотопа, в результате чего усиливается хаотизация социального пространства. В этих условиях крайне трудно сделать верный прогноз относительно перспектив идентификационных изменений. Проведенное исследование дает лишь основания предполагать, что ближайшее время они будут иметь

преимущественно разновекторную направленность по обе стороны границы. И, вероятно, в российском секторе приграничья в значительно большей степени, чем в украинском.

Список литературы.

1. Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Сапрыка В.А. 2015. Политико-культурная делимитация приграничных регионов России и Украины в оценках экспертного сообщества. – *Регионоведение*. № 1. С. 45-56.

2. Бубликов В.В., Маркова В.В. 2014. Формирование этнического состава населения Белгородской области (часть первая: XIX век – середина XX столетия). – *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право*. № 3 (173). С. 49-59.

3. Гайдар К.М. 2011. Развитие идентичности студенческой группы как ее субъектный потенциал и как психологический ресурс подготовки специалистов к профессиональной деятельности. – *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования»*. № 1. С. 14-19.

4. Гришина Е. А. 1999. *Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности*. М.: Социум. 132 с.

5. *Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей*. 2011. М.: Изд-во ИМЭМО РАН. 299 с.

6. Кармадонов О.А. 2015. Солидарность, интеграция, конъюнкция. – *Социологические исследования*. № 2. С. 3-12.

7. Котельников Д.С. *Социокультурные особенности региональной идентичности населения административного центра Южного федерального округа*: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Ростов н/Д, 2009. 177 с.

8. Крылов М.П. 2010. *Региональная идентичность в Европейской России*. М.: Новый хронограф. 240 с;

9. Лескова И.В. *Социальная идентичность в условиях трансформации российского общества*: автореф. дисс. ... док. социол. наук: 22.00.04. М. 2009. 46 с.
10. Митрошенков О.А. 2016. Идентичность: от теоретического концепта к управленческим воздействиям (социально-философский анализ). – *Власть*. №2. С. 14-28.
11. Михайленко А.Н. Три теоретических подхода к изучению российско-украинского приграничья. Доступ: <http://kazakinfo.ru/index.php/component/content/article/11-stati/33triteoreticheski-kh-podkhoda-k-izucheniyu-rossijsko-ukrainskogo-prigranichya/> (проверено: 17.03.2017).
12. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. *Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа*. 2005. М.: Наука. 396 с.
13. Симонова, О.А. 2008. К формированию социологии идентичности. – *Социологический журнал*. №3. С. 45-61.
14. Сокурская Л.Г. 2009. Трансформация пространства идентичностей студенческой молодежи: теоретический и эмпирический анализ. – *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*. №15. С. 616-622.
15. Тлостанова М.В. 2010. *В порядке полемики*. М.: Издание Независимого института гражданского общества. 66 с.
16. Хесле В. 1995. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. – *Вопросы философии*. №10. С. 112-123.
17. Ходаковская О.В. 2006. Социальная и личностная идентичность в юности: дис. ... канд. психол. наук. 19.00.05 СПб. 187 с.
18. Штомпка П. 2001. Социальное изменение как травма. – *Социологические исследования*. № 1. С. 6-16.
19. Эрикссон Э. 1996. *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс. 342 с.

20. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе. Доступ: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-189481.html?page=28> (проверено: 17.03.2017).

21. Ядов В.А. 1995. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности. – *Мир России. Социология. Этнология.* № 3-4. С. 158-181;

22. Ядов В.А. 1994. *Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен. Социальная идентификация личности.* М.: ИС РосАН. С. 35-52.

23. Ядов В.А. 1995. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности. – *Мир России.* № 3-4. С. 158-181;

24. Castels M. 1997. *The Power of Identity.* Oxford: Blackwell Publishers. 560 p.

25. Giddens A. 1991. *Modernity and Self identify: Self and society in late modern age.* Stanford: Stanford University Press. 264 p.

26. Tajfel H. 1978. *Differentiation between social groups : studies in the social psychology of intergroup relations.* London.New York: Published in cooperation with European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press. 490 p.

References.

1. Babincev V.P., Reutov E.V., Sapryka V.A. Politiko-kul'turnaja delimitacija prigranichnyh regionov Rossii i Ukrainy v ocenkah jekspertnogo soobshhestva. – *Regionologija.* 2015. №1. P. 45-56. (In Russ.).

2. Bublikov V.V., Markova V.V. Formirovanie jetnicheskogo sostava naselenija Belgorodskoj oblasti (chast' pervaja: XIX vek – seredina XX stoletija). – *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Pravo.* 2014. №3 (173). P. 49-59. (In Russ.).

3. Gajdar K.M. Razvitie identichnosti studencheskoj gruppy kak ee sub#ektnyj potencial i kak psihologicheskij resurs podgotovki specialistov k professional'noj dejatel'nosti. – *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Problemy vysshego obrazovanija»*. 2011. №1. P. 14-19. (In Russ.).
4. Grishina E. A. *Rossijskaja molodezh': problemy grazhdanskoj identichnosti* [Russian youth: problems of civil identity]. Moscow: Social life. 1999. 132 p. (In Russ.).
5. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza: sbornik statej* [Identity as a subject of political analysis: a collection of articles]. Moscow: Izdatelstvo IMEMO RAN. 2011. 299 p. (In Russ.).
6. Karmadonov O.A. Solidarnost', integracija, kon#junkcija.– *Sociologicheskie issledovanija*. 2015. № 2. P. 3-12. (In Russ.).
7. Kotel'nikov D.S. Sociokul'turnye osobennosti regional'noj identichnosti naselenija administrativnogo centra Juzhnogo federal'nogo okruga: dis. ... kand. sociol. nauk: 22.00.06. Rostov n/D, 2009. 177 p.
8. Krylov M.P. Regional'naja identichnost' v Evropejskoj Rossii. [Regional identity in European Russia]. Moscow: New chronograph. 2010. 240 p. (In Russ.).
9. Leskova I.V. Social'naja identichnost' v uslovijah transformacii rossijskogo obshhestva: avtoref. diss. ... dok. sociol. nauk: 22.00.04. M. 2009. 46 p.
10. Mitroshenkov O.A. Identichnost': ot teoreticheskogo koncepta k upravlencheskim vozdeystvijam (social'no-filosofskij analiz). – *Vlast'*. 2016. № 2. P. 14-28. (In Russ.).
11. Mihajlenko A.N. Tri teoreticheskikh podhoda k izucheniju rossijsko-ukrainskogo prigranich'ja. (In Russ.) URL: <http://kazakinfo.ru/index.php/component/content/article/11-stati/33> triteoreticheskikh-podkhoda-k-izucheniyu-rossijsko-ukrainskogo-prigranichya/ (accessed: 17.03.2017).

12. *Rossijskaja identichnost' v uslovijah transformacii: opyt sociologicheskogo analiza*. Pod red. M.K. Gorshkov, N.E. Tihonova. [Russian identity in the conditions of transformation: the experience of sociological analysis]. Moscow.: Science. 2005. 396 p. (In Russ.).
13. Simonova, O.A. K formirovaniju sociologii identichnosti. – *Sociologicheskij zhurnal*. 2008. №3. P. 45-61. (In Russ.).
14. Sokurjanskaja L.G. Transformacija prostranstva identichnostej studencheskoj molodezhi: teoreticheskij i jempiricheskij analiz. – *Metodologija, teorija ta praktika sociologichnogo analizu suchasnogo suspil'stva*. 2009. №15. P. 616-622. (In Russ.).
15. Tlostanova M.V. 2010. *V porjadke polemiki* [In the order of controversy]. Moscow: Publication of the Independent Institute of Civil Society. 66 p. (In Russ.).
16. Hesle V. Krizis individual'noj i kollektivnoj identichnosti. – *Voprosy filosofii*. 1995. №10. P. 112-123. (In Russ.).
17. Hodakovskaja O.V. 2006. Social'naja i lichnostnaja identichnost' v junosti: dis. ... kand. psihol. nauk. 19.00.05 SPb. 187 p.
18. Shtompka P. Social'noe izmenenie kak travma. – *Sociologicheskie issledovanija*. 2001. № 1. P. 6-16. (In Russ.).
19. Jerikson Je. 1996. *Identichnost': junost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress. 342 p. (In Russ.).
20. Jadov V.A. Social'naja identifikacija v krizisnom obshhestve. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-189481.html?page=28> (accessed: 17.03.2017).
21. Jadov V.A. Social'nye i social'no-psihologicheskie mehanizmy formirovanija social'noj identichnosti lichnosti. – *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija*. 1995. № 3-4. P. 158-181. (In Russ.).
22. Jadov V.A. 1994. *Social'nye identifikacii lichnosti v uslovijah bystryh social'nyh peremen. Social'naja identifikacija lichnosti* [Social identity of a person in conditions of rapid social changes. Social identification of the person]. Moscow: IS Rosan. Book. 2. (In Russ.).

23. Jadov V.A. Social'nye i social'no-psihologicheskie mehanizmy formirovaniya social'noj identichnosti lichnosti. – *Mir Rossii*. 1995. № 3-4. P. 158-181. (In Russ.).

24. Castels M. 1997. *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishers. 560 p.

25. Giddens A. 1991. *Modernity and Self identify: Self and society in late modern age*. Stanford: Stanford University Press. 264 p.

26. Tajfel H. 1978. *Differentiation between social groups : studies in the social psychology of intergroup relations*. London.New York: Published in cooperation with European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press. 490 p.

УДК 316

ФЕНОМЕН ЛИМИНАЛЬНОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ¹

Мельникова Р.И.
д.с.н., профессор, заведущая базовой научно-
производственной кафедрой муниципального
управления ВИЭСУ
Россия, г. Воронеж

Маматов А.В.
к.т.н., профессор, проректор по учебной
работе и информатизации НИУ
«БелГУ»

Пастюк А.В.
аспирант кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

¹ Статья подготовлена в рамках Задания №2015/2459 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (рук. В.П. Бабинцев).

Аннотация. В статье рассматривается феномен лиминальности идентичности населения, в особенности Российского-Украинского приграничья. Именно близость границы способствовала формированию в приграничных регионах особой идентичности, во многом отличной от идентичности населения внутренних регионов обоих государств. Изучение данного феномена было основано на теории лиминальности. В результате исследования было выявлено значительное преобладание таких базовых ценностей, как конформность, универсализм, безопасность и благожелательность над ценностями гедонизм, достижение, власть – богатство, самостоятельность, риск – новизна. Лиминальные идентичности населения приграничных регионов России и Украины, имеют значительный уровень общности, как минимум в отношении одного из основополагающих элементов идентичности – базовых ценностей. Как показало исследование, идентификация с культурно-исторической общностью не выходит в сознании населения на первый план. Тем не менее, общность характеристик идентичности в приграничье, указывает на некоторую степень влияния общей истории на процессы культурно-цивилизационной идентификации российско-украинского приграничья.

Ключевые слова: теория лиминальности, идентичность населения, транскультурные связи, ценностные ориентации, самоидентификация.

PHENOMENON OF LIMINALITY IN IDENTITIES OF THE RESIDENTS OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN BORDERLAND

Abstract. The paper studies the phenomenon of liminality in identities, which is especially prominent in the Russian - Ukrainian borderland. The proximity of the border fosters a specific type of identity in border regions which differs in many ways from that of the inland populations in both countries. This phenomenon is analyzed from the perspective of the theory of liminality. The study reveals a significant prevalence of basic values such as conformity, universalism, security and benevolence over hedonism, ambition, power/wealth, independence, risk/ novelty. Liminal identities of residents of Ukrainian and Russian border regions reveal significant similarity, at least in one of the fundamental identity elements, i.e. basic values. The survey shows that identification with the cultural and historical community does not dominate the public consciousness. Nevertheless, common identity characteristics within the borders prove that the common history impacts the processes of cultural and civilizational identification in the Russian and Ukrainian borderlands.

Keywords : theory of liminality, national identity, transcultural communication, values, self-identification.

Социальные трансформации последних лет, связанные с деконструкцией советского государства, повлекли за собой значительные изменения в структуре идентичности населения бывших союзных республик. В особенной степени эти процессы коснулись идентичности населения нового приграничья. Если на протяжении советской истории граница между республиками СССР не имела решающего влияния на идентичность населения, то возникшие в постсоветский период барьеры для коммуникации жителей некогда одного государства обусловили, как возникновение новых идентичностей, так и трансформацию старых.

Особый интерес в данном контексте представляет российско-украинское приграничье. Несмотря на возникновение новой границы, ей была присуща преобладание контактной функции над барьерной, что обусловило сохранение транскультурных связей и коммуникаций. Данный тезис подтверждается в работах многих отечественных авторов, изучающих специфику развития приграничных регионов России и Украины [1,2,3,4]. Вместе с тем, близость границы способствовала формированию в приграничных регионах особой идентичности, во многом отличной от идентичности населения внутренних регионов обоих государств. На наш взгляд, наиболее подходящей для изучения данного феномена является теория лиминальности.

Теория лиминальности была в наибольшей степени раскрыта В. Тернером, который понимал под ней возникающую между двумя стабильными состояниями переходную ситуацию или переходное состояние [5, 150]. Находясь в переходном или пороговом состоянии, жители приграничных территорий испытывают на себе влияния большого числа разносторонних факторов. В свою очередь, согласно теории В. Тернера, лиминальные индивиды «находятся в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом» [6, 169]. Вместе с тем, лиминальность следует рассматривать не только в контексте состояния «перехода» от одной целостности к другой.

Лиминальность позволяет оценить вне системность анализируемого объекта. При этом, крайне важным свойством лиминальности выступает её пространственно-временное измерение или хронотоп, в рамках которого она зафиксирована. Более того, «её можно рассматривать как потенциальный период тщательной проверки центральных ценностей и аксиом культуры, в которой она происходит» [5: 232].

Однако если Тернер понимал под лиминальностью состояние перехода к другой целостности, то отечественный ученый А.И. Бобков видит в неё прежде всего «практику разрушения существующей структуры с целью возвращения экстатического состояния самобытности» [7]. Вместе с тем, оба представленных подхода могут быть в полной мере использованы в рамках исследования идентичности российского-украинского приграничья.

С позиции первого подхода, необходимо отметить, что лиминальность идентичности приграничных регионов предполагает, прежде всего, значительные её отличия от идентичности общегосударственного, общенационального или цивилизационного уровня. Вместе с тем, региональная идентичность представляет собой структурный вариант идентичности высшего уровня. В свою очередь, лиминальность предполагает, что данный структурный вариант имеет наибольшие отличия от ядра идентичности, под которым мы понимаем совокупность усредненных и наиболее общераспространенных объектов самоидентификации (ценностей, социальных норм и институтов, традиций, символов и др.). При этом, данный вариант остается в границах предельного состояния, не предполагающего перехода к другой или возникновения новой идентичности.

С целью исследования различий в базовых ценностях внутренних и граничащих с Украиной регионов России проведено собственное исследование, включающие анкетирование населения Белгородской и

Костромской областей (N=667)¹. Как уже было отмечено, именно базовые ценности представляют собой один основополагающих элементов идентичности различного уровня. Несмотря на то, что была выявлена некоторая общность ценностей населения приграничного и внутреннего регионов, например, равновесие между консерватизмом и открытостью к новому, также можно отметить ключевое отличие, а именно значительный перевес самотрансцендентности населения, которая понимается, как социальная ориентация и социальная открытость. Данный результат означает значительное преобладание таких базовых ценностей, как конформность, универсализм, безопасность и благожелательность над ценностями гедонизм, достижение, власть – богатство, самостоятельность, риск – новизна.

Сравнивая полученные данные с общеевропейскими, следует отметить, что уровень самотрансцендентности населения приграничной Белгородской области, являясь более высоким, чем по России в целом, тем не менее, существенно отличается от среднеевропейских показателей (Нидерланды, Великобритания, Бельгия) и находится на уровне государств восточной части Европы, например, Украины [8].

В этой связи, логичным видится предположение, что идентичность населения приграничных регионов России и Украины представляя собой предельные состояния общероссийской и общеукраинской идентичностей соответственно, имеют значительное число общих черт, сформировавшихся в рамках транскультурной коммуникации и преобладания контактной функции границы над барьерной.

С целью подтверждения или опровержения данного предположения был проведен количественный опрос населения приграничных регионов России и Украины (N=1000)². Для более глубокого изучения сходств и

¹ Исследование проведено в апреле 2015 года в Белгородской и Костромской областях. Использована квотная половозрастная выборка соответствующая генеральной совокупности. Ошибка выборки составляет не более 3,2%.

² Исследование проведено в июне 2015 года в Белгородской, Брянской, Воронежской и Курской областях России и Луганской, Сумской, Харьковской и Черниговской областях

различий ценностных ориентаций населения в рамках количественного исследования респондентам было предложено по 10-бальной шкале оценить следующие ценности: безопасность, благожелательность, готовность помочь другим, причастность к коллективу, подчинение общим нормам, самостоятельность, инициатива, традиция, сохранение привычного образа жизни, власть, богатство, личный успех, жизнь в свое удовольствие, риск, конкуренция и стремление к переменам (Таблица 1.).

Как видно из представленной таблицы значимость ценностей для жителей приграничных регионов России и Украины совпала только по трем показателям – «Безопасность», «Традиция, сохранение привычного образа жизни» и «Причастность к коллективу, подчинение общим нормам». Вместе с тем, ранжирование ценностей позволяет увидеть тот факт, что, несмотря на различия в общей структуре распределение ценностей по уровню значимости в целом совпадает.

Оцените в баллах значимость лично для Вас следующих ценностей (Россия)	Приграничные регионы России	Приграничные регионы Украины	Оцените в баллах значимость лично для Вас следующих ценностей (Украина)
	Среднее значение	Среднее значение	
1	2	3	4
Безопасность	8,3	7,8	Безопасность
Личный успех	7,7	7,2	Благожелательность, готовность помочь другим
Доверие к людям	7,2	7	Личный успех
Благожелательность, готовность помочь другим	7,1	6,9	Богатство
Самостоятельность, инициатива	7,1	6,7	Доверие к людям
Жизнь в свое удовольствие	7	6,6	Самостоятельность, инициатива
Традиция, сохранение привычного образа жизни	7	6,5	Традиция, сохранение привычного образа жизни
Богатство	6,7	6,3	Жизнь в свое удовольствие
Причастность к коллективу, подчинение	6,5	6	Причастность к коллективу, подчинение общим нормам

Украины. Использована квотная половозрастная выборка соответствующая генеральной совокупности. Ошибка выборки составляет не более 3,5%.

общим нормам			
Стремление к переменам	6,5	5,9	Риск, конкуренция
Власть	6,2	5,9	Стремление к переменам
Риск, конкуренция	5,8	5,3	Власть

Таблица 1. Количественный анализ ответов респондентов на вопрос: «Оцените в баллах значимость лично для Вас следующих ценностей»

В первую группу ценностей, являющихся наиболее значимыми для населения, были отнесены:

- безопасность и личный успех для России;
- безопасность, личный успех, благожелательность и готовность помочь другим для Украины.

Вторую группу ценностей составили:

- доверие к людям, благожелательность и готовность помочь другим, самостоятельность и инициатива, жизнь в свое удовольствие, традиция и сохранение привычного образа жизни, богатство для России
- богатство, доверие к людям, самостоятельность и инициатива, традиция и сохранение привычного образа жизни, жизнь в свое удовольствие для Украины.

К третьей группе ценностей были отнесены:

- причастность к коллективу, подчинение общим нормам, стремление к переменам, власть, риск и конкуренция для России;
- причастность к коллективу и подчинение общим нормам, риск и конкуренция, стремление к переменам, власть для Украины.

Таким образом, результаты ранжирования ценностей дают все основания полагать, что, несмотря на различия в общей структуре значимости ценностных ориентаций населения приграничных регионов России и Украины, группы ценностей по значимости в целом совпадают.

Исключением является только ценность «Благожелательность, готовность помочь другим», которая в случае с Украиной переходит в группу наиболее значимых ценностных ориентаций. В качестве общей тенденции следует выделить низкую значимость категории ценностей «Открытость к

изменениям» (риск, конкуренция, стремление к переменам, самостоятельность, инициатива), только одна из этих ценностей попала во вторую группу значимости у респондентов. Одновременно с этим ни одна из ценностей категории «Самотрансцендентности» не попала в группу наименее значимых.

Таким образом, лиминальные идентичности населения приграничных регионов России и Украины, имеют значительный уровень общности, как минимум в отношении одного из основополагающих элементов идентичности – базовых ценностях.

Второй из рассматриваемых нами по отношению к лиминальности подходов предполагает возвращение к экстатическому состоянию самобытности. В результате полевых исследований М.П. Крылова и А.А. Гриценко подчеркивается, что «население части городов Белгородской и Курской областей чаще ощущает более сильную духовную (культурную) близость в качестве «земляков» с населением Сумской и Харьковской областей, чем с жителями Орловской области» [9: 12]. Во многом это объясняется общностью культурно-исторического развития данного региона. Значительная часть российско-украинского приграничья в XVII-XVIII веках входила в состав единого культурно-исторического региона Слобожанщина. Харьков и Белгород – два исторических центра Слобожанщины, где оседало беглое крестьянство, селившееся в слободах – селах, свободных от крепостного права и помещичьего землевладения.

Следует отметить, что лиминальность в целом была присуща для Слобожанщины в рамках культурно-исторического контекста. Находящаяся здесь засечная черта отделяющая крымских татар от Русского государства сама по себе подчеркивает предельный и пограничный характер данного региона между двумя культурами и цивилизациями.

Влияние общности культурно-исторического развития на современное состояние идентичности населения приграничных регионов также подчеркивается в работах М.П. Крылова и А.А. Гриценко. На основании

проведенного в российско-украинском приграничье социологического исследования им удалось выделить территории с общей идентичностью населения, располагающиеся параллельно государственной границе и напоминающие контуры исторических регионов – Слобожанщины и Гетманщины [4]. По мнению исследователей, в границах Слобожанщины продолжает сохраняться ощущение близости и сопричастности русских и украинцев. Однако за пределами исторической общности, даже в рамках одних современных региональных эффекты, связанные с ментальной близостью жителей России и Украины значительно ослабевают.

Важным для нашего исследования является тот факт, что по результатам иных социологических исследований, в рамках которых респондентам задавался прямой вопрос «Кем вы считаете себя в первую очередь?», отмечалась низкая степень идентификации себя населением непосредственно с культурно-историческим регионом и общностью. Так, по результатам исследования В.А. Колосова к жителям Слобожанщины себя отнесли только 2,6% опрошенных Харьковчан и Белгородцев [1].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что идентификация с культурно-исторической общностью (в данном случае со Слободской Украиной) не выходит в сознании населения на первый план, жители приграничных регионов не ощущают себя в полной мере жителями Слобожанщины. Вместе с тем, общность характеристик идентичности в рамках границ исторического региона указывает на некоторую степень влияния общей истории на процессы культурно-цивилизационной идентификации российско-украинского приграничья. Тем не менее, в данном случае нельзя говорить о разрушении существующей структуры идентичности выделенной нами в рамках второго подхода.

В заключение необходимо отметить исследования процессов самоидентификации населения приграничных регионов России и Украины требует применения различных теоретических подходов и концепций, ввиду комплексности и многофакторности процессов трансформации идентичности

в современных стремительно меняющихся социальных условиях. Одной из таких концепций выступает теория лиминарности, позволяющая исследовать идентичность, как в условиях предельности в рамках структурной вариативности идентификации целой общности, так и в контексте единства культурно-исторического развития, что в особенной степени актуально для российско-украинского приграничья.

Список литературы.

1. Колосов В.А., Вендина О.И. 2011. *Российско-Украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства*. М.: Новый хронограф. 352 с.
2. Бубенко П.Т., Сапрыка В.А., Гайдукова Г.Н. 2014. Социологический анализ проблем и перспектив российско-украинского приграничного и межрегионального сотрудничества. – *Фундаментальные исследования*. № 6-5. С. 1078-1082.
3. Вардомский Л.Б. 2004. Новые факторы приграничного сотрудничества стран СНГ. – *Конкурентоспособность и модернизация экономики*. С. 263-274.
4. Крылов М.П., Гриценко А.А. 2012. Региональная и этнокультурная идентичность в российско- украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации. Лабиринт. – *Журнал социально-гуманитарных исследований*. № 2. С. 28-42.
5. Тернер В. 1983. *Символ и ритуал*. М.: Наука. 277 с.
6. Turner V. 1969. *The Ritual Process. Structure and Antistructure*. Harmondsworth: Penguin Books. 277 p.
7. Бобков А.И. 2015. Социальная лиминальность и сконструированная этноархаика: различие смыслов. – *Вестник Томского государственного университета*. № 394. С. 74-78.

8. Магун В.С., 2010. Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья первая). – *Общественные науки и современность*. № 3. С. 5-22.

9. Гриценко А.А. 2010. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье: дисс. ... канд. географ. наук: 25.00.24. М. 2010. 169 с.

References:

1. Kolosov V.A., Vendina O.I. *Rossijsko-Ukrainskoe pogranich'e: dvadcat' let razdelen'nogo edinstva* [Russian-Ukrainian borderlands: twenty years of divided unity]. Moscow: New chronograph. 2011. 352 p. (In Russ.).

2. Bubenko P.T., Sapryka V.A., Gajdukova G.N. Sociologicheskij analiz problem i perspektiv rossijsko-ukrainskogo prigranichnogo i mezhregional'nogo sotrudnichestva. – *Fundamental'nye issledovanija*. 2014. № 6-5. P. 1078-1082. (In Russ.).

3. Vardomskij L.B. Novye faktory prigranichnogo sotrudnichestva stran SNG. – *Konkurentosposobnost' i modernizacija jekonomiki*. 2004. P. 263-274. (In Russ.).

4. Krylov M.P., Gricenko A.A. Regional'naja i jetnokul'turnaja identichnost' v rossijsko-ukrainskom i rossijsko-beloruskom porubezh'e: istoricheskaja pamjat' i kul'turnye transformacii. *Labirint*. – *Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*. 2012. № 2. P. 28-42. (In Russ.).

5. Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Moscow: Science. 1983. 277 p. (In Russ.);

6. Turner V. 1969. *The Ritual Process. Structure and Antistructure*. Harmondsworth: Penguin Books. 277 p.

7. Bobkov A.I. Social'naja liminal'nost' i skonstruirovannaja jetnoarhaika: razlichie smyslov. – *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № 394. P. 74-78. (In Russ.).

8. Magun V.S., Rudnev M.G. Bazovye cennosti rossijan v evropejskom kontekste (stat'ja pervaja). – *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2010. № 3. P. 5-22. (In Russ.).

9. Gricenko A.A. 2010. Vlijanie politicheskikh i landshaftnyh granic na regional'nuju identichnost' v rossijsko-ukrainskom porubezh'e: diss. ... kand. geograf. nauk: 25.00.24. M. 2010. 169 p.

УДК 314.74

ТЕНДЕНЦИИ И ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ МИГРАЦИИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СИБИРИ¹

Рязанцев С. В.

член-корреспондент РАН, д. э. н.,
профессор, руководитель Центра демографии
Института социально-политических
исследований РАН;
профессор МГИМО, РУДН и НИУ «БелГУ»,
Лукьянец А. С.

к. э. н., ведущий научный сотрудник
Центра социальной демографии Института
социально-политических исследований РАН
Россия, г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются факторы и тенденции внутрисоссийской и международной миграции в приграничных регионах Дальнего Востока и Сибири. Выявлены особенности развития миграционной ситуации в приграничных территориях. Обобщен зарубежный опыт регулирования миграции в интересах демографического развития в приграничных зонах. Данный опыт адаптирован к приграничным районам Сибири и Дальнего Востока. Был проведен корреляционный анализ факторов оттока населения. В качестве результативного признака был взят миграционный прирост (убыль) от внутренней миграции, а факторными признаками были выбраны: ВРП на душу населения, индекс потребительский цен, уровень безработицы в регионе, уровень преступности в регионе, среднедушевые денежные доходы. Приводятся результаты исследования

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-36-20930 мол-а-вед

динамики коэффициента миграционного прироста за счет внутрисоссийской миграции. Проведено соотношение внутренней и внешней миграции в приграничных субъектах Сибири и Дальнего Востока. Учитывая опыт регулирования миграционных процессов в приграничных регионах зарубежных стран, для приграничных регионов Дальнего Востока и Сибири Российской Федерации следует использовать стратегию ограниченного доступа иностранных граждан на рынок труда и постоянное место жительства.

Ключевые слова: миграционные процессы, Дальний Восток, Сибирь, приграничные регионы, регулирование миграции.

TRENDS AND APPROACHES TO REGULATION OF MIGRATION IN BORDER REGIONS OF THE FAR EAST AND SIBERIA¹

Abstract. *The article examines factors and trends of domestic and international migration in the border regions of the Far East and Siberia. The peculiarities of the development of the migration situation in the border areas are revealed. The foreign experience of regulating migration in the interests of demographic development in the border areas is summarized. This experience is adapted to the border regions of Siberia and the Far East. Correlation analysis of factors of outflow of population is carried out. Migratory growth (loss) from internal migration was used as an effective, while were chosen as factorial feature: **GRP per capita, consumer price index, unemployment rate in the region, crime rate in the region, per capita monetary income.** The paper presents the findings of the study of the dynamics of the internal Russian migration growth rate. The ratio of internal and external migration in the border regions of Siberia and the Far East has been estimated. Taking into account the experience of regulating migratory processes in the border regions of foreign countries, it is recommended that the border regions in the Far East and Siberia of the Russian Federation use the strategy of limited access of foreign citizens to the labor market and permanent residence.*

Keywords: *migration, the Far East, Siberia, border regions, migration regulation.*

Сибирь и Дальний Восток являются крупнейшими по площади политико-географическими территориями Российской Федерации, которые имеют протяженную государственную границу. В Сибирском федеральном округе (СФО) из 12 субъектов, 7 имеют внешнюю границу: Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Алтайский и Забайкальский края, Новосибирская и

¹ The study was conducted within the project RFBR № 15-36-20930 mol-s-ved

Омская области. В Дальневосточном федеральном округе (ДФО) из 9 субъектов семь – приграничные: Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области, Еврейская автономная область (АО), а также Чукотский АО. При этом численность населения и хозяйственная освоенность данных территорий являются очень низкими. И хотя в последнее время в результате относительной стабилизации демографических показателей в целом по РФ, несколько улучшилась ситуация в восточных регионах России, однако в целом демографическая ситуация остается неблагоприятной как в целом по федеральному округу, так и по приграничным субъектам.

С распадом СССР и с началом политических и экономических реформ, приведших к резкому падению уровня жизни населения, Россия погрузилась в глубокий демографический кризис, связанный, в первую очередь, с резким сокращением рождаемости населения, на фоне возросшей смертности (в первую очередь от внешних причин). Однако в приграничных субъектах Сибири и Дальнего Востока негативное воздействие в большей степени оказывает миграция, а точнее внутренняя миграция. Основной тенденцией современной миграционной ситуации в России можно считать расширение зоны оттока населения, сокращение зоны его притока и постепенное усиление поляризации территории страны по результативности миграционных потоков.

В приграничных субъектах Сибири и Дальнего Востока общий миграционный прирост не является основным показателем, поскольку его составляющие, внутренняя и международная миграция разнонаправлены. В 2014 г. за счет внутрироссийского оттока численность населения в Сибирском Федеральном округе сократилась на 45,8 тыс. чел. (или 0,24% от всей численности), в Дальневосточном на 35,7 тыс. чел. (0,6% от всей численности). Наиболее информативным показателем является коэффициент миграционного прироста (табл. 1).

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Сибирский ФО	-11,0	-13,0	-13,5	-22,4	-22,2	-0,8	-23,7
Республика Алтай	8,9	5,3	-0,4	-23,6	-25,4	-16,7	-19,1
Республика Бурятия	-41,3	-44,0	-35,5	-49,0	-49,4	-16,3	-21,3
Республика Тыва	-32,3	-26,6	-58,9	-126,9	-120,3	-11,3	-88,1
Алтайский край	-10,8	-30,0	-27,1	-50,7	-48,4	-49,4	-32,2
Забайкальский край	-55,2	-28,6	-50,5	-91,2	-79,3	-87,3	-70,3
Новосибирская область	3,0	-1,7	26,4	32,9	44,5	41,2	21,3
Омская область	-15,8	-5,9	-19,0	-31,1	-34,4	-38,4	-31,2
Дальневосточный ФО	-52,9	-33,8	-48,2	-51,5	-57,5	-62,9	-57,3
Камчатский край	-116,9	-67,0	-59,9	-124,8	-124,0	-108,6	-101,7
Приморский край	-28,7	-24,3	-38,1	-27,7	-31,6	-45,3	-31,9
Хабаровский край	-12,6	-2,2	-22,0	-0,5	-35,5	-19,7	-43,7
Амурская область	-41,9	-24,5	-43,7	-75,3	-57,7	-75,1	-61,4
Сахалинская область	-79,4	-56,2	-65,0	-49,9	-55,4	-69,7	-68,8
Еврейская автономная область	-10,8	-58,6	-36,6	-98,6	-90,6	-126,9	-113,0
Чукотский АО	-509,5	-79,2	-175,9	53,9	-68,6	-120,0	-81,2

Таблица 1. Динамика коэффициента миграционного прироста за счет внутрироссийской миграции в 2000-2014 гг., за год, на 10 тыс. чел. Населения

Из всех рассматриваемых приграничных субъектов только Новосибирская область имеет положительное сальдо от внутренних перемещений. Больше всего внутренняя миграция наносит «урон» Еврейской автономной области, Камчатскому краю, Республике Тыва и Чукотскому автономному округу.

Был проведен корреляционный анализ факторов оттока населения. В качестве результативного признака был взят миграционный прирост (убыль) от внутренней миграции, а факторными признаками были выбраны: ВРП на душу населения, индекс потребительский цен, уровень безработицы в регионе, уровень преступности в регионе, среднедушевые денежные доходы. Главным результатом проведенного сопоставления факторов миграционного оттока стало отсутствие корреляции между уровнем миграционного оттока и среднедушевыми доходами. Как показали расчеты, данный фактор коррелирует с перечисленными показателями только в Алтайском крае, Новосибирской и Сахалинской областях. В Республиках Алтай, Тыва и Бурятия корреляция отсутствует по всем факторам. Для Забайкальского края

наиболее значимым стал показатель, характеризующий уровень преступности, для Новосибирской области – уровень безработицы, для Омской области – ВРП на душу населения. В субъектах Дальнего Востока значимым фактором является индекс потребительских цен, данный фактор наиболее влиятелен в Камчатском крае, Сахалинской области и Чукотском АО. В Еврейской АО корреляция между выбранными факторами отсутствовала.

Международная миграция, как по исследуемым федеральным округам, так и по приграничным субъектам является фактором увеличения численности населения (табл. 2). Во всех субъектах в 2014 г. как и за редким исключением с 2010 г. был зафиксирован прирост населения. Из приграничных субъектов Сибири в абсолютном выражении наибольшие число мигрантов прибыло в Новосибирскую область – 7785 чел., Омскую область – 6852 чел. и Алтайский край – 4423 чел.

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Сибирский ФО	7,4	4,1	10,9	23,6	18,2	19,1	19,5
Республика Алтай	14,5	7,1	6,0	9,3	8,2	8,6	20,0
Республика Бурятия	1,2	-0,2	2,2	4,2	2,8	4,6	8,2
Республика Тыва	2,1	-0,1	1,9	1,6	1,2	0,2	8,4
Алтайский край	19,0	5,0	9,5	27,0	22,6	22,6	18,5
Забайкальский край	2,4	-0,3	6,4	7,3	10,2	9,2	8,5
Новосибирская область	17,3	8,3	11,2	48,9	36,2	32,6	28,5
Омская область	-12,0	-4,6	5,8	22,0	18,8	24,3	34,7
Дальневосточный ФО	1,1	1,0	4,7	23,3	25,8	10,0	17,5
Камчатский край	-0,4	-0,1	45,0	74,2	122,2	71,0	4,1
Приморский край	8,8	1,7	2,3	33,2	26,0	8,6	11,5
Хабаровский край	-2,4	0,0	2,4	14,2	31,5	-2,5	24,8
Амурская область	-4,1	-0,4	-0,4	1,9	5,1	4,5	45,8
Сахалинская область	-8,4	0,6	2,6	46,3	24,7	25,3	9,5
Еврейская АО	-24,9	4,6	2,0	4,0	2,2	3,2	5,9
Чукотский АО	-45,9	4,9	8,6	47,1	2,7	50,6	51,0

Таблица 2. Динамика коэффициента миграционного прироста за счет международной миграции в 2000-2014 гг., за год, на 10 тыс. чел. населения

В относительном выражении (с учетом численности населения), наибольший прирост в 2014 г. от международной миграции был в Омской и Амурской областях, а также Чукотском АО. Из представленных выше таблиц

видно, что международная миграция в целом не смогла полностью компенсировать убыль от внутренней.

	Абсолютный прирост/убыль			Коэффициент мигр. прироста		
	внутренняя	внешняя	общий	внутренняя	внешняя	общий
Сибирский ФО	-45795	37649	-8146	-23,7	19,5	-4,2
Республика Алтай	-402	421	19	-19,1	20,0	0,9
Республика Бурятия	-2079	803	-1276	-21,3	8,2	-13,1
Республика Тыва	-2748	262	-2486	-88,1	8,4	-79,7
Алтайский край	-7692	4423	-3269	-32,2	18,5	-13,7
Забайкальский край	-7668	926	-6742	-70,3	8,5	-61,8
Новосибирская область	5830	7785	13615	21,3	28,5	49,8
Омская область	-6150	6852	702	-31,2	34,7	3,5
Дальневосточный ФО	-35675	10923	-24752	-57,3	17,5	-39,8
Камчатский край	-3253	131	-3122	-101,7	4,1	-97,6
Приморский край	-6178	2230	-3948	-31,9	11,5	-20,4
Хабаровский край	-5859	3324	-2535	-43,7	24,8	-18,9
Амурская область	-4983	3718	-1265	-61,4	45,8	-15,6
Сахалинская область	-3376	465	-2911	-68,8	9,5	-59,3
Еврейская автономная область	-1933	101	-1832	-113,0	5,9	-107,1
Чукотский АО	-414	260	-154	-81,2	51,0	-30,2

Таблица 3. Соотношение внутренней и внешней миграции в приграничных субъектах Сибири и Дальнего Востока

В 2014 г. только в Республике Алтай и Омской области внешняя миграция полностью компенсировала внутрироссийский отток.

Если несколько лет назад о международной миграции говорили, как о «лекарстве» от депопуляции и снижения численности населения, то сегодня многие ученые и эксперты стали задаваться вопросом, о том в каком соотношении можно заместить коренное население, преимущественно русское, мигрантами из зарубежных стран. Приграничные субъекты Сибири и Дальнего Востока теряют в 95% случаев именно русское население. Замещение происходит в большей степени представителями из стран СНГ не славянского происхождения. Традиционно, для Дальнего Востока основной и самой многочисленной этнической группой были китайцы. В целом миграция из стран Юго-Восточной и Восточной Азии всегда доминировала и представлялась выходцами из Китая, КНДР и Вьетнама (в последние годы).

Начиная с 2000 –х гг. резко увеличилась миграция из стран СНГ, а именно из Средней Азии. Это объясняется определенным образом фактом насыщения центральных регионов и, в частности, Москвы и Санкт-Петербурга, где трудовые мигранты из Средней Азии стали конкурировать между собой за рабочие места. Если в 2000 г. на всей территории ДФО было зарегистрировано 270 чел. из Таджикистана, то в 2014 г. – 1820 чел. Еще большими темпами рос миграционный поток из Узбекистана. В те же годы число мигрантов из Узбекистана составляло 1151 чел. и 5782 чел. соответственно.

Как показал опыт последних десятилетий, последствия миграции могут быть неоднозначными. Регулируемая государством миграция может приносить позитивные эффекты для экономики, демографической ситуации, социального развития и культурной жизни отдающих и принимающих стран. Регулируемые миграционные потоки могут компенсировать недостаток трудовых ресурсов и стимулировать освоение незаселенных территорий, позитивным образом изменять половозрастную структуру населения и вносить разнообразие в культурную жизнь, тем самым способствуя социально-экономическому развитию государств. Нерегулируемая миграция, напротив, может стимулировать рост теневой экономики, повышать преступность, сокращать заработную плату местных работников, усиливать межнациональную напряженность.

Многие экономически развитые страны долгое время пытались механически восполнять численность населения мигрантами, прежде всего, трудовыми. Возник даже термин «замещающая миграция», который обозначал миграционные потоки, компенсировавшие сокращение численности населения или отдельных возрастных контингентов населения. Однако, как показала практика, масштабная замещающая миграция принесла с собой массу культурных, социальных и даже политических проблем. В настоящее время миграционная политика экономически развитых стран становится все более жесткой в отношении неквалифицированной рабочей

силы, она отдает предпочтение людям с высокой квалификацией и учебным мигрантам. Кроме того, все большее внимание они уделяют демографической политике, направленной на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми. В большинстве экономически развитых стран, вступивших в полосу демографического кризиса, осуществляют демографическую политику, преследующую цель повышения рождаемости.

Учитывая опыт регулирования миграционных процессов в приграничных регионах зарубежных стран, для приграничных регионов Дальнего Востока и Сибири Российской Федерации следует использовать стратегию ограниченного доступа иностранных граждан на рынок труда и постоянное место жительства. Для реализации данной идеи необходимо реализовать следующие направления миграционной политики.

Во-первых, целесообразно обосновать пределы допустимого формирования диаспор из соседних стран (% от численности населения), а также создать условия, ограничивающие создание компактных поселений на основе этнического и земляческого принципов, реализовать программы этнокультурной и языковой адаптации и интеграции иммигрантов. Данная мера позволит обеспечить этнополитическую стабильность страны в приграничных регионах и эффективно интегрировать мигрантов в российское общество. Опасность представляют этнически замкнутые сообщества мигрантов («этнические анклав»), которые не интегрируются в российское общество и не становятся его полноправными гражданами. Порой эти «капсулированные» анклав замкнуты в буквальном смысле (например, китайские и вьетнамские анклав типа «рынок – общежитие»), где существуют условия для распространения трудовой эксплуатации. Замкнутость общин может усиливать негативное отношение и недоверие к мигрантам со стороны местного населения, приводит к обострению межнациональных отношений. Если такие этнические районы формируются в непосредственной близости от государственной границы, то создаются реальные предпосылки к

территориальным претензиям со стороны соседнего государства - территории проживания основного этноса (имеется исторический опыт отторжения США штата Техас и ряда других у Мексики через подобный вариант). В настоящее время происходит обратная тенденция – рост мексиканского населения в приграничных штатах США. Приграничные штаты США – Калифорния и Техас – сосредотачивают около 2 млн. мигрантов каждый, большинство из которых происходит из Мексики. Активный рост мексиканских мигрантов отмечается также в пограничных штатах второго порядка. Учитывая тенденции быстрого роста численности мигрантов в приграничных регионах, власти США приняли программу особого контроля за пересечением границы с Мексикой (строительство стены, патрулирование приграничных районов, особые проверки при выдаче виз и пересечении границы, выявление потенциальных иммигрантов при въезде в страну).

В законодательной практике многих стран мира применяются несколько подходов к регулированию этнического состава миграции и особенностей расселения мигрантов. Прежде всего, это опыт США по введению квот на миграцию по этническому принципу, а позднее по географическому принципу. В Швеции опыт программы расселения 100 тыс. беженцев («всех по всей Швеции») за пределами крупных городов в определенной пропорции по отношению к коренному населению. В Бельгии – политика ограничения расселения мигрантов в конкретных населенных пунктах. Во Франции установление норм концентрации иностранцев на уровне 10-15%. В Дании правило, ограничивающее вселение в один подъезд дома более одной семьи иммигрантов. Кроме того, во многих странах мира существуют ограничения на приобретение земли иностранцами в приграничных районах страны.

Посольства стран Европы, США, Канады, Австралии и других в списке необходимых документов для выдачи визы требуют обратный билет из страны, медицинскую страховку, снимают отпечатки пальцев. При пересечении границы представители пограничной службы в обязательном

порядке делают ксерокопию паспорта и обратного билета каждого иностранца, пересекающего границу. Более того, все авиакомпании мира обязаны снимать копии документов пассажиров на случай уничтожения документов мигрантом в полете с целью попытки просить по прибытию убежища в стране без документов. После крупнейших террористических актов США реализовали программу VISIT, предусматривающую взятие отпечатков пальцев у всех, въезжающих в страну иностранцев, с 5 января 2004 г. Жесткий контроль был введен в 115 аэропортах и 14 крупнейших морских портах. Отпечатки пальцев и фотография иностранца заносятся в компьютерную базу данных, где сравниваются с биометрическими досье террористов и преступников. Подобные подходы к открытому или скрытому регулированию этнической миграции позволяют странам регулировать этнический состав населения и расселять мигрантов, исходя из собственных национальных интересов.

Во-вторых, для обеспечения баланса интересов местного населения и мигрантов необходима разработка и реализация комплекса программ по адаптации и обучению русскому языку мигрантов через систему образования, общественные организации, средства массовой информации. В настоящее время сложилось два основных способа интеграции иммигрантов в общество – модель ассимиляции и модель взаимного сосуществования культур. К странам с ассимиляционной моделью относятся США, Франция, Германия, Швейцария. Их основная идея – создание этнически гомогенного государства, в котором ни одна из этнических или религиозных групп существенно не выделяется из основной массы граждан страны. Другие страны – Великобритания, Канада, Австралия, Нидерланды, Бельгия, Швеция и Дания – придерживаются политики взаимного сосуществования культур, допускают существование этнокультурного разнообразия в обществе. Для приграничных регионов Дальнего Востока России характерны тенденции формирования и интеграции китайской диаспоры. В настоящее время китайская диаспора («хуацяо»)

расселена в 150 странах мира и насчитывает более 60 млн. чел. В большинстве своем китайская диаспора сосредоточена в странах Азии, главным образом, в странах, расположенных в непосредственной близости от КНР – Малайзии, Индонезии, Таиланде, Сингапуре, Вьетнаме, Филиппинах, Мьянме. Значительная по численности китайская диаспора находится в США и Канаде. В последние десятилетия наиболее мощный поток иммиграции из Китая был направлен именно в Северную Америку. В 1992-2002 гг. только по официальным данным Службы иммиграции и натурализации, на постоянное жительство в США прибыло еще более 700 тыс. жителей материкового Китая и Тайваня. Несколько меньше, но весьма заметно присутствие китайцев в некоторых странах Европы, Японии, Корее, Бразилии, Австралии и ряде других стран.

Доля китайцев в населении максимальна в Сингапуре – около $\frac{3}{4}$ населения. В Канаде китайцы составляют около 4%, в Австралии и Новой Зеландии – по 3% населения. Китайская диаспора в Европе насчитывает около 600 тыс. человек. Большинство китайцев мигрировали на континент через бывшие колонии европейских стран. Наиболее многочисленна диаспора в Великобритании, где проживет 230 тыс. чел. В основном китайцы сосредоточены в Лондоне, Ливерпуле и Манчестере. В Лондоне существует «чайнатаун». Во Франции проживает 210 тыс. китайцев, которые мигрировали преимущественно из бывших французских колоний. Многие проживают в городах, в Париже существует китайский квартал.

В Нидерландах китайская диаспора насчитывает 60 тыс. чел., мигрировавших из Индонезии и Суринама, в Германии – около 20 тыс. чел., в Швеции, Бельгии и Австрии (по 5 тыс.), в Италии и Швейцарии (по 4 тыс.), в Португалии (около 3 тыс. чел.). В европейских странах основной упор в интеграционной политике уделяется вопросам интеграции мигрантов из Китая и других стран в образовательную систему и языковую систему принимающих стран. Причем языковая и социокультурная интеграция включает не только самих мигрантов, но и членов их семей, включая детей.

Европейский опыт интеграции заключается в декларации государством политики языковой интеграции и подкреплении ее специальными программами адаптации и интеграции с привлечением ресурсов и средств государственных структур, международных организаций, объединений мигрантов. Как показывает опыт наиболее эффективными можно считать образовательные программы обучения мигрантов языку и культуре принимающей страны, развитие межкультурного обмена, реализацию совместных социальных проектов по совершенствованию инфраструктуры населенных пунктов.

В-третьих, на федеральном уровне необходима реализация мер политики «выравнивания» по перераспределению ресурсов развития между развитыми столичными и менее развитыми приграничными регионами. Россия при наличии громадных слабо заселенных территорий в приграничных регионах Дальнего Востока не должна идти по пути дальнейшей концентрации населения исключительно в Европейской части, что усиливает ее геополитическую уязвимость. Мера призвана ограничить рост населения крупных городов и остановить «обезлюживание» территорий страны, которые в условиях социально-экономических диспропорций между регионами активно отдают население крупным мегаполисам. Полученные средства могут направляться через внебюджетные фонды и инвестироваться в экономику регионов, отдающих мигрантов. Подобная мера укладывается в схему «бюджетного выравнивания», которые применяются для снижения диспропорций между регионами страны во многих федеративных государствах (Швейцарии, Австралии, Канаде, Индии, США). Опыт регионального управления доказал эффективность в рыночной экономике США, где успешно были реализованы целый ряд проектов по выводу конкретных регионов из депрессивного состояния. В том числе это Федеральная программа развития Аппалачских гор, Программа долины реки Теннесси. Также можно назвать программы инфраструктурного характера (программы-проекты), ориентированные на решение конкретных проблем

регионов – сооружение Национальной системы междуштатных шоссе дорог, Национальная программа городского строительства, строительство Транс-Аляскинского нефтепровода. Реализация проектов позволила создать США развитую инфраструктуру в неосвоенных районах, остановить миграционный отток населения из этих регионов, сделать более равномерным рисунок расселения населения страны.

В-четвертых, необходима разработка программы расселения населения в приграничных районах Восточной Сибири и Дальнего Востока с учетом современных социально-экономических и геополитических реалий, которая должна включать следующие меры: а) выделение государственных средств на первичное обустройство переселенцев из федерального бюджета в зависимости от количества мигрантов, принятых регионом; б) выделение целевых средств из федерального бюджета районам, принимающим мигрантов на льготные кредиты и безвозмездные ссуды на строительство жилья и ведение бизнеса, причем как для мигрантов, так и местного населения; в) освобождение от налогов российских граждан, проживающих в этих регионах, а также на малый и средний бизнес на 1-2 года; г) предоставление российским гражданам возможности получения земли и недвижимости в долгосрочную аренду для ведения производственной деятельности; д) предоставление льгот в области получения гражданства иностранцам, которые хотят инвестировать средства в экономику приграничных регионов России (при условии создания ими определенного количества рабочих мест для российских граждан). Мера позволит остановить отток населения из приграничных регионов Дальнего Востока и Сибири, привлечет мигрантов на постоянное место жительства, прекратится деформация системы расселения, а приграничные регионы будут заинтересованы в привлечении большего количества мигрантов. Мера была реализована в практике регулирования переселений в дореволюционной России и первые годы советской власти и позволила заселить свободные территории Дальнего Востока и Сибири. Канада,

благодаря привлекательным условиям миграционной политики (мигрантам предоставлялась земля для возделывания пшеницы, проводилась активная пропагандистская компания, транспортные компании получали плату за каждого фермера), в 1910-1914 гг. смогла привлечь 1,6 млн. чел. Были решены две задачи: заселены ранее пустовавшие западные провинции страны и во многом именно благодаря миграции с 1880 по 1910 гг. производство пшеницы в Канаде выросло более чем в три раза. Подобный опыт используют также США: при вложении более 500 тыс. долларов в экономику и создании 5 рабочих мест для американских граждан, мигрант может стать обладателем «зеленой карты». В Австралии, в случае переселения на постоянное место жительства в приоритетный для государства регион, иммигрант может получить австралийское гражданство в ускоренном порядке за 2 года.

В-пятых, привлечение в экономику и на постоянное место жительства в приграничные регионы Дальнего Востока и Сибири близких в этническом, социально-культурном и геополитическом отношении мигрантов из стран бывшего СССР (прежде всего, из Украины), в том числе по государственной программе возвращения соотечественников. Мера позволит оперативно удовлетворить реальные потребности приграничных регионов в трудовых ресурсах; сократит сектор экономики, связанный с эксплуатацией нелегальной иностранной рабочей силы; придаст импульс развитию экономики приграничных территорий. Миграция соотечественников и квалифицированных специалистов позволит решить проблему дефицита трудовых ресурсов на краткосрочную перспективу и снять затраты с точки зрения интеграции. Во многих странах мира работодатели обязаны в приоритетном порядке принимать на работу своих граждан, если вакансии остаются незаполненными, то привлекается иностранная рабочая сила из стран с близкими языковыми и социокультурными параметрами. Практику привлечения мигрантов из бывших колоний использовали Франция, Великобритания, Португалия,

Испания. В настоящее время Сингапур проводит последовательную политику в отношении иностранных работников. При соблюдении формальных критериев (уровень образования опыт работы и заработной платы) высококвалифицированным работникам и соотечественникам предоставляется возможность получения вида на жительство и гражданство в упрощенном режиме.

В-шестых, создать рекрутинговые компании с участием государства и частного капитала по поиску, приему, оформлению и временному трудоустройству на арендных условиях трудовых мигрантов в разных отраслях российской экономики, распространению оперативной информации о вакансиях и потребностях работодателей в России. Мера позволит предотвратить неорганизованный приток мигрантов в Россию и сделать трудовую миграцию более организованной, отвечающей потребностям рынка труда. Роль распространителей информации и посредников между работниками и работодателями могут успешно выполнять рекрутинговые формы, которые могут создаваться как самостоятельные коммерческие предприятия, так и как коммерческие центры при службах занятости. Россия должна ориентироваться в первую очередь на страны СНГ. Имеется успешный исторический опыт. Еще во времена СССР заключались договоры на организованную поставку рабочей силы из Средней Азии на некоторые крупные предприятия (например, ЗИЛ). Трудовые мигранты из нового зарубежья – хорошо адаптированная к российскому рынку труда рабочая сила, владеющая русским языком, обладающая сходным менталитетом. В перспективе трудовые мигранты смогут пополнить постоянное население страны. Опыт Австралии показывает, что эффект дает политика создания «сети рабочих мест», когда частные, общественные и государственные службы занятости заключают контракты на оказание услуг по трудоустройству безработных и привлечению иностранных работников.

В-седьмых, усилить контроль над использованием работодателями труда мигрантов, условиями их занятости и социальным обслуживанием

со стороны миграционной инспекции, а также ужесточить наказание (вплоть до уголовного преследования) работодателей, эксплуатирующих труд мигрантов. Сейчас не только экономически выгодно использовать недокументированных мигрантов, пользуясь их бесправием, но также крайне трудно и долго получать разрешение на привлечение легальных мигрантов. Поэтому ужесточение наказания должно происходить параллельно с либерализацией процедур регистрации и получения разрешения на привлечение иностранных работников. Миграционные инспекции должны проверять оформление использования иностранной и иногородней рабочей силы, правильность социальных начислений на оплату труда, условия труда, своевременность и полноту выплату заработной платы фирмами и предприятиями, где заняты мигранты, а также общежития и гостиницы, где проживают трудовые мигранты. Необходимо многократное увеличение штрафов с работодателей, принявших на работу нелегального мигранта. В некоторых странах введена даже уголовная ответственность. Опыт Гонконга показывает, что после введения в 1980 г. строгих санкций по отношению к работодателям, включая крупные штрафы и заключение в тюрьму за каждый случай нелегального трудоустройства иммигрантов, значительно снизился приток нелегальных мигрантов в страну.

В-восьмых, провести легализацию некоторой части недокументированных трудовых мигрантов в приграничных регионах Дальнего Востока и Сибири, которые имеют работодателя и рабочее место, а также не совершали уголовных преступлений и желают работать на территории РФ. Миграционная «амнистия» может включать несколько условий, в том числе мигранты должны владеть русским языком, иметь работу, встать на налоговый учет, не быть отмеченными органами правопорядка в совершении преступлений и пр. Амнистии мигрантов в разное время использовали страны с самым жестким миграционным режимом с целью снизить давление груза нелегальной миграции на экономику. Так, амнистии нелегальных мигрантов проводились в США (1987

г.), Австралии (1980 г.), Венесуэле (1980 г.), Греции (1998 г.), Италии (1998 г.), Франции (1981 г.), Испании (1991 г.) и ряде других стран. За рубежом основным условием амнистии нелегальных мигрантов является наличие места работа или источника дохода. В Греции заявитель должен продемонстрировать уплату взносов в фонд социального страхования не менее чем за 40 рабочих дней. В Италии требуется предъявить трудовой договор или лицензию на занятие частной практикой или деятельностью. Иногда заявитель должен подтвердить возможность приобретения или аренды жилого помещения. Мера позволит вывести в легальное пространство 2-3 млн. недокументированных трудовых мигрантов. В приграничных регионах Дальнего Востока можно легализовать около 100 тыс. мигрантов. Эти мигранты работают в российской экономике, их легализация расширит налоговую базу и доходы региональных бюджетов.

Список литературы.

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Доступ: <http://www.fedstat.ru/> (проверено: 17.03.2017).
2. *Российский статистический ежегодник. Статистический сборник.* М.: Росстат. 2014.
3. Рязанцев С.В. Письменная Е.Е., Храмова М.Н. 2015. Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? – *Народонаселение.* № 2. С. 64-73.
4. Рязанцев С.В. 2010. *Работники из стран Центральной Азии в жилищно-коммунальном секторе Москвы (рабочий доклад).* М.: Субрегиональное бюро для стран Восточной Европы и Центральной Азии. С. 52 -68.
5. Рязанцев С.В. 2016. Боженко В.В. Тенденции развития и проблемы регулирования трудовой миграции в Россию. – *Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки.* № 6. С. 33-41.

References:

1. Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema. (In Russ.) URL: <http://www.fedstat.ru/> (accessed: 17.03.2017).
2. *Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. Statisticheskij sbornik* [Russian Statistical Yearbook. Statistical collection]. Moscow: Rosstat. 2014.
3. Rjazancev S.V. Pis'mennaja E.E., Hramova M.N. Vozvratnaja migracija sootchestvennikov v Rossiju: sushhestvuet li migracionnyj potencial? – *Narodonaselenie*. 2015. № 2. P. 64-73. (In Russ.).
4. Rjazancev S.V. 2010. Rabotniki iz stran Central'noj Azii v zhilishhno-kommunal'nom sektore Moskvy (rabochij doklad). [Workers from Central Asian countries in the housing and communal sector of Moscow (working paper)]. Moscow: Subregional Office for Eastern Europe and Central Asia. P. 52-68. (In Russ.).
5. Rjazancev S.V. Bozhenko V.V. Tendencii razvitija i problemy regulirovanija trudovoj migracii v Rossiju. – *Nauchnoe obozrenie. Serija 2. Gumanitarnye nauki*. 2016. № 6. P. 33-41. (In Russ.).

УДК 314.74

PRIDNESTROVIAN LABOUR MIGRATION: STROKES TO POTENTIAL SOCIAL POLICY

Ostavnaya A.N.

assistant professor of the Department of sociology in the Institute of History and State Administration of the Pridnestrovian State University after T.G. Shevchenko, researcher of the Research-scientific laboratory «Sociology»

Volkova O.A.

head of the Department of social work, doctor of sociology, professor
Belgorod State University, Russia, Belgorod

Bystriantsev S.B.

professor of the Department of international relations, history and politology
St. Petersburg State Economic University
Russia, St. Petersburg

Abstract. *The purpose of this study is the rationale for migration and social policies in Dnestr Moldavian Republic. The study was performed by using several methods: analysis of data of State Statistics Service of the Ministry of Economic Development of Dnestr Moldavian Republic, Migration Service of the Ministry of Internal Affairs of Dnestr Moldavian Republic, Dnestr Moldavian Republic Bank, questionnaire migrants. The result of research work is the effects of migration, indicating a need for migration policy, regulatory exodus to foreign labor markets. Social policy in the field of labor migration is a system of measures and activities aimed at administration problems of migrant workers and members of their families, as well as potential labor migrants. Results of the study can be used in the development and implementation of social policy in the field of labor migration. Main conclusions: the use of statistical data and the results of empirical research allows us to describe the unfolding situation in the sphere of Pridnestrovian labor migration, which has both positive and negative features; there has been a need to regulate labor migration processes: on the one hand – to increase its effectiveness, on the other hand – to minimize its negative traits. This article was prepared with the support of the RH Foundation, the project # 15-13-31004 a(p) «Volunteering in the regional system of social partnership based on work with refugees».*

Introduction. Pridnestrovian Moldovan Republic (TMR) is an unacknowledged state between the Moldova republic and the Ukraine. In 1990 the process of its separation from Moldova republic had not only political but other basis: economic potential of two regions of MSSR (Moldavian Soviet Socialist Republic) -right-hand Bessarabia and left-hand Pridnestrovia differed substantially. By the beginning of the 90-ies in Pridnestrovia there formed multibranch economics, leading in which were: labor intensive and material saving mechanical engineering, food and light industry, building materials production, power generating industry, fining metallurgy, labor intensive highly productive agriculture (Istoriija Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki, 2001, p.299).

During the 90-ies socio economic development in Pridnestrovia was influenced by the following factors:

- uncertainty of political and legal status of Pridnestrovia, which created sufficient difficulties in implementing of external-economic activities;
- at the initial stage of Pridnestrovia formation there were no institutional organs of legal base, which were necessary to execute macroeconomic administration;

- external economic ties were destroyed and the main partners countries' economics was in crisis;

- necessity of transition from centralized economic system to a market one, absence of administration in firms and institutions in market conditions (Istorija Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki, 2001, p. 300).

As a result of these factors different crisis phenomena developed and among them: reduction of labor market and people' income. In these conditions considerable part of the population chose labor migration as the main mechanism of adaptation to the existing socio economic reality.

According to different assessments the number of Pridnestrovian labor migrants is from 100 to 170 thousand people (Fomenko, 2009, pp. 5, 13, 85). Total amount of population is 509.4 thousand people, 20-33% of them are involved in labor migration (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respublik, 2013, p.16). If we consider migrants in multitude of their family relationships it becomes evident that a considerable part of Pridnestrovian population is involved in labor migration problems.

So labor migration is one of the most important processes which characterize the modern Pridnestrovian society and labor migrants and their families are a social group which needs expedient social policy.

Methods. Two state structures: State Statistics Service of the Ministry of Economic Development of PMR Migration Service of the Ministry of International Affairs of PMR deal with the problems of registration of migration flows (Krivenko, p. 41-44). But they don't have an effective methodology of registration and characteristics of migration. In this article in order to analyze labor migration more precisely and fully, together with official statistical data we use the information from Pridnestrovian Republican Bank now about funds transfers to Transdnistria from abroad (Rynok denezhnyh perevodov: tendencii, potencial i vklad v jekonomicheskoe razvitie Pridnestrov'ja, 2013) and the results of empirical sociological researches (Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Migracionnye nastroenija studentov PGU im. T.G.

Shevchenko», 2013; Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Vlijanie trudovoj migracii roditel'ej na socializaciju podrostkov», 2014; Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Migranty v novom soobshhestve: adaptacija i integracija»x, 2014).

All three initiative empirical researches were carried out by the author with the help of questionnaire survey (Volkova, O. & Ostavnaya, A., p. 96-103). In September of 2013 there was carried out a research «Migration state of mind among the students of PSU after T.G. Shevchenko». Sampling covered 291 students from 4 and 5 courses of different specializations of this University. In April 2014 there was a research «Influence of labor migration of parents on socialization of youngsters». Sampling covered 210 students from 10 and 11 forms whose parents were earning money abroad. Sampling covered two regions: Tiraspol city and Grigoriopol region. In April 2014 there was a research «Migrants in a new community: adaptation and integration». Sampling covered all regions of Transdnistria.

Duration of staying abroad is characterized as follows : 21.6% respondents stay abroad less than 6 months, 15.7% - from 6 months to 1 year; 24.5% - from 1 to 3 years; 16.7% - from 5 to 10 years; 2.9% - from 10 to 15 years; 2% - more than 15 years.

On average 2 of 10 migrants are abroad less than half a year, 4 of 10 - 7-9 months a year, 4 of 10 are abroad more than 10 months a year.

Russian Federation is the main vector of labor migration (according to the research 9 of 10 migrants). This fact is proved by statistics of money transfers. Finances get to the republic almost from 140 countries of the world, among others are: 85% from Russia, 1.5% - from Turkey, USA, Ukraine, Israel (Rynok denezhnyh perevodov: tendencii, potencial i vklad v jekonomicheskoe razvitie Pridnestrov'ja, 2013, p. 13).

Russia is the nucleus of cross-border migration system to which many countries of the post-Soviet space are inclined (Akmalova, 2010, p. 72-83). Choice

of Russia as a migration country is based on demographic, political, economic, social, cultural factors.

Ethnic composition of population in Transdnistria consists of 3 main ethnic groups: 31.9% - Moldavians, 30.4% - Russians, 28.8% - Ukrainians. In this region there also live Belorussians, Jews, Bulgarians, Gagausians, Germans, etc. (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p. 19). Double citizenship is widely spread in the republic. Besides the Pridnestrovian passport (which is legal only at the territory of the republic) people also have the citizenship of Moldova Republic, Russian Federation, Ukraine.

It's important to point out that citizenship of this or that country doesn't always correlate to the ethnic membership of a person. Russian passport is mostly preferred. This fact reflects general orientation of population to Russia. In 2006 during the referendum 78.55% of population came to the polls and 98.08% of them supported the course for independence of the Pridnestrovian Moldovan Republic and further accession to Russian Federation. In context of migration Russian citizenship has a utilitarian function: it gives possibility to have rights and freedoms of Russian citizens including employment rights. At the Russian labor market one can find a job on specialty and get much more money than Pridnestrovians working in their own country.

Among the reasons of social character we can single out kindred and friendship relationships with Russian citizens, former experience of life in Russia (many people were born there, studied, served there in the army), low level of migrantfobia to Pridnestrovian migrants who are accepted as fellow-countrymen.

Cultural factors of migration are connected with understanding of language and culture of the country. At the territory of Transdnistria Russian educational system functions, Russian TV and radio channels are broadcasted. Absolute majority of population is Russian speaking. About 90% of population is orthodox (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p. 19).

As whole legal status, employment assistance no need for resocialisation lesser possibility of discrimination, visa free regime preconditions migration and specific character of employment in Russian Federation.

61.4% of migrants who were questioned work legally (with work book), 38.6% - illegally (on oral agreement). Illegitimate, as 74% of respondents think, makes the position of foreign workers complicated. Among other problems of migrants status 32.4% of people named difference in wages of foreign and native workers, 16.7% - the threat of immediate discharge.

About 46.1% of migrants work for a wage constantly and 39.2% temporarily; 7.8% have their own business employing workers, 3.9% are entrepreneurs; 2.9% have casual jobs. 51% of those who were questioned are workers, 38.2% are specialists and 10.8% are office workers.

Speaking about the grounds influencing the decision about migration it should be noted that in the 90-ies departure from Transdnistria for labor purposes was mostly connected with the loss of job, delays in wages and low incomes. The migration group at this time formed those categories of population which could not adjust to the existing socio economic reality at their permanent life territory.

In the 2000-ies the migration structure has changed: there appeared specialists from various spheres, who could adapt to the local labor market but nevertheless wanted higher wages, status and life perspectives.

According to opinion polls before the departure critical financial situation «being in debts and there was money only for food» was true for 34% of families, low - «there was enough money to buy food and clothing» pointed 52.9%, medium - «could buy durable goods» - 10.8%, high «could afford everything» - 5.9% of migrants.

Financial component of labor migration today is still actual. Answering the questions about the factors for employment abroad respondents mostly name the economic reasons: 60.8% speak about hard financial situation, 52% tell about the difficulties in employment, 26.5% complain on wages delay and 21.6% speak about the reduction of wages. Among other reasons for employment outside

Transdnistria 52.9% of respondents pointed out the absence of life perspectives, 18.6% - long-standing political crisis, 8.8% - apathy to everything in the country, 5.9% - reduction of social payments.

Employment abroad is appealing to 90.2% of respondents because it is connected with «good» wages which are regularly paid. Additionally for 41.2% of migrants it gives better labor conditions, for 20.6% - professional growth, for 19.6% - correspondence of education and application, for 19.6% - convenient time table, for 18.6% - career development, for 17.6% - high social status, for 6.9% - to show initiative.

Politicians and researches in Transdnistria have controversial assessments of labor migration. There are positive and negative consequences of it that can be explained by complexity of migration process which is influencing many aspects of life of individuals and society as a whole.

At the macrolevel migration engenders demographic, economic and social changes. According to statistical data population size is declining, it's age structure changes. In 1990 the population of Transdnistria was 730.7 thousand people (Statisticheskij ezhegodnik PMR, 2001, p. 29), by 2013 it decreased almost to 1/3 and is 509.4 thousands. The reason for decrease is natural and migrational loss of population (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respublik, 2013, p.16).

The result of the poll shows that 25.3% of Pridnestrovian migrants plan to stay abroad for permanent residency. Almost 25.3% plan to work there for a long time (a year and more) and then return home, 27.3% want to earn money in short term (less than a year) and then return home, 22,2% plan to go abroad regularly to earn money.

In 1996 there were 130.3 thousands of pensioners (19.2% of population) (Statisticheskij ezhegodnik PMR, 2001, p. 52), by 2013 their amount grew to 139.2 thousands (27.3% correspondingly) (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respublik, 2013, p. 53).

There's a flow-out of economically active population from the country. In 1996 the number of employed people was 225.8 thousands (33.2% of total population) (Statisticheskij ezhegodnik PMR, 2001, p. 39), by 2013 this number is 140.6 thousands (27.6% correspondingly) (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p. 40).

Labor migration should be considered in the context of «brain drain» problem. According to the assessments of Pridnestrovian demographers highly-qualified specialists, scientists and graduates from the Universities, who have great intellectual potential, leave the country now. They are active in sense of migration because their level of knowledge and qualifications can guarantee them employment in other countries (Burla, 2014, p.19).

The poll among the students of universities shows that migration intentions are inherent to every other respondent. 83.7% of respondents consider labor migration as the further improvement of life quality, 73.9% as the improvement of social status. 77.1% of respondents hope to get legal employment, 60% hope to work on their specialty (Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Migracionnye nastroenija studentov PGU im. T.G. Shevchenko», 2013).

If we speak about the positive sides of migration we should point out that flow-out of labor resources led to a considerable reduction of unemployed number. The level of officially registered unemployment (in% of economically active population) was 0.26% in 1996 (Statisticheskij ezhegodnik PMR, 2001, p. 45) and 3.4% in 2013 (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p. 46). This divergent fact proves that some problems in employment sphere were solved by means of labor migration easing in such a way the consequences of unemployment.

It is also necessary to point out that in other conditions considerable amount of unemployed population at the local labor market could lead to serious social distresses, such as total criminalization of the population, social diseases, forcible

power shift. But all recent political and social changes didn't go outside the bounds of legal terrain of the republic.

Trade income of the considerable part of population is a little bit higher than the established minimum wage. Nevertheless consumers market, construction, paid educational and medical services are actively developed in the republic.

Money transfers of labor migrants play considerable role in development of consumers market and support of social stability. According to information of Pridnestrovian Republican bank for the last 10 years Pridnestrovian migrants have sent home about 1230 million Us dollars (Rynok denezhnyh perevodov: tendencii, potencial i vklad v jekonomicheskoe razvitie Pridnestrov'ja, 2013, p. 17). This statistics refers only to transfers made through official systems of money transfers. Unofficial channels of financial incomes when migrants themselves bring money, when they use «migrant's network» or buy expensive goods may also be about 50% of the registered volume of money. So annual volume of real money transfers may be about 300 million of US dollars.

During the last years the volume of income from foreign currency sell grew constantly in the general structure of population income approaching to the volume of income from payment of the hired workers' labor. In 1996 this income was 36804.6 billion of PMR roubles (59% of aggregate income of the population), the income from foreign currency sell was 3394.7 billion PMR roubles (5.4%) (Statisticheskij ezhegodnik PMR, 2001, p. 48), by 2013 this income increased: 4602.9 mln PMR roubles (34,8%) and 4285.9 mln PMR roubles (32.4%) correspondingly (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliky, 2013, p.49).

Migration also exerts dual influence at the mikrolevel (at the level of an individual, family, household). Work abroad positively influences the welfare of the households. According to the polls money transfers make it possible for migrants' families:

- to improve the material wellbeing of the households: 65.7% of respondents improved their living conditions, 51% bought new furniture, consumer electronics, 32.4% bought a car, 36.3% bought new clothes,

- to secure high quality of life: 56.9% of respondents say that they use money transfers to secure family with good food, 21.6% say that they can afford rest at a resort, 10.8% pay medical services for themselves and their families,

- to improve educational level of the family: 33.3% of respondents can pay for education due to the money transfers,

- to pile up starting capital to begin their own business: 11.8% of respondents said that they use money transfers to open up their own business.

Working abroad promotes personal and professional development of migrants. As it was already pointed out earlier professional and career growth is an incentive for a part of migrants to get out of the Republic. In this context migration is a mechanism of human capital development.

But labor migration has drawbacks which negatively influence the development of families as a whole and their members. There is an unfavorable situation in the sphere of family and matrimonial relationships lately. Annually there is a lot of divorces. In 2013 for 1000 of population there was 6.8 marriages and 4.0 divorces (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p.37). One of the reasons of divorces is that spouses live separately and one of them is a labor migrant. In the course of time it leads to a divorce. Because family matrimonial relationships are not stable and because the migrants' family can't fully execute the socialization function to their children there appeared more homeless and abandoned children.

According to sociological researches 65.3% of Pridnestrovian migrants have children. During migrants stay abroad 67.9% of them leave children with a spouse, 26.4% with grandparents, 3.8% with other relatives, 1.9% with the elder children. This makes it very difficult to bring up children, which reflects on their school credits, their socialization and way of life as a whole.

There was a research carried out among the children of migrants and it shows that 9.1% of children disapprove their parents' work abroad, they are sure that parents should be together with their children. 47.5% support their parents, they understand that they do it for their sake. 7.1% of children admit that separation is painful for them, 54.5% are ready to put up with absence of parents because they understand that this is a circumstances demand. The problem now is the fact that at school there's no control over these pupils, 65.7% of children said that the teachers don't know that their parents are working abroad (Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Vlijanie trudovoj migracii roditel'ev na socializaciju podrostkov», 2014).

Another widespread migrants' problem is their health. 36.6% of respondents pointed out that their health worsened. 34.3% of migrants say that they work hard to the max, 16.7% note bad working conditions, 29.4% of respondents say about violation of working time schedule, days off and leaves. Besides 6.9% of migrants are not content with their living conditions in the country where they work, 29% say that they eat less than at home, 56.9% are not satisfied with the climate of the country.

The problem is even worse because only 28.4% of migrants have an access to a free medical care, 56,9% of them don't have such an opportunity.

Conclusion. The use of statistical data and the results of empirical sociological researches give an opportunity to determine the situation in the sphere of labor migration of population in Transdnistria. The situation has positive and negative characteristics.

Given the objective character of social and economic conditions formed there the authors of the article point out the necessity to regulate the processes connected with labor migration: to rise it's efficiency on the one hand and to minimize it's drawbacks - on the other.

Social policy in migration sphere is considered as a rule from the point of view of the welcoming side. But a specific subject of this article - migration shift of the population. In the context of this problem speaking about social policy in

labor migration sphere we understand the system of measures to administer the problems of migrants and their families as well as the potential migrants. The subjects for realization of social policy in labor migration sphere can be state structures as well as social and commercial.

Unrecognized state status influences the existing system of foreign policy relationships: State structures of Transdniestria are considered to be Illegitimate by most of the countries except Russia and some other postscript states. In these conditions state structures have the priority to create and realize social policy in migration sphere, but it is also necessary to create and develop non-standard organizations which are to solve problems of migrants and their families.

On the one hand social policy in migration sphere must reflect social and economic conditions, on the other hand it must meet the needs of individuals as well as the state.

Social policy strategy in migration sphere should include the following measures :

- develop and implement an effective system of monitoring of labor migration, which should consist of a set of statistical, economic, sociological methods,

- create a legal base, reflecting the already formed relationships as well as the appearing status and roles,

- ensure control and protection for children of labor migrants, of old members of their families,

- provide migrants with informational, legal, psychological support in their labor abroad,

- support creation and functioning of intermediary organizations between the labor migrants and potential employers outside the republic.

Список литературы.

1. Акмалова А.А., Капицын, В.М. 2010. Формирование миграционной системы СНГ. – *Россия и современный мир. Проблемы, мнения, дискуссии, события.* № 3 (68). С. 72-83.
2. Бурла М.П., Кривенко, А.В., Фоменко В.Г. 2014. Анализ факторов, трендов и последствий миграции населения Приднестровья. – *Экономика Приднестровья.* № 4-5. С. 18-24.
3. Гросул В.Я. *История Приднестровской Молдавской Республики.* 2001. Т. 2. Ч. ИИ. Тираспол, РИО ПГУ. С. 512.
4. Кривенко А.В., Оставная А.Н. 2013. Проблемы учета миграционного движения в ПМР. – *Управление и маркетинг: тенденции и перспективы развития в условиях экономики Приднестровья.* С. 39-48.
5. Рынок денежных переводов: тенденции, потенциал и вклад в экономическое развитие Приднестровья. – *Вестник Приднестровского республиканского банка.* 2013. № 3. С. 13-19.
6. Социологическое исследование НИЛ «Социология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко «Миграционные настроения студентов ПГУ им. Т.Г. Шевченко» – сентябр. – *Тирасполь, НИЛ «Социология».* 2013. С. 66.
7. Социологическое исследование НИЛ «Социология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко «Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков». – *Тирасполь, НИЛ «Социология».* 2014. С. 44.
8. Социологическое исследование НИЛ «Социология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко «Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков». – *Тирасполь, НИЛ «Социология».* 2014. С. 120.
9. Волкова О., Оставная, А. Приднестровская 2014. Трудовая миграция: штрихи к потенциально социальны политике. – *Актуальные проблемы экономики и менеджмента.* №1. С. 96-103.
10. Статистический ежегодник ПМР – 2001: Статистический сборник (за 1996-2000 гг.). – *Тирасполь, Государственная служба статистики Министерства экономики ПМР.* 2001. С. 184.

11. Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской республики – 2012: Статистический сборник (за 2008-2012 гг.). – Тирасполь, Государственная служба статистики Министерства экономики ПМР. 2013. С. 190.

12. Фоменко В. 2009. Демографическая ситуация в Приднестровье в постконфликтный период. – *Приднестровье: Общими усилиями – к успешному будущему. Социальные аспекты*. Кишинев: Cu drag, С. 82-101.

References.

1. Akmalova A.A. & Kapicyn, V.M. 2010. Formirovanie migracionnoj sistemy SNG. – *Rossija i sovremennyy mir. Problemy, mnenija, diskussii, sobytija*. № 3(68). P. 72-83 (In Russ.).

2. Burla M.P., Krivenko, A.V. & Fomenko V.G. 2014. Analiz faktorov, trendov i posledstvij migracii naselenija Pridnestrov'ja. – *Jekonomika Pridnestrov'ja*. № 4-5. P. 18-24 (In Russ.).

3. Grosul V.Ja. *Istorija Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki*. 2001. T. 2. Ch. II., Tiraspol, RIO PGU. P. 512 (In Russ.).

4. Krivenko A.V. & Ostavnaja, A.N. 2013. Problemy ucheta migracionnogo dvizhenija v PMR. – *Upravlenie i marketing: tendencii i perspektivy razvitija v uslovijah jekonomiki Pridnestrov'ja. Proceedings of the Respublikanskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya*. P. 39-48 (In Russ.).

5. Rynok denezhnyh perevodov: tendencii, potencial i vklad v jekonomicheskoe razvitie Pridnestrov'ja. – *Vestnik Pridnestrovskogo respublikanskogo banka*. 2013. № 3. P. 13-19 (In Russ.).

6. Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Migracionnye nastroenija studentov PGU im. T.G. Shevchenko» – sentjabr. – *Tiraspol, NIL «Sociologija»*. 2013. P. 66 (In Russ.).

7. Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija»PGU im. T.G. Shevchenko «Vlijanie trudovoj migracii roditelej na socializaciju podrostkov» – aprel. – *Tiraspol, NIL «Sociologija»*. 2014. P. 44 (In Russ.).

8. Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Migranty v novom soobshhestve: adaptacija i integracija» – aprel. – *Tiraspol, NIL «Sociologija»*. 2014. P. 120 (In Russ.).
9. Volkova O. & Ostavnaya, A. Pridnestrovskaya 2014. Trudovaya migratsiya: shtrihi k potentsialnoy sotsialnoy politike. – *Aktualnyie problemyi ekonomiki i menedzhmenta*. №1. P. 96-103 (in Russian).
10. Statisticheskij ezhegodnik PMR – 2001: Statisticheskij sbornik (za 1996-2000 gg.). – *Tiraspol, Gosudarstvennaja sluzhba statistiki Ministerstva jekonomiki PMR*. 2001. P. 184 (in Russian).
11. Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki – 2012: Statisticheskij sbornik (za 2008-2012 gg.). – *Tiraspol, Gosudarstvennaja sluzhba statistiki Ministerstva jekonomiki PMR*. 2013. P. 190 (in Russian).
12. Fomenko V. 2009. Demograficheskaja situacija v Pridnestrov'e v postkonfliktnyj period. – *Moldova – Pridnestrov'e: Obshhimi usilijami – k uspeshnomu budushhemu. Social'nye aspekty*. Kishinev: Cu drag, P: 82-101 (in Russian).

УДК 316

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ И УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ*

Гайдукова Г.Н.
К.с.н., доцент кафедры социальных технологий
НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород
Серкина Я.И.
К.с.н., ст. преподаватель кафедры
управления персоналом НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

* Статья подготовлена в рамках Задания №2015/2459 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (рук. В.П. Бабинцев).

Аннотация. В статье поднимаются вопросы диагностики и изучения процессов формирования культурно-цивилизационных идентичностей на территории российско-украинского приграничья. Обобщены ключевые подходы к процессам идентификации индивидов и социальных групп, в т.ч. и на уровне культурно-цивилизационных идентичностей. Сформулированы структурная, динамическая и компаративные модели идентичности. На основании авторского социологического исследования делается вывод о значительном сходстве культурно-цивилизационных идентичностей населения приграничных регионов России и Украины, обуславливающую проблематичность разидентификации украинской и российской наций. Вместе с тем, выявленные проблемы трансформации идентичностей населения российско-украинского приграничья обуславливают необходимость создания системы мониторинга процесса формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах, представляющую собой систему сбора, обработки и интерпретации информации о диспозициях акторов культурно-цивилизационных идентичностей для оценки и прогноза состояния идентификационных представлений различных групп населения. В заключения статьи приводятся особенности формирования культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине, которые существенно отличаются ввиду различий в динамике и векторе изменений.

Ключевые слова: культурно-цивилизационные идентичности, мониторинг, диагностика, приграничные регионы.

Abstract. The paper raises the issues of diagnostics and study of the processes of formation of cultural and civilizational identities on the territory of the Russian-Ukrainian borderland. The key approaches to the identification processes of individuals and social groups are summarized, incl. And at the level of cultural and civilizational identities. Structural, dynamic and comparative models of identity are formulated. Based on the author's sociological research, a conclusion is made about the significant similarity of the cultural and civilizational identities of the population of the border regions of Russia and Ukraine, which causes the problematic identification of the Ukrainian and Russian nations. At the same time, the identified problems of transforming the identities of the population of the Russian-Ukrainian borderland necessitate the creation of a monitoring system for the formation of cultural and civilizational identities in the border regions, which is a system for collecting, processing and interpreting information on the dispositions of actors in cultural and civilizational identities for assessing and forecasting the state of identification Representations of different population groups. The article concludes with the features of the formation of cultural and civilizational identities in Russia and Ukraine, which differ significantly due to differences in dynamics and the vector of changes.

***Keywords:** cultural and civilizational identity, monitoring, diagnostics, border regions*

1. Введение.

Одним из следствий процессов глобализации в современном мире стал максимально тесный контакт различных субкультур, который сделал доступным, практически, для каждого человека ценности, смыслы и нормы, сформировавшиеся в рамках других цивилизаций. Но при этом в большинстве случаев не произошло ожидаемой некоторыми сторонниками мультикультурализма взаимной культурной адаптации и интеграции. Более того, межкультурные контакты усилили конкуренцию, а, в ряде случаев, и агрессивность контрагентов. В результате актуализировалась проблема поиска ими собственной культурно-цивилизационной идентичности, без решения которой человек в современном мире с неизбежностью ощущает незащищенность от многочисленных опасностей и угроз.

Это особенно важно в зонах культурно-цивилизационных разломов, которые, как правило, располагаются вдоль границ государств, тем более, что граница все чаще трансформируется из административно-политического рубежа в социокультурный феномен. В сложившейся ситуации приграничные регионы выступают как своеобразные социокультурные фронтиры, обладающие спецификой по отношению к остальной территории государства и зачастую оппозирующие центральной власти в силу обстоятельств социально-экономического, внешнеполитического и духовного характера, в которых они оказались в силу нестабильности мирового развития. Эта специфика не сводится к этническим или конфессиональным особенностям, поскольку любой приграничный регион многонационален и поликонфессионален.

Культурно-цивилизационная идентичность приграничных регионов, являясь видом макросоциальной идентичности, выступает как надэтническая и представляет собой комплекс структурных элементов самосознания, соединяющую субъективно осознаваемые и переживаемые ценности,

государственные и культурные символы, установки, отношения, оценки и нормы надэтнической общности. Они определяют место личности и общности в пространственно-временном континууме культуры.

Адекватно понять процесс культурно-цивилизационной идентификации в приграничных регионах крайне сложно в силу их противоречивости, дискретности, мозаичности и недостаточной отрефлексированности самими субъектами. Очевидно, что социологическая наука должна разрабатывать эффективные модели диагностики, учитывающие как опыт изучения феномена идентичности, так и специфику социокультурной ситуации в приграничье.

Возникновение и развитие понятия идентификации связано с именами А. Адлера, Г. Салливана, Э. Фромма, К. Хорни, Э. Эриксона, К. Г. Юнга [1,2,3,4,5,6], исследовавшими взаимосвязь личностных качеств и индивидуальной идентификации. В работах З. Фрейда, А. Фрейд и Д. Раппорта [7,8,9] идентификация выступала уже в качестве центрального механизма формирования способности «Я».

Отдельные аспекты идентификации рассматривались в рамках когнитивной психологии М. Биллидом, Р. Брауном, С. Московичи, Дж. Тернером, Г. Тэджфелом [10,11,12,13,14]. Они определяли идентификацию посредством логического сравнения по ряду значимых параметров конкретной личности с внешними группами, опираясь преимущественно на когнитивную концепцию М. Хога [15].

В основе современных представлений о социокультурной идентификации лежит теория социокультурной динамики, создателем которой является П. Сорокин. Исследуя проблемы социокультурной динамики как матрицы одновременно общества и культуры, он разработал теорию ценностей, с помощью которой проследил взаимодействие личности и социальных групп по самым разным направлениям [16].

В настоящее время идентификация становится объектом исследования многих социологов. Например, Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанов обратили

внимание на структурные аспекты социальной идентификации [Качанов, Шматко, 1993]; В.В. Семенова, Е.Ю. Мещеркина, С.А. Сидоренко, В.Ф. Журавлев, В.Б. Голофаст изучали так называемую “нарративную социальную идентификацию” [17,18,19]; Л.Е. Бляхер анализировал семиотику идентификации [20]. Белгородские авторы (В.П. Бабинцев, В.А. Сапрыка, Е.И. Бабинцева, А.В. Пастюк и другие рассмотрели приграничную идентичность с позиции социального хронотопа [21].

При этом в основе их концепции лежит представление политико-культурной делимитации как наиболее типичном процессе определения и разграничения статусов сопредельных геополитических образований, в ходе которых в сопредельных странах формируются и распространяются среди населения устойчивые представления о специфике их политических и культурных систем [22]. Концепция политико-культурной делимитации позволяет осмыслить особенности идентификационного развития в приграничных регионах и служит парадигмой нашего эмпирического исследования.

2. Методика исследования.

Любая цивилизационная идентичность в общем виде складывается из трех основных компонентов: менталитета цивилизации, ее локалитета и глобалитета, образующих в своей совокупности триаду. Это три разные, но взаимосвязанные модусы одной и той же (локальной) ментальности складываются в зависимости от того ценностно-смыслового контекста, в котором они исторически пребывают, – по преимуществу интерлокального, интралокального и глобального [23].

Диагностика процессов формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины опирается на три основные модели формирования идентичностей: структурную, динамическую и компаративную.

Структурная модель предполагает определение ключевых компонентов культурно-цивилизационной идентичности. Среди них мы выделяем:

1) объекты идентичности – социальные феномены, обладающие идентификационной притягательностью:

– ценности – материальные и нематериальные объекты, которые наделяются индивидами, социальными группами, политическими сообществами высокими значениями и определяющие структуру целеполагания;

– нормы – разделяемые участниками групп и сообществ представления о должных и недолжных формах социального поведения – вплоть до конкретных предписаний воздерживаться от определенных действий или совершать их;

– стереотипы – сформированные на основе фрагментарного социального опыта устойчивые представления о тех или иных социальных феноменах, с трудом поддающиеся рациональной рефлексии;

– символы – виртуальные объекты, олицетворяющие существующие в реальном или субъективном мире феномены, обладающие, как правило, яркой эмоциональной окраской;

– идеологические системы – религиозные, политические и др. – комплексы ценностей, представлений, установок, ставящие своей целью влияние на мировоззрение людей и социальное переустройство;

– социальные институты – устойчивые социальные образования, включающие нормы, статусно-ролевые системы, учреждения, функционирование которых является значимым или жизненно необходимым для социума. Наибольшим идентификационным потенциалом обладают, например, такие институты, как государство, церковь, семья. На них следует обратить особое внимание;

– социальные общности и группы, причисление к которым для индивида и малой группы имеет жизненную важность;

2) носители идентичности – индивиды, малые группы, социальные общности, субнациональные, национальные и транснациональные образования, осуществляющие в процессе своей жизнедеятельности поиск и констатацию собственной идентичности с теми или иными объектами;

3) генераторы идентичности – социальные субъекты (в том числе, лидеры, элиты, институты и пр.), регулирующие процессы идентификации. К важнейшим из таких институтов относятся: политическое лидерство, образование, церковь и др. Отметим, что в некоторых случаях объект идентичности является тождественным ее генератору.

Динамическая модель акцентирует процессный и факторный аспект формирования идентичности. Исходя из нее, в процессе исследования важно проследить изменения идентичности в зависимости от внешних факторов и условий (политические, социокультурные, экономические и пр. трансформации) и внутренних (присущих носителям идентичности адаптационным стратегиям). В нашем исследовании мы исходим из предпосылки, что социальная, в том числе, культурно-цивилизационная, идентификация представляет собой важнейший адаптационный механизм, особенно значимый в условиях социальной, профессиональной и политической эксклюзии.

Динамическая модель формирования культурно-цивилизационных идентичностей предполагает также акцентирование исследовательских практик на интенсивности данного процесса, а также на его ключевых тенденциях.

Компаративная модель исходит из необходимости ряда сопоставлений:

– во-первых, культурно-цивилизационных идентичностей населения приграничных регионов двух стран – доминирующих там и здесь типов идентичности, а также конфигурации идентичностей;

– во-вторых, интенсивности процессов формирования культурно-цивилизационных идентичностей с той и другой стороны, а также набора факторов, влияющих на данные процессы;

– в третьих, значимости тех или иных генераторов культурно-цивилизационной идентичности в российском и украинском обществах, в особенности таких институтов, как государство и церковь, а также внешних агентов – в данном случае – ЕС и других внешних институтов.

3. Основная часть.

Для современного трансформирующегося мира характерен процесс формирования новых культурно-цивилизационных идентичностей, особенно актуальный для территорий, на которых в последние годы возникли новые государственные объединения. Политические процессы здесь дополняются глубокими, при этом противоречивыми и внутренне нестабильными социокультурными изменениями, оказывающими влияние на все стороны общественной жизни.

К числу таких социальных пространств относятся приграничные регионы России и Украины, которые в течение длительного времени представляли собой относительно стабильный континиум. Однако социально-политические процессы в России и Украине, являющихся в течение более чем двадцати лет отдельными государствами, существенно изменили ситуацию. Традиционное культурно-цивилизационное единство было существенно подорвано, возникли новые социокультурные феномены, в том числе и характеризующие культурно цивилизационную идентификацию населения.

Нелинейность идентификационных процессов, с одной стороны, создает принципиально новые возможности для развития личности, открывает дополнительные перспективы для инновационного творчества и самореализации в динамично меняющейся социокультурной среде. С другой стороны, она провоцирует распространение фрустраций, фобий, агрессии, которые население приграничных регионов нередко пытается сублимировать в виде имитационных практик.

В приграничных регионах России и Украины формируются, таким образом, различные по своей направленности и неоднозначные по

социальным последствиям модели идентичности, в основе которых лежат различные по содержанию ценностные паттерны.

Во-первых, паттерны, возрождающие ценности и смыслы традиционных национальных культур.

Во-вторых, воспроизводящие ценностно-смысловые комплексы относительно недавнего советского прошлого.

В-третьих, репрезентирующие разнообразные по своему содержанию субкультуры, возникающие и распространяющиеся как отражение специфических статусов социальных групп.

В-четвертых, паттерны, в основе которого лежат представления, сформировавшиеся в результате глобальных процессов, применения новейших информационно-коммуникационных технологий.

В качестве особого класса социокультурных идентичностей выступают квазиидентичности, утверждающиеся на основе намеренного или непроизвольного искажения представлений о себе и контрагентах, неадекватной маркировки последних с использованием исторически сложившихся или возникших под воздействием новых реалий стереотипов.

Переплетение и взаимодействие различных идентификационных моделей создает в сознании части жителей приграничных регионов ситуацию неуправляемого хаоса, делает их предрасположенными к манипуляциям со стороны внешних субъектов. Это существенно минимизирует возможности, как культурно-цивилизационного, так и политического диалога, затрудняет принятие решений, направленных на развитие межгосударственного сотрудничества, ведет к элементарному непониманию в межличностных отношениях. При этом формируется культура недоверия и снижается качество социального капитала в условиях, когда задачи повышения конкурентоспособности личности, группы и региона становятся крайне востребованными.

Таким образом, мы наблюдаем политико-культурную делимитацию, результатом которой выступают действия и феномены преимущественно

символического характера, фиксирующие специфику приграничного региона. К их числу мы относим:

- ценностное самоопределение, фиксирующее диспозицию региона в пространстве внешнего взаимодействия и подчеркивающее его специфику в актуальном отношении;

- определение места регионального сообщества в историко-культурном процессе посредством установления его действительного или вымышленного места в системе традиций;

- дифференциацию контрагентов по признаку «свои – чужие» на основании сходства/различий политико-культурной среды;

- институционализацию политико-культурных символов и знаков, указывающих на собственное своеобразие.

Эмпирической базой, позволяющей верифицировать теоретические положения, стали результаты экспертного опроса «Условия и факторы формирования культурно-цивилизационной идентичности в нестабильной социокультурной среде» (N=42) и социологического исследования «Специфика формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины» (N=1000).

В качестве экспертов выступили жители приграничных регионов России (22 человека) и Украины (20 человек), имеющие опыт приграничного сотрудничества или публикации по данной теме. Сравнение ответов экспертов на основе подсчета индексов общности культурной и цивилизационной идентичностей позволяет утверждать, что российскому социуму больше, чем украинскому, свойственно представление о культурно-цивилизационном единстве обеих стран. Так, индекс культурного единства в оценках российских респондентов равен 87.2%, что на 29.7% больше украинского, составляющего 57.5%. Значения индекса цивилизационного единства, исходя из оценок россиян, составляет 81.8%, украинцев – 60.0%. Существенная разница в оценках экспертов разных стран указывает на то, что российская идентичность по-прежнему включает в себя мощный

имперский компонент, ориентированный на взаимодействие России и Украины. В то же время, более низкие значения ответов украинской стороны относительно степени культурно-цивилизационного единства с Россией маркируют ориентацию Украины на культурно-цивилизационное отделение от нее, разотождествление с прежней, общей и формирование новой самобытной, аутентичной культурно-цивилизационной идентичности. Российские эксперты склонны рассматривать процесс изменения идентичности в своих приграничных регионах как более слабый в сравнении с центром, а украинские – как гомогенный.

Социологическое исследования «Специфика формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины» показало: в условиях проводимой властями Украины политики девальвации общего прошлого исследуемых государств, отсутствие его массового негативного восприятия украинцами само по себе является важной предпосылкой формирования общих черт в культурно-цивилизационных идентичностях населения приграничных регионов.

Оценка исторического прошлого оказалась в определенной мере связана с культурной идентификацией населения. О том, что более всего его определяли дружба и взаимопонимание, чаще всего сообщают те, кто идентифицируют себя с евразийской культурой (60.7%), в меньшей мере – со славянской (52.4%), о недоверии несколько чаще других говорят те, кто идентифицируют себя с мировой культурой (12.4%). Определяют историю взаимоотношений между Украиной и Россией как добровольное или вынужденное сотрудничество, преимущественно люди, идентифицирующие себя с представителями русской культуры (32.2% и 25.4% соответственно).

Показателем индифферентности населения приграничных регионов России в отношении Украины служит значимая доля опрошенных россиян, затруднившаяся дать ответ на ряд вопросов, касающихся этой страны и российско-украинских отношений. Так от 19.6% до 31.6% затруднились ответить на вопросы о характере влияния Евромайдана на свое отношение к

Украине, оценить происходящие в ней сейчас события. Население российского приграничья значительно чаще украинского затрудняется ответить на вопросы о роли совместного советского прошлого на современные российско-украинские отношения (28.0% россиян против 11.4% украинцев), о характерных чертах украинцев (20.6% против 11.0% соответственно) и др.

Проведенное эмпирическое исследование дало основание для формулировки ряда выводов, позволяющих определить некоторые общие тенденции формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины.

Характеристики культурно-цивилизационных идентичностей населения приграничных регионов Украины и России имеют как сходства, так и различия, обусловленные спецификой микро- и макросредового влияния. Культурно-цивилизационная идентичность населения российского приграничья выглядит более стабильной, но и менее рефлексивной, скорее, реактивной – не продуктом осознанного выбора, а рефлексорным воспроизведением российской (и советской) социокультурной матрицы с некоторой ее модификацией в части персонифицированного объекта идентификации. Так, абсолютное большинство жителей приграничных регионов России соотносят себя с представителями российской культуры (70.8%), что отражает определенный консенсус в самоидентификации российских граждан, целостность культурно-цивилизационной идентичности. Незначительная доля опрошенных (8.8%) относят себя к представителям европейской культуры, 9.2% - к мировой.

Влияние Украины на культурно-цивилизационную идентичность населения российского приграничья сомнительно:

- во-первых, по причине «настороженного безразличия» населения приграничных регионов России к Украине, характеризующего нынешнее состояние этих отношений. Настороженность россиян к украинцам демонстрируют 44.4% российских респондентов. Из их числа 16.8% после

событий так называемого Евромайдана перестали доверять украинцам, 12.4% стали их опасаться, 8.6% перестали их уважать, а еще 6.6% стали считать их врагами. Для сравнения: о том, что после Евромайдана стали лучше понимать и больше уважать украинцев, сообщили в сумме 5.0% россиян;

- во-вторых, в силу низкой потребности населения приграничных регионов России в активной культурно-цивилизационной идентификации, предполагающей постоянный осознанный выбор в пользу тех или иных социальных институтов, социокультурных паттернов, политических и идеологических ориентиров и т.п., что в настоящее время значительно сильнее для населения приграничных регионов Украины.

Последнее связано: а) с отсутствием в приграничье России макросредовых факторов, заставляющих делать такого рода выборы; б) сплочением вокруг фигуры национального лидера как единственного значимого символа нации, которому «делегируется» функция национального самоопределения; в) с наличием в российской ментальности аутентичных для страны, адекватных российской государственности объектов идентификации, обладающих свойством аттракторов.

И россияне, и украинцы отличаются минимальным консенсусом относительно типичных черт национального характера, аутентичных национальных символов, значимых ценностей. Отсутствие устойчивых культурных идентификаций у жителей приграничных регионов Украины компенсируется усилением социальной идентичности локального характера, России – развитой идентичностью с нацией (россиянами), а также значимостью фигуры национального лидера, актуализировавшего такую аутентичную константу российской культурной матрицы как потребность в мудром и справедливом правителе.

Некоторый консенсус у тех и других существует в отношении предметов национальной гордости (Победа в Великой Отечественной войне, которую отметили 50.4% россиян и 33.8% украинцев, историческое наследие, которое значимым выступает для 46.8% российских и 28.4% украинских

респондентов), отражающих общую социалистическую историю обеих стран. Эти символы выступают фактором культурно-цивилизационной идентификации в большей мере для представителей приграничных российских, чем украинских регионов, как по причине отмеченной выше их большей адекватности в качестве аутентичного символа страны, так и в силу их более высокой объединяющей силы для россиян.

Единственным значимым культурным символом россиян является В.В. Путин (30.0% опрошенных), в определенной степени значимыми являются: матрешка (20.8%), Красная площадь и Кремль (17.6%). Для украинцев значимых культурных символов исследование не выявило, но перечень относительно значимых символов у них больше и разноплановее российского, поскольку включает в себя не только культурные достопримечательности, но и государственные символы (Т. Шевченко – 22.4% респондентов, украинский фольклор – 22.6%, вышиванка – 20.4%, флаг – 18.2%).

Минимальна степень консенсуса у населения приграничных регионов обеих стран и относительно ценностей. Однако в сравнении друг с другом заметна более высокая степень ценностной рефлексии среди населения украинского приграничья. Сравнительной значимостью для россиян обладают ценности риска и конкуренции, которую выводят на первое место 14.4% опрошенных, а также власти (8.0%), безусловным же аутсайдером является ценность безопасности (52.2% респондентов ставят ее на последнее место). Анализ ценностных ориентаций россиян позволяет говорить об аморфности их ценностного поля, предположить в качестве черты национального характера низкую достигательную мотивацию, а также прогнозировать риски проявлений социал-дарвинистской морали.

Ценностная палитра украинцев представляется более насыщенной. У них принципиально большие ценности власти, богатства, самостоятельности и инициативы, личного успеха, позволяющие предполагать ярче выраженную достигательную мотивацию. Однозначным лидером среди ценностей

украинцев является власть (13.0% опрошенных ставят ее на первое место), а аутсайдером – безопасность (45.2% респондентов отводят ей десятое место из десяти).

У населения приграничных регионов обеих стран отсутствует принципиальный консенсус относительно оценки типичных свойств характера своих сограждан (но в сравнении друг с другом он более выражен у россиян). Тем не менее самооценки и «кросскультурные» взаимные оценки этих черт позволяют говорить о глубоком сходстве таковых. И россияне, и украинцы типичными качествами представителей своей культуры считают трудолюбие (39.4% российских и 32.2% украинских респондентов), дружелюбность (36.4% и 18.4% опрошенных соответственно), щедрость (38.2% и 18.8%), а также лень (39.4% и 25.0%) и агрессивность (24.4% и 37.8%).

Наибольшее сходство в ответах украинцев и россиян, а также большой консенсус внутри этих групп отмечается в их политико-экономических ориентациях, отражающих, в частности, редкое единодушие в виде доминирующего патернализма и социалистического выбора в политическом самоопределении. Абсолютное большинство опрошенных в равных долях (56.2% и 56.6% соответственно) выбрали вариант ответа: «государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни», характеризующий ярко выраженный социалистический выбор в политическом самоопределении, этатизм с приматом подданнической политической культуры. Разница в ответах заключается в несколько более высокой значимости для украинцев политических и личных прав и свобод, при несколько более высокой ориентацией на усиление государственного влияния на экономику.

Исследование позволяет сделать вывод о сходстве культурно-цивилизационных идентичностей населения приграничных регионов России и Украины, обуславливающую проблематичность разидентификации украинской и российской наций, что составляет в большей степени проблему

только для Украины. Культурно-цивилизационная идентичность россиян, хотя и не обеспечивает массового консенсуса (по крайней мере на уровне сознания) относительно ее специфических характеристик, однако в силу стабильности ситуации и наличия легитимного национального лидера обладает устойчивостью, позитивностью. Модель культурно-цивилизационной идентичности населения украинского приграничья можно представить в виде двухъярусного социокультурного образования. Его нижний базовый ярус составляют характеристики “советскости”, отражающие как достижения СССР, так и специфические черты Украинской республики в составе СССР, а верхний – «современный», диффузный, мозаичный, «раздираемый» противоречивыми тенденциями, реальные социальные настроения как феномен национального сознания, детерминированные событиями «здесь и сейчас».

Тем не менее, очевидно, что дальнейшие исследования проблемы требуют создание системы мониторинга процесса формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах представляет собой систему сбора, обработки и интерпретации информации о диспозициях акторов культурно-цивилизационных идентичностей для оценки и прогноза состояния идентификационных представлений различных групп населения, включающие в себя комплекс установок и ориентаций, в целях развития и повышения эффективности приграничного взаимодействия.

С внедрением мониторинговых технологий сопряжен ряд проблем, связанных с техническим, программным, методическим, кадровым обеспечением. Теоретический анализ проблемы организации и проведения мониторинговых исследований позволяет выявить следующие несоответствия и противоречия:

- между возрастанием значения информации как важнейшего фактора общественного развития и использованием ее в основном только как вспомогательного средства развития культурно-цивилизационных идентичностей;

- между открытостью и вариативностью информационных процессов в среде приграничного взаимодействия и исследованием их на основе строго детерминированных структурно-функциональных подходов;

- между основными теоретическими положениями мониторинга, представляющими получаемую в его ходе информацию как первоочередное условие формирования культурно-цивилизационных идентичностей, и необходимостью теоретического обоснования системы принципов мониторинга формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах, реализация которых позволит получать информацию, являющуюся объективным фактором развития приграничных взаимоотношений;

- между возрастанием темпов развития информационных технологий и пассивностью субъектов формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах в процессе информационного взаимодействия;

- между необходимостью развития приграничного взаимодействия государств постсоветского пространства, обусловленной исторической традицией, общей логикой интеграционных процессов в мире, экономическими интересами регионов и дефицитом теоретически обоснованной концепции возникающих при этом социокультурных и геополитических последствий и рисков;

- между необходимостью решения комплекса новых проблем культурно-цивилизационного, геополитического и социально-экономического характера, возникающего на территории постсоветских государств, и сложностью исследования приграничного взаимодействия, реализующегося в нестабильной (турбулентной) социальной среде, характеризующейся повышенным уровнем неопределенностей.

В то же время, хорошо выстроенная система внутреннего мониторинга позволит своевременно предоставлять широкий спектр информации и данных для принятия управленческих решений.

4. Заключение.

Идентификационные процессы в приграничных регионах России и Украины, по меньшей мере, не стимулируют восстановление прежнего высокого уровня гомогенности социального пространства. Они, скорее, разъединяют, чем соединяют близкое по своим культурным характеристикам население приграничья.

Доминирующие, как в среде российского, так и украинского населения, идентификационные представления, судя по всему, существенно деконструируют традиционную модель приграничного взаимодействия. В той или иной мере они опираются на его ревизию в историческом контексте и характеризуются неопределенностью в отношении настоящего и будущего, в результате чего усиливается хаотизация социального пространства. В этих условиях крайне трудно сделать верный прогноз относительно перспектив идентификационных изменений. Проведенное исследование дает лишь основания предполагать, что ближайшее время они будут иметь преимущественно разновекторную направленность по обе стороны границы. И, вероятно, в российском секторе приграничья в значительно большей степени, чем в украинском.

5. Выводы.

Культурно-цивилизационная идентичность, отражающая соотношение личности или группы с исторически сложившейся системой ценностей, социокодов, форм сознания и структур, стилей поведения, групповых форм культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства является важнейшим элементом функционирования общества. Распад СССР и образование новых постсоветских государств привели к кризису традиционных идентичностей на территории современного евразийского пространства. Одним из следствий этого является утверждение специфического типа социальной аномии, выступающей в форме комплекса неопределенностей, определяющих сознание и поведение значительной

части граждан и, в конечном итоге, выражающихся в неустойчивости и нелинейности социокультурного развития.

Исследование позволяет утверждать, что в граничащих между собой российских и украинских регионах последние два десятилетия происходят изменения культурно-цивилизационных идентичностей. При этом процессы формирования культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине существенно отличаются динамикой и вектором изменений:

во-первых, в российских приграничных регионах речь идет, скорее, о некоторой модификации идентичности, а в украинских – о радикальных изменениях в ходе ее формирования на основе конфликтного противопоставления позиций государств и народов друг другу;

во-вторых, культурно-цивилизационная идентичность российских регионов распространяется на приграничные регионы Украины, в то время как в соседствующих с Россией регионах Украины она тяготеет к дифференциации от России при одновременно, по-прежнему, высокой ориентации на нее;

в-третьих, культурно-цивилизационная идентичность российских регионов имеет более устоявшиеся черты, а в Украине она характеризуется некоторой диффузностью, нестабильностью, мозаичностью.

В настоящий момент отношения России и Украины находятся в точке бифуркации. Наиболее значимыми факторами, способствующими разъединению населения российских и украинских приграничных регионов, являются: непродуманные действия политиков, подрывная деятельность внешних сил, противоположные векторы внешней политики, внутренняя государственная политика. В сложившейся ситуации содействовать объединению населения российских и украинских приграничных регионов могут прежде всего: историко-культурные традиции, родственные связи и общее советское прошлое.

Список литературы.

1. Adler A. 2011. *Social Interest: A Challenge to Mankind*. New York, Faber and Faber Ltd. 312 p.
2. Erikson E. 1996. *Identity: youth and crisis*. New York, W.W.Norton & Co. 336 p.
3. Jung C.G. 2009. *The Red Book*. New York, W.W. Norton & Co. 404 p.
4. Freud A. 1936. *Das Ich und die Abwehrmechanismen*. Berlin, Fischer Taschenbuch. 176 p.
5. Freud S. 1921. *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. Berlin, Internationaler Psychoanalytischer Verlag. 78 p.
6. Rapaport D. 1967. *The conceptual model of psychoanalysis*. New York, Basic Books. 221 p.
7. Bilig M., Tajfel H. 1973. Social categorization and similarity in interrupt behavior. *European Journal of Social Psychology*, no.3, pp. 21-29.
8. Brown R.W. Kottler J.A. 2001. *Introduction to Therapeutic Counseling Voices from the Field*. Boston, Brooks Cole, 560 p.
9. Moscovici S. 1984. *The Phenomena of Social Representation*. Cambridge: Cambridge University Press, p. 69.
10. Turner J. 2005. Social categorization and the self-concept: a social cognitive theory of group behavior. – *Advances in Group Processes* pp. 1985. № 2. pp. 77-121.
11. Tajfel N. 1981. *Human groups and Social categories: Studies in Social*. Cambridge, Cambridge University Press. 384 p.
12. Hogg M.A. 2014. From uncertainty to extremism: Social categorization and identity processes. *Current Directions in Psychological Science*. no. 23. P. 338-342.
13. Сорокин П. 1999. *Человек, цивилизация, общество*. Москва: Политиздат. 543 с.

14. Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. 1993. Семантические пространства социальной идентичности. *Социальная идентификация личности*. С. 47-68.
15. Сидоренко С.А. 1995. «Underclass», или социальное дно России. *Куда идет Россия. Альтернативы общественного развития*. С. 179-183.
16. Голофаст В.Б. 1995. Многообразие биографических повествований. *Социологический журнал*. № 1. С. 71-88.
17. Бляхер Л.Е. 1997. *Человек в зеркале социального хаоса*. Хабаровск: Издательство ХГТУ. 139 с.
18. Babintsev V.P., Sapryka V.A., Babintseva N.I., Pastyuk A.V. 2015. Peculiarities of the social chronotopes of the boundary regions of Russia and Ukraine. *The Social Science*. № 10. P. 1116-1118.
19. Кондаков В.И. 2010. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы. *Вопросы социальной теории*. 2010. №. 4. С. 282-304.
20. Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Сапрыка В.А. 2015. Политико-культурная делимитация приграничных регионов России и Украины в оценках экспертного сообщества. *Регионоведение*. №. 1, С. 45-56.

References.

1. Adler A. *Social Interest: A Challenge to Mankind*. New York, Faber and Faber Ltd. 2011. 312 p.
2. Erikson E. *Identity: youth and crisis*. New York, W.W.Norton & Co. 1996. 336 p.
3. Jung C.G. *The Red Book*. New York, W.W. Norton & Co. 2009. 404 p.
4. Freud A. *Das Ich und die Abwehrmechanismen*. Berlin, Fischer Taschenbuch. 1936. 176 p.
5. Freud S. *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. Berlin, Internationaler Psychoanalytischer Verlag. 1921. 78 p.

6. Rapaport D. *The conceptual model of psychoanalysis*. New York, Basic Books. 1967. 221 p.
7. Bilig M., Tajfel H. Social categorization and similarity in interrupt behavior. *European Journal of Social Psychology*. 1973, №.3, P. 21-29.
8. Brown R.W., Kottler J.A. *Introduction to Therapeutic Counseling Voices from the Field*. Boston, Brooks Cole. 2001. 560 p.
9. Moscovici S. *The Phenomena of Social Representation*. Cambridge: Cambridge University Press. 1984. 69 p.
10. Turner J. Social categorization and the self-concept: a social cognitive theory of group behavior. *Advances in Group Processes*. Pp. 1985. 2005. № 2. P. 77-121.
11. Tajfel N. *Human groups and Social categories: Studies in Social*. Cambridge: Cambridge University Press. 1981. 384 p.
12. Hogg M.A. From uncertainty to extremism: Social categorization and identity processes. *Current Directions in Psychological Science*. 2014. № 23. P. 338-342. (In Russ.).
13. Sorokin P. *Chelovek, civilizacija, obshhestvo*. [Man, civilization, society]. Moscow: Politizdat, 1999. 543 p. (In Russ.).
14. Kachanov, J.L., Shmatko, N.A. Semanticheskie prostranstva social'noj identifikacii [Semantic space of social identity]. *Social'naja identifikacija lichnost*. 1993. P. 47-68. (In Russ.).
15. Sidorenko S.A. «Underclass», ili social'noe dno Rossii [«Underclass» or social bottom Russia?] *Kuda idet Rossija? Al'ternativy obshhestvennogo razvitija*, 1995. P. 179-183. (In Russ.).
16. Golofast V.B. Mnogoobrazie biograficheskikh povestvovanij [The variety of biographical narratives]. *Sociologicheskij zhurnal*. 1995. № 1. P. 71-88. (In Russ.).
17. Bljahe L.E. *Chelovek v zerkale social'nogo haosa* [Man in the mirror of social chaos.] Habarovsk: HGTU. 1997. 139 p. (In Russ.).

18. Babintsev V.P., Sapryka V.A., Babintseva H.I., Pastyuk A.V. Peculiarities of the social chronotopes of the boundary regions of Russia and Ukraine. *The Social Science*. 2015. № 10. P. 1116-1118. (In Russ.).

19. Kondakov V.I. Civilizacionnaja identichnost' Rossii: sushhnost', struktura i mehanizmy [Russia's civilizational identity: the nature, structure and mechanisms]. *Voprosy social'noj teorii*. 2010. № 4, P. 282-304. (In Russ.).

20. Babincev V.P., Reutov E.V., Sapryka V.A. Politiko-kul'turnaja delimitacija prigranichnyh regionov Rossii i Ukrainy v ocenках jekspertnogo soobshhestva [Political and cultural delimitation of the border regions of Russia and Ukraine in the estimates of expert community]. *Regionologija*. 2015. № 1. P. 45-56. (In Russ.).

УДК 316.454.4

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF REGIONAL SOLIDARITY FORMATION

Zalivanskiy B.V.
PhD in sociology, docent
Samokhvalova E.V.
PhD in sociology, docent
Belgorod National Research University
Russia, Belgorod

Аннотация. Авторы рассматривают региональную солидарность как систему межличностных и межгрупповых отношений, основанную на осознании участниками гармонии интересов, ценностей, взаимной поддержки, лояльности, сотрудничества и общей ответственности. Теоретическое обоснование используется в качестве базиса для использования прикладных методов исследования современного состояния солидарности в Белгородской области России. Ключевыми факторами, определяющими характер солидарности в регионе, являются: единство в отношении базовых ценностей; удовлетворенность местным сообществом обеспечения принципа социальной справедливости; наличие угроз безопасности жизни; уровень межличностного и институционального доверия; отрицательный или положительный опыт взаимодействия и

общения. В ходе исследования выяснилось, что значительное количество ценностей, которые имеют отношение к реализации идеи солидарности, в настоящее время имеют низкую степень общественного признания в регионе.

Ключевые слова: солидарность, регион, сообщество, доверие, взаимоотношения.

Abstract. *The authors consider regional solidarity as a system of interpersonal and intergroup relations, which is based on the participants' awareness about the harmony of interests, values, mutual support, loyalty, cooperation and shared responsibility. The theoretical foundation is used as a justification for the use of applied research methods of the current state of solidarity in Belgorod region, Russia. The key factors determining the character of solidarity in the region are: unity in respect of basic values; public satisfaction with the implementation of the principle of social justice; the presence of threats to life safety; the level of interpersonal and institutional trust; negative or positive experience of interaction and communication. The research found out that a significant number of values that are relevant for the implementation of the idea of solidarity currently have a low degree of public esteem in Russian region.*

Keywords: *solidarity, region, community, trust, relationships.*

Introduction.

The modern social and economic situation in Russia is characterized by the crisis. According to scientists the main cause of it is connected with spiritual and moral degradation of Russian society. Actually it is the crisis of traditional values and essential deformation of interpersonal and intergroup relations, which developed in the conditions of unstable situation in Russia in 1990s. During this period mistrust and increased aggression started to influence human relations, the interpersonal and intergroup conflicts amplified, the crime rate including crimes connected with deception and speculation on trust grew essentially. Collective values (friendship, solidarity and mutual support) were discredited significantly, now all of them are more often considered as out-of-date concepts. Within the last decades the consolidating role of the family, importance of family values decreased. As a result, in Russian society public relations have collapsed, belonging to social institutions has become purely formal. Moreover, the citizens

refuse not only to carry out their roles determined by the state and the society, but also to cooperate with each other constructively.

Under these circumstances restoration of regional solidarity, which is expressed in people's readiness for collective actions, systematic mutual aid and mutual support due to understanding the commonality of their interests with interests of the region, fellow citizens, colleagues, close people, becomes an insistent call of time. Being the most important precondition of patriotism, representing ideology and emotional state of any healthy society regional solidarity relies on mutual trust of fellow citizens and their mutual responsibility and it should become one of the basic principles of public life organization.

Within the European scientific school research of problems of social solidarity has old tradition, at the heart of which there are E. Durkheim's fundamental theoretical researches [3]. He suggested considering mechanical and organic types of solidarity while not excepting the possibility of their coexistence in a single public formation. The essential contribution was made by a well-known German philosopher and sociologist J. Habermas, who underlines the importance of a social dialogue between all participants of public relations based on principles of harmony and justice [7]. This thesis, in his opinion, is actualized in the conditions of modern European crisis [8].

Social solidarity is still in focus of scientific discourse. Moreover, the interest to this phenomenon in the conditions of globalization, migration, cross-cultural interaction is increasing repeatedly. The monograph of the Australian-British sociologists «On Society» was devoted to the social issues and generalized different ideas of social solidarity [5]. Authors define three categories of society: structure, solidarity and creature. When the scientists were investigating the second category, they emphasized: «society as solidarity is the antidote to the problem of human resentment». Yet another important position, which contained in the monograph: «solidarity is the condition and outcome of society and it multiplies discourse, communication and symbolic interaction». The Australian-British sociologists consider allocate two types of solidarity spontaneous and collective.

Modern scientists pay attention to interrelation of processes of solidarity, integration and multiculturalism. Canadian psychologist J.W. Berry considers it possible to achieve social solidarity among the different cultural communities on the basis of people's common psychological processes and in case if the society is built on the ground of pluralistic principles observance [1].

Czech philosopher and sociologist J. Salamon believes that in modern rapidly globalizing world it is necessary to investigate the processes of solidarization in cross-border and cross-national scale [12]. During historical development tribal forms of solidarity were replaced by national ones, which, in turn, can gradually be replaced by or integrated in supranational ones (European Union, League of Arab States, etc.). However, J. Salamon considers solidarity, which is based on a community of interests of cooperating people, to be more natural, immanent to human nature, but, at the same time, less stable. Such solidarity can be ruined under the pressure of the conflicts of interests and the conflicts of values. Transcultural narratives can act as the means supporting stability of solidary groups.

In scientific discourse there are also judgments, the meaning of which is to warn about overestimation of the phenomenon of solidarity as one of the most positive mechanisms of society development [2]. In particular, it is noted that in case of implementation of controlled solidarization the instruments of such management should be the most accurate and organic for society, because otherwise there is a risk of betrayal of confidence to authenticity of such solidarity.

In modern conditions of integration of interpersonal solidarity manifestations into the processes of collective solidarity, which is in the center of attention and under control of state political institutions, there is an understanding of new type of solidarity – civil solidarity [14]. Social relations in the community forms of social capital that is necessary to maintain a harmonious state of civil solidarity.

In Russia the subject of solidarity has become one of the main issues for social sciences since the second half of the XIX century. Two directions –

sociological, as well as religious and philosophical (i.e. consideration of solidarity as conciliarity) were allocated. This powerful, gained recognition of foreign scientific tradition was interrupted by October Revolution; it received its continuation among Russian emigration thanks to S.A. Levitsky's and other solidarists' works [9].

In the Soviet Union the subject of solidarity was ideologically essential: the primary attention was paid to class solidarity within the ideology focused on the class conflict. Only in 1960s within the process of formation of Soviet professional sociology the attempts of consideration of social solidarity without a rigid binding to dominating ideological precepts started to be undertaken.

On the one hand, the situation of the recent two decades is characterized by general activation of sociological researches; on the other hand, the orientation of these researches gives evidence to catching-up development (in comparison with world level) and to aspiration of the majority of sociologists to react to dynamic processes of social transformations in Russia. Among modern works of Russian researchers who have devoted their works to conceptualization of «social solidarity», it is possible to determine works of a political scientist and sociologist D. Efremenko. In particular under his control the project «Social solidarity as a condition of public transformations: theoretical bases, Russian specifics, socio-biological and socio-psychological aspects» is realized. The author analyzes development of researches of social solidarity in Russia from the middle of XIX century up to now. As a result, he reveals the fundamental contradiction associated with the widespread prevalence of narrow group solidarities over broader solidarities [4].

The need of revival of solidarity in modern Russia taking into account the loss of collective senses of people's existence, their soul-spiritual staling and moral impoverishment in post-Soviet society is justified in the works of a sociologist A. Samarin. Restoration of the idea of justice in its rights violated nowadays, mass return to principles of mutual aid and support of the weak, in his opinion, is that

minimum, without which preservation of Russian society is no longer possible [13].

Attempts of justification of the socio-philosophical concept of solidarization of modern Russian society are undertaken by philosopher V. Zhalkiev. In the frame of construction of solidarization model of social reality with reference to Russia he determines the factors preventing the establishment of solidary relations, among which the main ones are ambiguity of the system of values of social community, historical tradition of separating power from population, as well as discrete state of Russian civil society [17].

For research of prospects of solidarization of Russian society the works of a sociologist A. Filippov are of certain interest. In the works he ascertains the changes in understanding the categories of «place» and «space» in sociology and in this regard the two types of solidarity. Firstly, it is a territorial solidarity of original community of citizens in classical understanding of a state having borders and political power with the right to legitimate violence. And secondly, it is a mobile solidarity of temporarily uniting people without coercion, without commitment to values, for example, solidarity in network organizations. In his opinion, mobility of modern society acts as a phenomenon of new production of solidarity far outside of small groups [6].

Research Methodology.

Theoretical Foundation.

Application of general scientific methods of logic analysis allowed the authors to systematize the data on the issue under study and to come to the following conclusions. The authors grounded the ideology of development of regional solidarity on a social phenomenon of trust defined by P. Sztompka's, who determined three key concepts in this context – hope, confidence and trust [15]. The trust in the social relations is realized in two measurements – horizontal and vertical. Horizontal measurement is the level of interpersonal interactions inside the regional community. In turn, vertical level of trust expresses expectations concerning social, including administrative and political institutions of the region.

Its ability to self-organizing depends on existence and rootedness of interpersonal trust in community and establishment of institutional trust creates possibilities of constructive cooperation with government institutions in order to solve general tasks. Thus, trust in the authors' interpretation is expressed in disposition of people on the open, constructive relationship based on positive life experience, realization of expectations concerning other people and social institutions including power institutions.

Theoretical justification of handling a problem of trust is provided by the conception of T. Parsons being formulated in the frame of structural functionalism and based on the thesis that «personal motives get channeled effectively into social system through loyalty and membership in various in relation to them collectives» [10]. According to T. Parsons loyalty represents «readiness to respond to properly «reasonable» appeal made on behalf of collective or for the sake of public interest or requirement». Thus, an individual as a member of community (collective) has some obligations in sense of solidarity with its other members and bears the burden of responsibility depending on his social role and status.

Applying this approach to realities of Russian regions we consider it admissible to regard regional solidarity as the system of interpersonal and intergroup relations based on their community members' understanding of interests, values, mutual support, loyalty, cooperation and mutual responsibility while achieving socially significant purposes. Thus, solidary community is based on trust and solidarity. Solidarity, in turn, is considered as active sympathy to interests, opinions of fellow citizens, colleagues, close people, unanimity with them.

Taking into account the above-mentioned works of J. Habermas about the importance of social dialogue between all participants of public relations based on principles of harmony and justice, as well as the works of J. Salamon, who indicated instability of solidarity due to the conflict of values, it is possible to refer the following conditions to the necessary ones to form regional solidarity:

- existence of values, which are unconditional for the majority of the population, and clear norms in relationships between people and social institutions which cannot be violated under any circumstances;

- affirmation of the idea of social justice as a leading principle of relationship between people;

- social activity, readiness and ability of citizens to participate in solution of problems, which are «common» for the territory, local community, labor collective and a family.

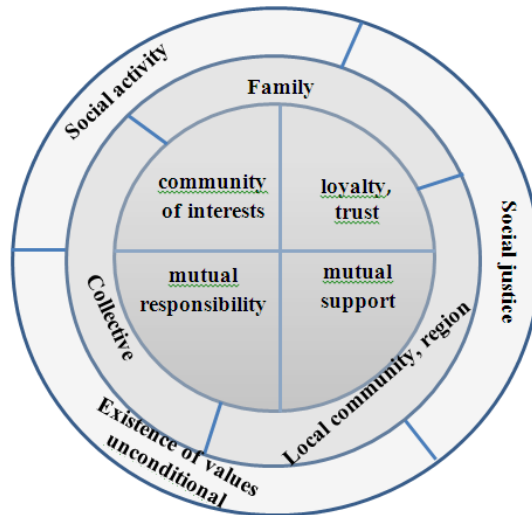
The relations between trust and mutual support are formed at various levels. First of all, it is a question of family and neighborhood relations. At this level solidarity assumes achievement of consent and mutual understanding between relatives and close people, revival of practice of mutual support among relatives and neighbors, especially in difficult real-life situations typical for crisis periods.

At the level of collective (labor association, educational collective, public association) solidarity means that its head considers his subordinates as colleagues in achievement of common goals, expresses and protects their interests; in their turn, the members of collective realize the degree of their responsibility for the results of their common activity.

At the level of local community and region, as a whole, the relations of solidarity are a system of equal and respectful relations between the power and institutions of civil society, which are based on principles of restriction of autocratic control, ensuring participation of citizens in governance, reliance on intellectual elite.

Thus it is possible to present the component scheme of regional solidarity (Fig. 1).

Figure 1. Component scheme of regional solidarity.

Thus, the problem of formation of solidary community assumes achievement of high level of citizens' loyalty not only towards each other, but also mutual trust between citizens and collectives, as well as between the power and society. Thus, manifestation of mutual loyalty does not presuppose total unity of thoughts; it suggests readiness to respond to properly «justified» call formulated on behalf of a family, collective, society and state.

Empirical methods.

At the empirical stage according to the purposes and research problems the authors considered traditional methods of a quantitative approach (direct observation, analysis of documents, polls) and used a method of questionnaire of population. The choice of this method was due to the fact that, on the one hand, it allows modelling mentally any situations necessary for the researcher to identify motives, dispositions, etc. It is a reliable and available method of research. Polls were carried out with use of multistage quota sampling technique. At the first stage taking into account experts' opinion the municipalities of Belgorod region reflecting territorial specifics, its demographic, socio-economic and other characteristics were defined for the purposes of research. At the second stage the selection of respondents for polls was carried out by the method of quota sampling based on the following control properties: sex; age; place of residence (belonging to urban or rural areas). Thus, inhabitants of all municipalities were presented in

the sample. They were from urban and rural areas, representatives of both sexes and age groups. Considering general data and in view of the purposes and research problems – in the Belgorod region were interviewed 1000 respondents.

The analysis and generalization of the results of the carried-out theoretical and empirical researches allowed the authors to define the factors promoting formation of patterns and examples of behavior focused on trust and solidarity in public consciousness of residents of Belgorod.

Results.

Prospects of solidarization of inhabitants of Russian regions can be estimated on the basis of experience of Belgorod region where the attempts to advance the idea of solidarity have been undertaken since 2009. Now representatives of regional authorities fixed the conceptual and strategic documents defining the vector of solidarization of residents of Belgorod; the system of indicators to assess the efficiency of their realization was developed [16]. At the same time in practice the undertaken efforts have not lead to desirable results yet.

In 2014, with the assistance of the authors of the article, in Belgorod region the sociological research was carried out. Its purpose was to identify the problems of restoration of regional solidarity.

Belgorod region was founded in 1954 and now is one of the youngest in Russia. It is located in the south-west of the Russian Federation, 500-700 km to the South from Moscow, and has common border with Ukraine. The region comprises nineteen municipal districts and three urban districts.

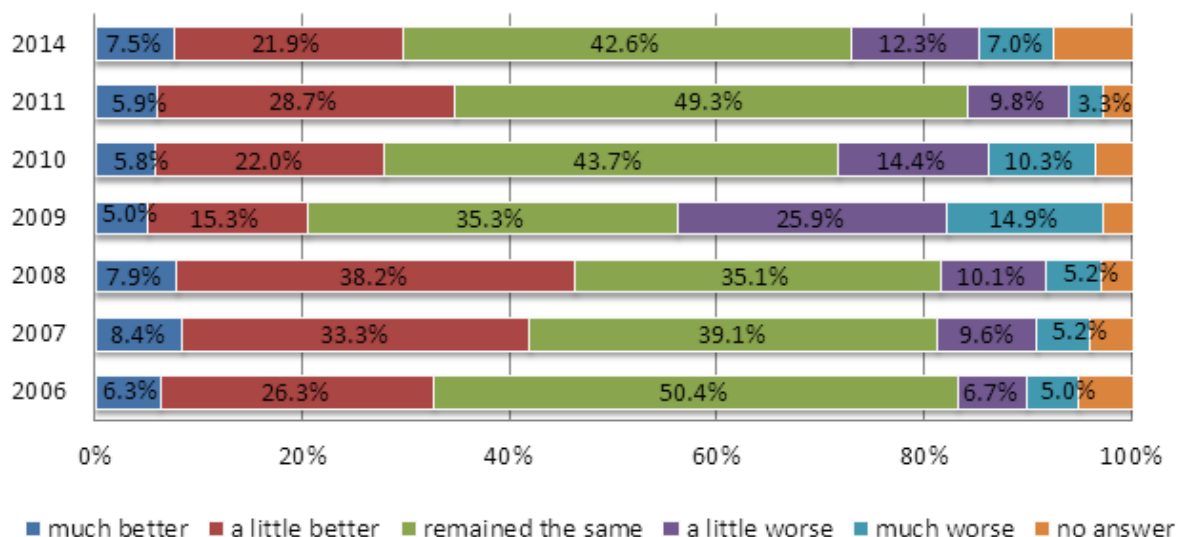
The population of the region is 1 936 547 people. The population density - 57.05 people per km². The share of urban population is 66.94%. The share of male population is 46.1%, female – 53.9%. The proportion of the residents younger than working age is 16%, of working age – 57.9%, above working age is 26.1%. (Russian Federal States Statistics Service, 2015).

The results of the carried-out research allow stating that establishment of the relations of mutual trust between residents of Belgorod, first of all, is prevented by unsatisfactory solution of a ratio of law and requital in Russia, as a whole, and in

Belgorod region, in particular. So, only about a third of inhabitants of area are satisfied with realization of the principle of social justice in the region (35.90% of respondents). Almost for a quarter of population it is connected, first of all, with sharp division of people into the rich and the poor (23.60% of respondents noted it). For 61.9% of inhabitants of the area the situation either have not changed or worsened for the resent years (Fig. 2).

In this regard there is a doubt: in what degree it is possible to reach solidarity between an oligarch and an employee; between an unemployed person and an important official. However, respondents call impunity of those who have money and communications as the main manifestation of injustice (25.70%), absence of equal opportunities while getting a good job (17.80%), violation of the principle «the law one for all», impossibility for ordinary people to protect their rights (14.10%) and indifference of the power to people’s opinions (13.40%). Thus, residents of Belgorod connect injustice not only with the fact of social inequality (though such position takes place), but also with double morals and double standards applied to people including the ones used by imperious institutions.

Figure 2. Distribution of respondents’ answers to the question: «How have conditions of your life changed for the resent year as a whole?»

And, therefore, it is possible to ascertain the crisis of institutional trust acting as the following negative factor, which prevents formation of regional solidarity.

The power is one of the key institutions that set «rules of the game» in the society. At the same time the level of trust of the residents to regional and local government is rather low. Only 68.30% of respondents trust the Governor of the region while only about 40% of respondents trust executive and legislature bodies of the subjects of the Russian Federation. Level of trust to municipal authorities, on the average, is even lower and makes up only 35%.

Among the reasons of mistrust to the power, except the abovementioned «double standards» applied towards people, it is possible to name dissatisfaction of inhabitants with results of activities of imperious institutions and low degree of their information openness. So the highest indicators of satisfaction with activities and information openness are connected with the Governor of the region (65.30% and 45.52% respectively), but they are obviously far from the desirable ones.

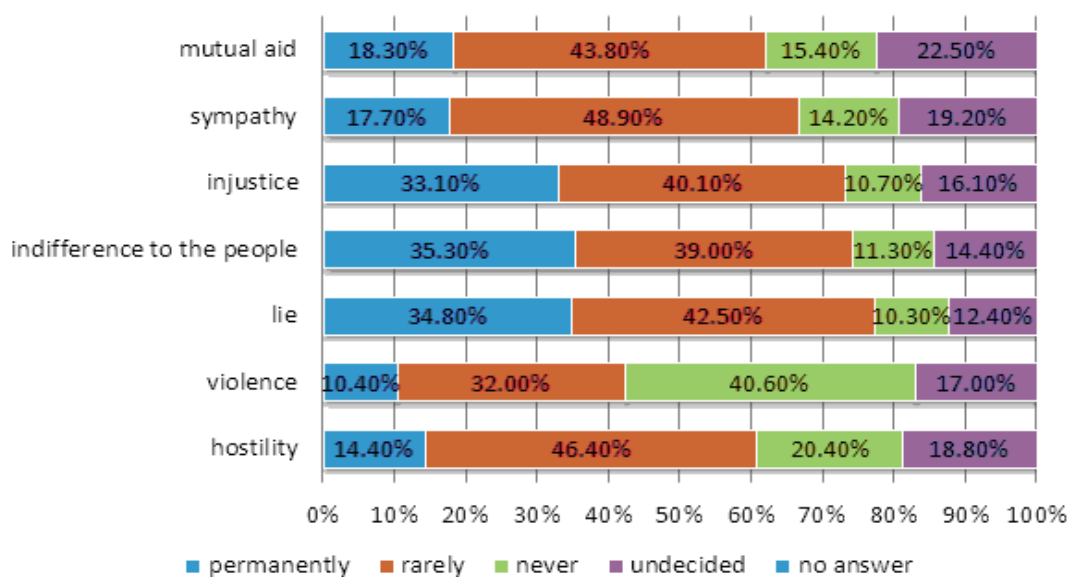
This situation generates feeling of uncertainty and insecurity which is amplifying more and more among the population - less than a half of respondents are satisfied with the safety of life (45.60% of respondents), thus every third is not satisfied with this parameter (33.70%). Among threats to life, which disturb the regional population most of all, the respondents name a high crime rate (37.39%) more often; possibility of war (35.91%); impossibility to receive high-quality health care (32.05%); violation of the citizens' rights (28.97%); spreading of «social diseases» (28.78%); adverse ecology (28.19%). It is necessary to take into consideration that the polls were carried out while the conflict in Ukraine was developing and the inhabitants of frontier Belgorod region reacted to the events very sharply.

The crisis of institutional trust caused also inability of bodies of public and municipal administration to provide due level of life safety, which is a potential source of social pessimism in society and negative (or, at least, skeptical) attitude to the initiatives of imperious institutions that promise accumulation of wellbeing and comfort, as well as formation of solidary society.

The feeling of insecurity also strengthens because of negative experience of daily communications between residents of Belgorod. Despite the fact that only

10.40% constantly face violence and 14.40% - manifestations of hostility, nearly one third of the population constantly observes indifference towards people (35.30% of the inhabitants of the area), manifestations of dishonesty (34.80%), injustice (33,10%). And only 17.70% of the respondents constantly observe the examples of sympathy and 18.30% - mutual aid (Fig. 3).

Figure 3. Distribution of answers of the respondents to the question: «How often do you face manifestations ...»

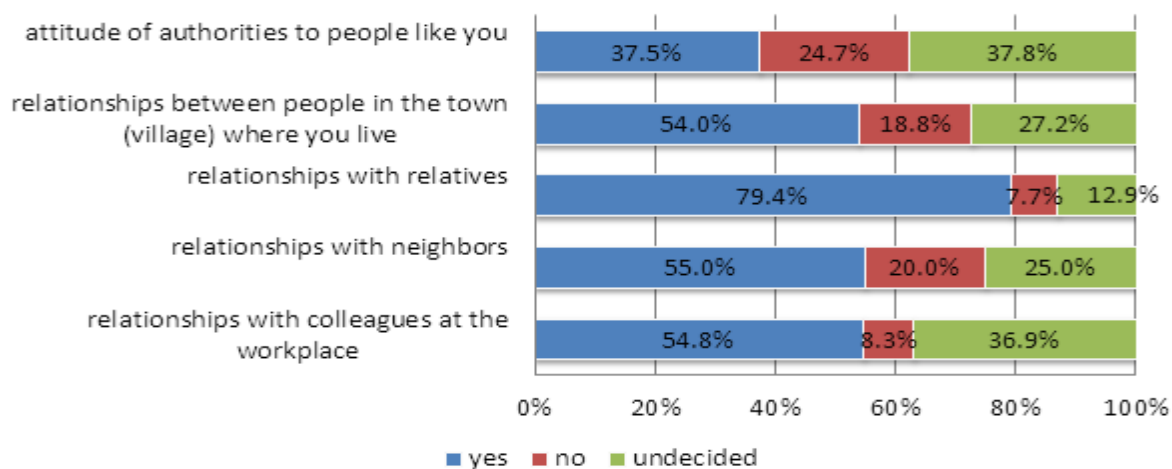

The abovementioned situation is certainly to be reflected in quality of human relations. Key types of the social relations and communications are the following: the relations within close relatives; the relations with neighbors; the relations in labor collective. These communications occur on daily basis with their social and psychological background. However, contacts with official institutions are also a necessary element of citizen life.

Now most inhabitants of Belgorod region are satisfied with the relations with relatives (79.40%), less – with the attitude of the representatives of the authorities towards them (37.50%). As for the levels of satisfaction with the other types of social relations, they show approximately the same results. So 55.00% of the respondents are satisfied with the relations with neighbors, 54.80% - with the relations with the colleagues, 54.00% - with the relations with people at the place of residence (Fig. 4).

Figure 4. Distribution of the respondents answers to the question: «Are you satisfied ...».

Source: Own survey. now

Insufficient satisfaction of the inhabitants with quality of social relations is connected with the fact that there is no unity concerning basic values among the residents of Belgorod. In turn, values make a basis of any society as the assessment of the phenomena of surrounding reality is a necessary condition of survival of both an individual and society. The main sociocultural regulations of social behavior. They are capable to create a basis of the atmosphere of solidarity, or – on the contrary – to establish barriers to its formation.

The results of research allow building the hierarchy of values of the population of Belgorod region in key spheres of communication. In the family sphere the most significant values are love and fidelity, mutual respect and friendship, mutual consent, care of children. 42.50%, 32.80%, 24.50% and 24.30% of the respondents remark these respectively. But such values as respect towards a child's identity, patience and mutual aid are noted by less residents of Belgorod (11.60% and 12.10% respectively).

Trust, mutual aid, decency, culture of communication and politeness are mentioned as key values of communication with neighbors (36.40%, 33.00%, 24.30%, 21.80% of the respondents respectively). In this case the residents of Belgorod refer charity (5.70%), ability to defend one's interests (12.20%), care and discretion (12.20%), advantage (12.60%) to the least significant values.

In professional communication in the environment of work collective priority values are respect (34.40%), professionalism (29.50%), cooperation (27.00%), collectivism (22.90%), diligence (20.90%). However, few residents choose independence and an initiative, commitment and persistence, self-control as important values (only 9.40%, 9.10%, 6.40% respectively).

As for the relationship in the region as a whole, from the point of view of respondents justice (29.90%), spirituality and public morals (22.20%), safety (20.80%), culture of communication and politeness (20.40%) are the most important values. But the population regards tolerance (9.20%), solidarity (11.90%), service to the Fatherland and patriotism (11.90%), existence of the rights and freedoms (12.20%), responsibility for the future (14.50%) to be unimportant values.

Thus, a significant amount of values, important for realization of solidarity idea, differs low extent of acceptance at the level of family relations these are values of respect for a child's identity, patience and mutual aid. At the level of territorial communities – values of advantage, charity, ability to defend the interests. At the level of work collectives – values of culture of communication, commitment and persistence, creativity and creation, independence, initiative, self-control. At the level of regional communities – values of service to the Fatherland, patriotism, tolerance, responsibility for the future, existence of the rights and freedoms.

Summary & Conclusion.

Nowadays Russian regions are left in axiological and legal limbo that is absence of valid truths and intentions to observe legal and, especially, ethical norms among the majority of people that is certainly reflected on quality of interpersonal relations. People are mostly disturbed by manifestations of lies, indifference to each other and injustice. These are the deviations the respondents have been facing most often for the recent years, which gives evidence of their being rooted in consciousness and behavior of Russian citizens. It has a destructive influence on the spiritual and moral atmosphere in society, on the relations

between citizens and authorities, as well as creates essential obstacles for implementation of social and economic projects and programs, further modernization of Russian economy. In this regard the issue of formation of regional solidarity is considered to be especially urgent. Strengthening of system of base values, which are clear to the majority of people, among the population should become the foundation for such work. Such system should be institutionalized, that is, fixed in the form of concrete norms, which do not necessarily have legal character and are rather a result of the general voluntary agreement.

The issue of justice plays the key role in defining the prospects of formation of regional solidary society in practice. Value of justice has always been and in many respects remains the most important value of Russian culture. However, now only about one third of the respondents are satisfied with realization of the principle of social justice. Until such a conviction remains, it is difficult to count on essential advance of idea of solidarity. Thus, it is important to understand that the Russians connect injustice mainly not with the fact of social inequality, but with double morals and double standards in the attitude towards people. In this context the idea of solidarity can be realized only in case of declaration and unconditional realization of the rule – the same measures (laws, rules, norms, etc.) for all people.

One more important issue for strengthening of solidary relations is the problem of mutual trust between the authorities and the population. As a result of social and economic transformations, which are being carried out in our country, the popular frustration caused by the activities of state and municipal authorities have increased considerably. It was one of the reasons of decrease of the authority of government bodies in the opinion of public, as well as considerable decrease in population's trust. Both insufficient efficiency of authorities' activities and their incomplete information openness worsen the situation. It is necessary that the trust and solidarity strengthen, first of all, through the organization of continuous dialogue between state and society, power and business. The criteria of efficiency

of public and power communication can be the following: aspiration of the power to create control mechanisms from the side of public bodies; wide access of the population to objective information; possibility for the active part of public to influence on the decisions connected with formation of regional policy.

Список литературы.

1. Berry J.W. 2011. Интеграция и мультикультурализм: пути к социальной солидарности. – *Статьи о социальных представлениях*. № 20. С. 1-20.
2. Danaher J. 2015. Человеческое улучшение, социальная солидарность и распределение Responsibility. – *Этическая теория и моральная практика*. С. 1-20.
3. Дюркгейм Э. 1997. *Разделение труда в Обществе*. Сделка В.Д. Холлс, введение. Льюис А. Козер. Нью-Йорк: Свободная пресса. С. 256-309.
4. Ефременко Д., Евсеева И. 2012. Исследования социальной солидарности в России: традиция и современные тенденции. – *Американский социолог*. №43 (4). С. 349-365.
5. Эллиот А., Тернер Б.С. *На обществе*. Кембридж: Polity Press. 2012. 208 с.
6. Филиппов А. 2012. Мобильность и солидарность. – *Социологическое обозрение*. *Sociological Review*. №11 (1). С. 19-39.
7. Хэбермас Дж. *Автономия и Солидарность*. Интервью с Дж. Хэбермасом. Россы. Лондон-Нью-Йорк. 1992. 286 с.
8. Habermas J. Демократия, солидарность и европейский кризис. Доступ: www.socialeurope.eu/2013/05/democracy-solidarity-and-the-european-crisis-2 (проверено: 17.03.2017).
9. Левитски С. 2003. Свобода и ответственность: «Основы органического мировоззрения» и статьи о солидаризме. М.: Посев. 464 с.
10. Парсонс Т. 1971. *Система современных обществ*. *Энглвудские утесы*. Нью-Джерси: Prentice-Hall. 270 с.

11. Российское обслуживание статистики федераций, демография. Доступ: gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (проверено: 17.03.2017).

12. Salamon J. 2014. *Солидарность вне границ: этика в глобализирующемся мире*. Лондон: издательство Блумсбери. 224 с.

13. Самарин А. 2011. «Культура мира» как средство преодоления социальных конфликтов и достижения солидарности. – *Конфликтология*. №3. С. 122-133.

14. Sammut G. 2011. Гражданская Солидарность: переговоры идентичности в современных обществах. – *Статьи о Социальных Представлениях*. № 20. 24 с.

15. Sztompka P. 1999. Доверие: социологическая теория. Кембридж: Издательство Кембриджского университета. 228 с.

16. Заливанский Б., Самохвалова Е. 2015. Социальные индикаторы формирования регионального солидарного общества. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики - *Исторические, философские, политические и науки Lashh, Culturology и Study Искусства – выпуск теории и практики*. №3-3 (53). С. 61-63.

17. Жалкиев В. 2014. Солидарность и аномия в современном российском обществе. Краснодар: КрУ МВД России. 2014. 140 с.

References.

1. Berry J.W. 2011. Integration and Multiculturalism: Ways towards Social Solidarity. – *Papers on Social Representations*. № 20. 1-20 p.

2. Danaher J. 2015. Human Enhancement, Social Solidarity and the Distribution of Responsibility. – *Ethical Theory and Moral Practice*. P. 1-20.

3. Durkheim E. 1997. *The Division of Labor in Society*. Trans. W.D. Halls, intro. Lewis A. Coser. New York: Free Press.

4. Efremenko D. & Evseeva Y. 2012. Studies of Social Solidarity in Russia: Tradition and Modern Trends. – *The American Sociologist*. №43 (4). P. 349-365.
5. Elliot A. & Turner, B.S. *On Society*. Cambridge: Polity Press. 2012.
6. Filippov A. 2012. Mobilnost` i solidarnost`. – *Sociologicheskoe obozrenie. Sociological Review*. №11 (1). P. 19-39.
7. Habermas J. *Autonomy and Solidarity*. Interviews with J. Habermas / ed. by P. Dews. London-New York. 1992. 286 p.
8. Habermas J. Democracy, Solidarity and the European Crisis. (In Russ.) URL: www.socialeurope.eu/2013/05/democracy-solidarity-and-the-european-crisis-2 (accessed: 17.03.2017).
9. Levitsky S. 2003. *Svoboda i otvetstvennost`*: «*Osnovy organicheskogo mirovozzrenija*» i stat`i o solidarizme [Freedom and responsibility: «Bases of organic outlook» and articles about a solidarizm]. Moskva: Posev. 464 p.
10. Parsons T. 1971. *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. 270 p.
11. Russian Federal States Statistics Service, Demography. (In Russ.) URL: gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (accessed: 05.05.2016).
12. Salamon J. 2014. *Solidarity Beyond Borders: Ethics in a Globalising World*. London: Bloomsbury Publishing.
13. Samarin A. 2011. «Kul'tura mira» kak sredstvo preodolenija social'nyh konfliktov i dostizhenija solidarnosti. – *Konfliktologija*. №3. P. 122-133.
14. Sammut G. 2011. Civic Solidarity: negotiation of identity in modern societies. – *Papers on Social Representations*. № 20.
15. Sztompka P. 1999. *Trust: a sociological theory*. Cambridge: Cambridge University Press. 228 p.
16. Zalivansky B. & Samokhvalova E. 2015. Social`nye indicatory formirovanija regional`nogo solidarnogo obshestva. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii*

i praktiki - Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. – *Issues of Theory and Practice*. №3-3 (53). P. 61-63.

17. Zhalkiev V. 2014. *Solidarnost' i anomija v sovremennom rossijskom obshhestve* [Solidarity and an anomy in modern Russian society]. Krasnodar: KrU MVD Rossii. 140 p.

УДК 327

ФОРМЫ УЧАСТИЯ СРЕДНИХ И МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ В КУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ С ГОРОДАМИ ГЕРМАНИИ

Черкасова Н.Н.

к.и.н., доцент кафедры международных отношений
и государственного управления ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»,

Кузьмина В.М.

к.и.н., доцент кафедры международных отношений
и государственного управления ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»,

Калужских И.В.

студентка кафедры международных отношений
и государственного управления ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»

Россия, г. Курск

***Аннотация.** Целью статьи является анализ форм участия средних и малых городов России в культурном диалоге с городами Германии. Культура является той основой, на которую опираются и другие сферы сотрудничества Россия и Германии. В настоящее время вопрос об интерпретации событий современной истории актуален для обеих стран. Решение проблем требует от музейных работников не только высокого профессионализма, но и гражданской ответственности. Однако, есть сложность в подготовки экспозиций и открытого показа исторического периода, учитывая специфику работы с посетителями разных возрастных категорий в музеях современной истории. Был проведен анализ программ российско-немецких молодежных обменов, который свидетельствует о том, что количественный и качественный прогресс в этой области культурного сотрудничества наступил в 2006 году. Россия и Германия постоянно укрепляют и расширяют культурные связи, развивая сотрудничество в различных сферах.*

Ключевые слова: культурный диалог, сотрудничество России и Германии, культурные связи, молодежные объединения.

FORMS OF PARTICIPATION OF RUSSIAN SMALL AND MEDIUM-SIZED TOWNS IN CULTURAL DIALOGUE WITH GERMAN CITIES

Abstract. The purpose of this paper is to analyze the forms of participation of Russian small and medium towns in the cultural dialogue with German cities. Culture is the backbone for all other spheres of cooperation between Russia and Germany. Since 2008, archives have been studied, exhibitions and expositions have been held, and scientific inventorization of archaeological sites has been carried out. Nowadays, the interpretation of the events of modern history is front and centre to both countries. Solving problems requires from museum staff not only professionalism, but also civil liability. However, designing of exhibitions and open display of the historical period presents difficulties, taking into account the specificity of work with different age groups in museums of modern history. Russian-German youth exchange programmes were analyzed, suggesting of the quantitative and qualitative breakthrough in the field of cultural cooperation in 2006. Russia and Germany are constantly strengthening and expanding their cultural ties, developing cooperation in various fields.

Keywords: cultural dialogue, cooperation between Russia and Germany, cultural ties, youth associations.

Культурные связи между Россией и Германией имеют богатые многовековые традиции. Сегодня они характеризуются взаимным интересом и симпатией россиян и немцев, а также интенсивным творческим взаимодействием, подкрепляемым диалогом гражданских обществ России и Германии. Культура образует ту основу, на которую с успехом опираются другие сферы сотрудничества двух стран. Важной составляющей являются партнерские связи между российскими и немецкими городами и регионами. К более активным регионам с российской стороны можно отнести Москву, Санкт-Петербург, Татарстан, Пермскую область, Калининград; с германской – Берлин, Баварию, Бранденбург, Нижняя Саксонию, Гессен, Саксонию [8].

Города-побратимы			
Россия	Германия	Россия	Германия
Архангельск	Эмден	Белгород	Херне
Борисоглебск	Дельменхорст	Великий Новгород	Билефельд
Владимир	Эрланген	Волгоград	Кёльн
Воронеж	Земельный округ Везермарш	Гагарин	Ратинген
Геленджик	Хильдесхайм	Дзержинск	Биттерфельд
Екатеринбург	Вупперталь	Иваново	Ганновер
Ижевск	Люнебург	Иркутск	Пфорцхайм
Казань	Брауншвейг	Калининград	Бремерхафен, Гамбург, Киль, Папенбург, Цайц
Калуга	Зуль	Кострома	Ахен
Курск	Виттен, Шпейер	Липецк	Котбус
Магнитогорск	Бранденбург	Москва	Берлин, Дюссельдорф, Мюнхен
Новочеркасск	Изерлон	Пермь	Дуйсбург
Псков	Гера	Пятигорск	Шверте
Ростов-на-Дону	Дортмунд	Рязань	Мюнстер
Самара	Штутгарт	Санкт-Петербург	Гамбург
Смоленск	Хаген	Сочи	Баден-Баден
Таганрог	Люденшайд	Тверь	Оснабрюк
Тольятти	Вольфсбург	Тюмень	Мюнхен
Ульяновск	Крефельд	Улан-Удэ	Маннгейм
Щёлково	Хемер	Ярославль	Кассель, Ханау

Таблица 1. Города-побратимы России и Германии

Проект «Германо-Российский музейный диалог» (DRMD) начал свою работу в 2005 году. Самый обширный исследовательский проект диалога занимается «потерями немецких музеев в результате войны». Начиная с 2008 года ученые занимались анализом архивных материалов о трофейных бригадах Красной Армии. Эти подразделения в первые послевоенные месяцы занимались систематической конфискацией произведений искусства для последующей транспортировки в Советский Союз в качестве компенсации за культурные ценности, похищенные или разрушенные национал-социалистами. DRMD создал базу данных, куда вошли более 100 тыс. предметов искусства. В свою очередь с 2012 по 2014 г. в рамках проекта «Русские музеи во время Второй мировой войны» было проведено исследование последствий немецкой оккупации, грабежа и разрушений, а

также процесса восстановления музеев: на основе тематических исследований по четырем царским дворцам под Санкт-Петербургом и по двум городам-музеям: Новгороду и Пскову.

Пушкинским музеем и Эрмитажем совместно с берлинским Музеем древнейшей и древней истории были подготовлены выставки: в 2007 году в Москве выставка, посвященная эпохе Меровингов, а в 2013 и 2014 годах в Москве и Санкт-Петербурге прошла экспозиция под названием «Бронзовый век – Европа без границ».

В 2015 году фонд «Прусское культурное наследие» совместно с Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Государственным историческим музеем и Государственным музеем Эрмитаж провел экспозицию «Железный век – Европа без границ». Среди экспонатов выставки были объекты, находившиеся до 1945 года в берлинских музеях [1].

Также, совместно со специалистами Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина немецкие ученые проводят научную оценку Эберсвальдского клада (Eberswalder Goldfund) – крупнейшего собрания золотых изделий, найденных на территории Германии. Сокровища общим весом свыше двух с половиной килограмм датируются X-IX веком до нашей эры. Эберсвальдский клад также относится к так называемому трофейному искусству и до 1945 года находился в собрании берлинского Музея доисторического периода и ранней истории.

Помимо этого немецкие и российские специалисты ведут работу по научной инвентаризации археологических объектов, найденных на территории Грузии, а также ими была достигнута договоренность о проведении выставки «Античная вазовая живопись». Кроме того, в рамках проекта «Донателло и скульптуры эпохи Ренессанса» фонд «Прусское культурное наследие» совместно с Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина проведет анализ и

реставрацию хранящихся там произведений искусства, чтобы подготовить их к последующей выставке на территории России [3].

19–25 октября 2012 г. в Мюнхене (ФРГ) состоялся международный научный семинар «Музеи и их посетители», который был организован Сектором музейной энциклопедии Российского института культурологи. С немецкой стороны семинар был организован Земельной службой негосударственных музеев Баварии – учреждением, к консультационной поддержке и экспертной оценке которого обращаются все музеи, находящиеся на территории Федеральной земли Бавария. Специалисты разных профилей, входящие в состав службы, оказывают поддержку музеям по всем направлениям музейной деятельности (консервация и реставрация, хранение и каталогизация музейных предметов, дизайн экспозиций и выставок и т.д.). Аналогичные структуры существуют и в других федеральных землях Германии, но Земельная служба негосударственных музеев Баварии является не только самой крупной, но признана в музейном мире Германии наиболее авторитетной среди подобных учреждений.

Семинар был посвящен одной из самых актуальных тем в музейном деле – проблеме изучения музейной аудитории и взаимодействия музеев разных профилей, типов и видов со своим посетителем, а также использованию различных форм экспозиционно-выставочной работы, в том числе – за пределами музея, в целях актуализации культурного наследия. Обмен опытом между музейными специалистами России и Германии выявил ряд общих позиций, на которые они опираются в выстраивании стратегических направлений работы с аудиторией.

С российской стороны в семинаре принимали участие сотрудники Российского института культурологии, руководители музеев и музейных подразделений из разных регионов страны – Центральной России (Музейный центр Тамбовского государственного университета, Отдел популяризации культурного наследия по культуре и туризму Рязанской области), Северного Кавказа (Пятигорский краеведческий музей), Урала (Свердловский

областной краеведческий музей), Сибири (Музейный совет музеев Сибирского отделения РАН (Новосибирск), Красноярский краевой краеведческий музей). Немецкая сторона была представлена на семинаре такими учреждениями как Институт музейных исследований в Берлине, Земельная служба негосударственных музеев Баварии, Дом баварской истории, а также музеями разных округов Баварии (Средняя Франкония, Верхняя Бавария) [5].

По мнению О.Е. Черкаевой, в настоящее время вопрос об интерпретации событий современной истории актуален для обеих стран. В свою очередь, его решение требует от музейных работников не только высокого профессионализма, но и гражданской ответственности. Участники семинара отметили сложность подготовки экспозиций и открытого показа этого исторического периода, а также попытались раскрыть специфику работы с посетителями разных возрастных категорий в музеях современной истории.

Посещение международной выставки Федеральной земли Бавария «Союзники – враги – родственники: Бавария и Австрия», организованной Домом баварской истории, продемонстрировало инновационные формы подачи материала и кооперацию различных учреждений культуры, а также отдельных регионов и стран в работе по актуализации и популяризации культурного наследия. В музейно-педагогическом центре Мюнхена участники семинара познакомились с методиками и проектами центра; дискуссия, посвященная музейной педагогике в России и Германии, завершилась в Земельной службе негосударственных музеев Баварии.

С 10 ноября 2015 по 18 января 2016 года была проведена историко-документальная выставка «Россия-Германия: от конфронтации к сотрудничеству. К 70-летию окончания Второй мировой войны», подготовленная Федеральным архивным агентством, Государственным архивом Российской Федерации, Государственным историческим музеем и Российско-германским музеем Берлин-Карлсхорст при поддержке

Министерства культуры Российской Федерации, Министерства иностранных дел Российской Федерации и Уполномоченного Правительства Федеративной Республики Германия по вопросам культуры и средств массовой информации [1].

Экспозиция рассказывает о политических, экономических, гуманитарных и культурных отношениях наших стран во второй половине XX – начале XXI века на основе важнейших документальных источников, большинство которых впервые показывается специалистам и широкой общественности. Это документы из Архива внешней политики России, Федерального архива Германии и Политического архива МИД Германии. В сочетании с редкими фотографиями, картами, кинохроникой, музейными предметами они создают единое историческое пространство, представляющее главные исторические этапы конструктивного сближения СССР/России и Германии с 1945 по 2015 гг.

С 1 по 6 июня 2015 года в Берлине проходил фестиваль «Российская театральная весна», в рамках которого такие московские театры, как центр им. Мейерхольда, Театр.doc, театр «Практика» показали самые яркие постановки, а молодые российские театральные режиссеры и драматурги обсудили будущее современного российского театра [1].

Как отмечает И. Михайлина, цель организаторов фестиваля (агентство MediaOst Events&Kommunikation) – представить немецкой публике не известный на Западе классический русский театр, а новое современное театральное искусство России – «спектакли молодых художников, полные экспериментальной эстетики и глубокого содержания».

Благотворительным фондом В. Потанина и Фондом Роберта Боша совместно с Петербургским благотворительным фондом культуры и искусства «ПРО АРТЕ», Гёте-Институтом, Государственным центром современного искусства, при поддержке Министерства культуры Российской Федерации был организован визит музейных специалистов из Германии в

Санкт-Петербург, Москву, Нижний Новгород и Екатеринбург по программе международных музейных обменов «Музейный десант».

С 18 по 24 апреля 2016 года представители десяти музеев из Берлина, Дюссельдорфа, Штутгарта, Оснабрюка, Висбадена и Дрездена познакомились с экспозициями российских музеев, встречались с российскими коллегами и обсуждали программы в области музейного образования и новые технологии в работе с аудиторией.

В Санкт-Петербурге музейные специалисты из Германии ознакомились с экспозицией Главного штаба Государственного Эрмитажа, работой Научно-просветительного отдела и Молодежного центра, посетили Государственный музей политической истории и Кунсткамеру (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН), а также мемориальную экспозицию Музея-квартиры Н.А. Римского-Корсакова. Посещение каждого музея сопровождалось дискуссией об особенностях и вызовах, с которыми сталкиваются музейные специалисты, разрабатывая новые образовательные программы для каждой категории посетителей музея [4].

Музейное объединение «Музей Москвы», Музей космонавтики, Музей русского импрессионизма, Государственный музей архитектуры им. А.В. Щусева и Государственный центр современного искусства поделились с немецкими коллегами собственными методиками работы с аудиторией, а также образовательными инициативами. Музейные специалисты Германии посетили Государственный Дарвиновский музей, а также Музей современного искусства «Гараж».

Музейные специалисты также посетили Музей истории художественных промыслов Нижегородской области и Музей-квартиру А.М. Горького. Участники группы, отправившейся в Екатеринбург, посетили Екатеринбургский Музей изобразительных искусств, Свердловский областной краеведческий музей – экспозицию, посвященную Большому Шигирскому идолу, а также галерею современного искусства и музей

Президентского центра Б.Н. Ельцина. Немецкие специалисты обсудили с нижегородскими и екатеринбургскими коллегами особенности разработки образовательных проектов для детей, методику привлечения подростковой аудитории в музей, практику сотрудничества региональных музеев с музеями Москвы и Санкт-Петербурга в вопросе подготовки музейных педагогов, опыт реализации музейных программ для посетителей с ограничениями здоровья, мигрантами [5].

Программа «Музейный десант» Благотворительного фонда В. Потанина направлена на знакомство с новыми направлениями и подходами в сфере музейной деятельности и образования, продвижение новых профессиональных стандартов, а также укрепление партнерских связей внутри профессионального мирового музейного сообщества.

Продуктивно сотрудничают авторитетные консерватории и музыкальные школы России и Германии, организуются концерты смешанных российско-германских молодежных оркестров. Идея основания Российско-немецкой музыкальной академии возникла в период подготовки концерта-открытия Перекрестного Года культуры Германии и России, прошедшего в июне 2012 года в Большом зале Московской консерватории. Специально для этого концерта был сформирован российско-немецкий студенческий оркестр, в который вошли студенты Московской консерватории и Берлинского университета искусств [6].

В течение следующего года концерты ансамбля Академии, получившего название «Ансамбль 2012», были проведены на известных площадках Москвы и Берлина, а также в ряде других городов Германии и России. В условиях осложнившейся международной ситуации, такая инициатива, направленная на укрепление сотрудничества и культурного обмена между обеими странами, представляется очень своевременной.

Основополагающий принцип работы Академии заключается в том, что подготовка каждой концертной программы молодых музыкантов проходит под наблюдением опытных педагогов, попеременно российских и немецких.

Такой формат призван обеспечить непосредственную передачу опыта и традиций исполнения того или иного сочинения.

Регулярно в гостях друг у друга проводят гастролы и выступления ведущие музыкальные и драматические театры двух стран. Кинематографисты России и Германии представляют свои работы в рамках международных кинофестивалей в обеих странах, участвуют в национальных кинонеделях – таких, например, как ежегодная Неделя российского кино в Берлине.

Анализ программ российско-немецких молодежных обменов свидетельствует о том, что количественный и качественный прогресс в этой области культурного сотрудничества наступил в 2006 году. Он ознаменовался значительным ростом числа участников этих двусторонних обменов и партнерских организаций, появились новые формы молодежных связей. При этом численность и удельный вес самих молодых людей из России и Германии в составе участников мероприятий молодежного сотрудничества заметно выросли в последние годы.

Проведя анализ направлений международного молодежного сотрудничества, которые заинтересовали российских участников молодежных обменов с Германией, можно судить о явном различии в их выборе, который в целом зависит от возрастных и социально-профессиональных различий.

В частности, подростков и молодежь в возрасте 14-24 лет (в большинстве своем – школьников и студентов, рядовых участников молодежных встреч и лагерей), побывавших в Германии в 2015 году вызывала интерес, в первую очередь, социальная проблематика, участие молодежи в общественно-политической, культурной жизни и доступность качественного образования. Немецкие учебные заведения являются наиболее привлекательными для российской молодежи, стремящейся получить образование за границей (число обучающихся в Германии молодых россиян больше, чем в какой-либо другой стране мира). Темы экологии, физкультуры

и спорта у молодых участников российско-германских обменов особой заинтересованности не вызвали [7].

Формы мероприятий	Годы							
	2000	2002	2005	2006	2007	2009	2012	2015
Молодежные встречи и молодежные и трудовые лагеря	1100	1318	1632	3104	5228	6178	8540	8637
Семинары, тренинги, стажировки специалистов по молодежной и социальной работе	2457	1836	1326	1573	2391	3796	5367	6120
Итого	3557	3154	2958	4677	7619	9974	14177	14757

Таблица 2. Динамика общей численности участников различных форм мероприятий российско-германского молодежного сотрудничества в 2000-2015 годах, человек [4].

Специалисты по молодежной работе, принимающие участие в международных обменах с Германией, обращали особое внимание на социальную проблематику и немецкий опыт молодежной работы, тем временем сама молодежь проявляла интерес к немецкой системе образования, а также к социальным и культурным проблемам. Интерес к этим темам у российской молодежи постепенно увеличивается, а интерес к вопросам участия в общественно-политической жизни снижается.

Таким образом, между Россией и Германией происходит культурный обмен в различных областях: музеи, искусство, музыка, театр, кино, образование [9]. Русская и немецкая культуры занимают важное место в европейском культурном наследии. Россия и Германия постоянно укрепляют и расширяют культурные связи.

Список литературы.

1. Информационный портал Germania-online. Доступ: <http://www.germania-online.diplo.de>. (проверено: 17.03.2017).
2. Представительства Германии в России. Доступ: <http://www.germania.diplo.de>. (проверено: 17.03.2017).
3. Отношения России и Германии. Доступ: <http://germany-in-russian.ru/otnosheniya-rossii-i-germanii.html> (проверено: 17.03.2017).
4. Россия и Германия: культурные обмены. Доступ: <http://www.dw.com/ru/россия-и-германия-культурные-обмены/a-413257>. (проверено: 17.03.2017).
5. Программа международных музейных обменов «Музейный десант». Германия – Россия. Доступ: <http://www.proarte.ru/events/programma-mezhdunarodnykh-muzeynykh-obmenov-muzeynyuy-desant-germaniya-rossiya/>. (проверено: 17.03.2017).
6. Российско-немецкая музыкальная академия. Доступ: http://musiclin.ru/mem_musacademy.html. (Проверено: 17.03.2017).
7. Кравченко И.И. 2015. Молодежное сотрудничество как возможность развития культурных связей России и Германии. – *Международная жизнь*. № 11. С.45-57.
8. Кузьмина В.М. *Анализ международных ситуаций*. Курск: ЮЗГУ. 2016. 29 с.
9. Кузьмина В.М. *Теория и история дипломатии*. Курск: ЮЗГУ. 2015. 315 с.

References.

1. Informacionnyj portal Germania-online. (In Russ.) URL: <http://www.germania-online.diplo.de>. (accessed: 17.03.2017).
2. Predstavitel'stva Germanii v Rossii. (In Russ.) URL: <http://www.germania.diplo.de>. (accessed: 17.03.2017).

3. Otnoshenija Rossii i Germanii. (In Russ.) URL: <http://germany-in-russian.ru/otnosheniya-rossii-i-germanii.html> (accessed: 17.03.2017).
4. Rossija i Germanija: kul'turnye obmeny. (In Russ.) URL: <http://www.dw.com/ru/россия-и-германия-культурные-обмены/a413257>. (accessed: 17.03.2017).
5. Programma mezhdunarodnyh muzejnyh obmenov «Muzejnyj desant». Germanija – Rossija. (In Russ.) URL: <http://www.proarte.ru/events/programma-mezhdunarodnykh-muzeynykh-obmenov-muzeynyj-desant-germaniya-rossiya/>. (accessed: 17.03.2017).
6. Rossijsko-nemeckaja muzykal'naja akademija. (In Russ.) URL: http://musiclin.ru/mem_musacademy.html. (accessed: 17.03.2017).
7. Kravchenko I.I. Molodezhnoe sotrudnichestvo kak vozmozhnost' razvitija kul'turnyh svjazej Rossii i Germanii. – *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 2015. № 11. P.45-57. (In Russ.).
8. Kuz'mina V.M. *Analiz mezhdunarodnyh situacij* [Analysis of international situations]. Kursk: JuZGU. 2016. 29 p.
9. Kuz'mina V.M. *Teorija i istorija diplomatii* [Theory and History of Diplomacy]. Kursk: JuZGU. 2015. 315 p.

УДК 327

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА В ТРАНСГРАНИЧНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Черномаз П.А.,
к.геогр.н., доц.
ХНУ им. В.Н. Каразина, Украина

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные формы сотрудничества в Европе. Ключевым документом в развитии трансграничного сотрудничества стала Европейская рамочная конвенция. Проведен ретроспективный анализ развития форм трансграничного сотрудничества. Были выделены основные препятствия, которые помешали наполнению*

формы еврорегиона содержанием в украинско-российском трансграничном сотрудничестве. Изменившиеся политические и экономические условия поставили украинско-российское сотрудничество перед новыми вызовами. Главный вызов связан с кризисом человеческих отношений, негативно повлиявшим на двустороннее сотрудничество. Развитие еврорегионов на просторах Европы позволило гармонизировать взаимоотношения населения стран в приграничных территориях и впоследствии – снять многие барьеры, созданные на границах. Истоки современного общественно-политического кризиса лежат в духовной сфере. Другой вызов украинско-российскому трансграничному сотрудничеству связан с желанием властей ограничить трансграничные потоки людей для недопущения экстремистских проявлений. Ответом на данный вопрос стала «умная граница» – концепция построения сопредельными государствами совместного управления потоками людей и товаров на границе таким образом, чтобы способствовать оптимальной реализации ее фильтрующей функции.

Ключевые слова: еврорегион, Слобожанщина, трансграничное сотрудничество, еврорегиональное сотрудничество.

Abstract. The paper studies the main forms of cooperation in Europe. A key document in the development of cross-border cooperation is the European Outline Convention. A retrospective analysis of the development of forms of cross-border cooperation is performed. The main obstacles for giving concrete substance to Euroregion as a form of Ukrainian-Russian cross-border cooperation were determined. New political and economic conditions present new challenges to the Ukrainian-Russian cooperation. The main challenge is the crisis of interpersonal relations which negatively affected bilateral cooperation. The rise of Euroregions in Europe has allowed the residents of the border zones to harmonize their mutual relations areas and eventually has removed many barriers created at the borders. The origins of the present-day socio-political crisis lie in the spiritual sphere. Another challenge to the Ukrainian-Russian cross-border cooperation is the desire of the authorities to limit cross-border migration to prevent extremism. A solution for this challenge may be a "smart border", the concept of joint management of movement of people and goods across the border in a way to provide the optimal implementation of its filtering function.

Key words: Euroregion, Slobozhanshchina, cross-border cooperation, euro-regional cooperation.

Для практической реализации трансграничного сотрудничества в Европе на данный момент предложено и отработано несколько форм: 1) договор о сотрудничестве; 2) еврорегион (создание совместного координирующего органа управления); 3) объединение еврорегионального сотрудничества (создание совместного юридического лица с собственным бюджетом).

Развитие межрегионального приграничного сотрудничества является одним из приоритетов Совета Европы. Его основным вкладом в определение правовых основ этого сотрудничества стала Европейская рамочная конвенция о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями (Мадридская конвенция) 1980 г. Она закрепила уже существовавшую на тот момент в Европе тенденцию – появление объединений трансграничного сотрудничества, которые получили название еврорегионов по имени первой такой группировки «Euregio», возникшей в 1958 г. на границе Германии и Нидерландов. Еще до подписания конвенции, в июне 1971 г., была создана Ассоциация европейских приграничных регионов (Association of European Border Regions) с секретариатом в г. Гронау (Германия) на территории первого еврорегиона «Euregio». Эта добровольная неправительственная организация сейчас объединяет около 200 разных институциональных форм трансграничного сотрудничества в Европе, большинство из которых названы еврорегионами.

Как Украина, так и Россия ратифицировали Европейскую рамочную конвенцию о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями и два дополнительных протокола к ней. Таким образом, в украинско-российских отношениях появилась правовая основа для развития полноценного трансграничного сотрудничества.

В результате на границе Украины и России в пределах Баренцево-Черноморской оси трансграничного сотрудничества сформировался каркас еврорегионов, в основе которых лежат соглашения между территориальными общинами, расположенными по обе стороны границы. В этот каркас вошли еврорегионы «Днепр» (2003 г.), «Слобожанщина» (2003 г.), «Ярославна» (2007 г.) и «Донбасс» (2010 г.).

Базируясь на основных положениях Мадридской конвенции, а также реалиях трансграничного сотрудничества, можно предложить следующее определение: *еврорегион* – это форма европейского трансграничного сотрудничества между имеющими общую границу территориальными

общинами или местными органами власти регионов двух или более государств, оформляемая юридически в соответствии с внутренними законодательствами этих стран и нормами международного права в виде действующего соглашения, целью которого является координация взаимных усилий и осуществление согласованных мероприятий в разных сферах жизнедеятельности для решения общих вопросов в интересах населения, проживающего на территориях этих общин по разные стороны государственной границы.

16 ноября 2009 г. в Утрехте (Нидерланды) принят 3-й Протокол к Мадридской рамочной конвенции об «объединениях еврорегионального сотрудничества» (Euroregional Co-operation Groupings – ECGs). Он призван обеспечить основные положения создания и функционирования органов трансграничного и межрегионального сотрудничества и полностью соответствовать требованиям Регламента № 1082/2006 Европейского парламента и Совета ЕС от 5 июля 2006 г. «О европейских группах территориального сотрудничества» (European grouping of territorial cooperation – EGTC). Данным регламентом определены правовые основы создания еврорегиональных групп в странах ЕС. Таким образом, третий протокол к Мадридской конвенции расширяет действие основных положений данного регламента на страны Совета Европы, которые не входят в ЕС.

В протоколе определено, что ***объединение еврорегионального сотрудничества*** – это форма органа трансграничного сотрудничества в виде юридического лица с правом на собственный бюджет, которое подпадает под законодательство той страны-члена Совета Европы, где расположена его штаб-квартира.

ОЕС основывается путем заключения письменного соглашения между его членами-основателями. ОЕС могут основать территориальные общины или органы власти и другие члены, которые определены в п. 1 ст. 3 протокола. Под другими членами понимаются государства-члены Совета

Европы, а также юридические лица, созданные с целью решения конкретных задач, представляющих взаимный интерес, которые не занимаются производственной или коммерческой деятельностью. Юридические лица могут быть членами ОЕС, если соблюдается хотя бы одно из следующих условий: 1) их деятельность финансируется преимущественно государством, территориальной общиной, территориальным органом власти или подобным органом; 2) их управление контролируется этими субъектами; 3) половина членов их административного, управленческого или надзорного органа назначается государством, территориальной общиной, территориальным органом власти или подобным органом.

При этом территориальные общины или власти имеют большинство избирательных прав в ОЕС. Также п. 1 ст. 3 протокола определено, что физические лица не могут быть членами ОЕС.

Хочется подчеркнуть, что «еврорегион» и «объединение еврорегионального сотрудничества» – это формы трансграничного сотрудничества, возникшие в Европе и закрепленные в европейском законодательстве, позволяющие реализовывать на практике содержание трансграничного сотрудничества – улучшение взаимодействия органов управления приграничных регионов для решения совместных задач с целью повышения благосостояния населения за счет совместных действий во всех сферах жизнедеятельности (экономическая, социальная, экологическая и др.). При дискуссионности терминов «еврорегион» и «объединение еврорегионального сотрудничества» важны суть, которую они отражают, и наработанный опыт. Вполне возможна замена названий на «регион трансграничного сотрудничества», «объединение трансграничного сотрудничества» или какой-либо дугой термин.

Развитие еврорегионов на просторах Европы позволило гармонизировать взаимоотношения населения стран в приграничных территориях и впоследствии – снять многие барьеры, созданные на границах. Причем часто граница разделяла один народ, имеющий общую историю и

духовное единство, что актуально для украинско-российского сотрудничества [14]. Наглядным примером может служить регион Эльзас, лежащий на границе Германии и Франции. Долгие годы эти государства боролись за господство над данной территорией, что приводило для ее населения к трагическим последствиям вплоть до вовлечения в военные конфликты.

Это стало толчком к тому, чтобы в 1917 г. французский географ, профессор Сорбонны Поль Видаль де ла Блаш в работе "Восточная Франция", посвященной вопросу французской принадлежности Эльзаса и Лотарингии (которые в результате Франко-прусской войны 1870-71 гг. были присоединены к Германии и возвращены Франции в 1919 г.), выдвинул идею преобразования пограничных земель двух государств в зону взаимного сотрудничества. Он предлагал совместное освоение этих земель немцами и французами, считая, что граница должна стать не разделяющей, а объединяющей линией.

Таким образом, была сформулирована суть трансграничного сотрудничества, которое четыре десятилетия спустя (в 1958 г.) было оформлено в виде первого еврорегиона «Euregio». Впоследствии появился еврорегион на территории французского Эльзаса и соседней немецкой земли Баден-Вюртемберг. Сейчас он трансформировался в новую форму – европейскую группу территориального сотрудничества (European grouping of territorial cooperation – EGTC) под названием «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau».

Группа территориального сотрудничества «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau» создана 25 января 2010 г. на француско-немецком пограничье муниципалитетом французского Страсбурга (столица региона Эльзас) и администрацией немецкого района Ортенау (земля Баден-Вюртемберг), население которого традиционно являлось эльзасским. Население данной территории – 868 тыс. жителей, площадь – 2176 кв. км. Штаб-квартира EGTC – в Страсбурге (Франция), секретариат – в Келе (Германия). Создан Совет

EGTC «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau» (48 членов по 24 представителя с обеих сторон), заседания проводятся регулярно в открытом режиме, о чем заранее сообщается на сайте www.eurodistrict.eu.

Данная форма сотрудничества в виде территориальной группы (в терминах Совета Европы – «объединения еврорегионального сотрудничества» [10]) позволяет сегодня реализовывать совместные немецко-французские проекты, усиливающие единство населения Эльзаса. Примерами таких проектов являются:

- экологический проект «Одна природа, два языка, одна сеть»;
- строительство трансграничного трамвайного сообщения между городами Страсбург и Кель;
- микропроекты фонда «Мой еврорайон» (50% софинансируются в рамках программы INTERREG Верхний Рейн, для участия в конкурсе на получение финансирования можно подавать заявки через сайт еврорайона «Strasbourg-Ortenau»). Общий бюджет проекта может составлять от 2000 до 80000 евро. Направления – культура, спорт, образование, экология, социальное обеспечение и др.;
- проекты, направленные на сохранение эльзасского языка (алеманнская группа немецких диалектов) и поощрение двуязычия, в том числе через программы обмена учащимися (путем заполнения заявок на сайте), создание фонда трансграничных перемещений учащихся.

Успешная реализация проектов EGTC «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau» объясняется следующими сформированными предпосылками:

1. Руководящей элитой сообщества создана и реализуется региональная государственная политика, основанная на реальном финансировании (в ЕС – политика сплочения, бюджет которой в 2014-2020 гг. составит 351,8 млрд. евро).
2. Созданы действующие инструменты финансирования (в ЕС – Европейский фонд регионального развития и программы INTERREG).

3. Инициатива местных органов власти (желание региональных политических элит развивать сотрудничество).

4. Прозрачность выделения средств на реализацию трансграничных программ и проектов (на конкурсной основе).

5. Действующая институциональная структура органа трансграничного сотрудничества (совет, секретариат, рабочие группы). Положительный опыт сплочения и единения населения приграничных территорий нами было предложено воплотить в жизнь приграничья России и Украины, используя форму еврорегиона «Слобожанщина» [2,8,13].

В сложных организационно-финансовых условиях за десять лет существования еврорегиона «Слобожанщина» были налажены деловые отношения между Белгородской областной Думой и Харьковским облсоветом, в частности создана междепутатская группа, члены которой обменивались информацией, обсуждали вопросы улучшения взаимодействия регионов. К примеру, белгородцы активно продвигали льготный режим для предпринимателей, которые инвестировали в их регион. И некоторые харьковские предприятия открыли свои дочерние в Белгородской области, например, – подшипниковый завод. Были реализованы малобюджетные, прежде всего научно-образовательные проекты в русле «политики малых дел» [6]. Для жителей приграничья начал действовать упрощенный режим пересечения границы через местные пункты пропуска без оформления миграционной карты.

Однако эта форма трансграничного сотрудничества не смогла заработать на полную силу и показать такую же эффективность, как в странах ЕС. Причин тому множество. Выделим основные препятствия, которые помешали наполнению формы еврорегиона содержанием в украинско-российском трансграничном сотрудничестве.

1. Отсутствие четкой государственной региональной политики, подкрепленной финансированием, с приоритетом приграничного сотрудничества.

2. Отсутствие механизма согласованного совместного украинско-российского стратегического планирования в трансграничном сотрудничестве. 3. Отсутствие специальных инструментов финансирования (не был создан российско-украинский фонд развития трансграничного сотрудничества по примеру Европейского фонда регионального развития).

4. Не была обеспечена конкурсность и прозрачность выделения средств на реализацию трансграничных программ и проектов.

5. Не создана действенная (работающая, а не формальная) институциональная структура органов трансграничного сотрудничества (совет, секретариат, рабочие группы). Обострение украинско-российских отношений, обоюдная информационная война и эскалация конфликта привели к тому, что приграничные с Россией территории Украины превратились в своеобразное «яблоко раздора». Апофеозом стал военный конфликт на юго-востоке Украины с его страшными и непоправимыми последствиями для людей, втянутых в противостояние.

Изменившиеся политические и экономические условия поставили украинско-российское сотрудничество перед новыми вызовами. Главный вызов связан с кризисом человеческих отношений, негативно повлиявшим на двустороннее сотрудничество.

Почему же подобное могло случиться между двумя духовно близкими христианскими народами? По нашему мнению, истоки современного общественно-политического кризиса лежат в духовной сфере. Главнейшая его причина – приоритет материальных ценностей над духовными. Поэтому только духовное возрождение общества на основе повышения уровня духовности каждого человека путем личного совершенствования может стать основой выхода из социально-экономического и политического кризиса [12]. При этом важно, куда направляет свои силы и энергию каждый человек – на созидание или разрушение.

Духовный кризис в православной цивилизации состоит в отходе людей от истинной веры в Бога и начался он не сегодня и даже не в годы

«воинствующего атеизма», а ранее. Духовным стрежем славяно-православного суперэтноса, к которому принадлежат как украинский, так и русский народы, является православие. Общественным институтом, призванным сохранять православную духовность в народе, является православная Церковь. Поэтому источник современного духовного кризиса следует искать в кризисном состоянии (отразившемся в «обмирщении») Церкви в Российской Империи, где к XIX веку православная вера превратилась преимущественно в определенную форму с присущими обрядами, но с выхолощенным содержанием.

Подтверждение этому находим у выдающегося православного подвижника XIX века святителя Игнатия Брянчанинова (1807–1867), который постоянно об этом свидетельствовал и в одном из своих писем сообщал: «Положение Церкви и христианства самое горестное, горестное повсеместно. Предсказанное в Писании совершается: охлаждение к вере объяло и наш народ и все страны, в которых доселе держалось Православие» [5].

Можно вполне согласиться с архиепископом Горловским и Славянским Митрофаном, который во время недавней проповеди в Успенской Святогорской Лавре произнес следующие слова: «...если бы для всех нас, которые крещены в православной вере, христианство было на первом месте, никогда бы войны не было» [1]. Этот неутешительный вывод он обосновал следующим образом: «Вопрос, который задают каждому священнослужителю: как может быть так, что единоверные христиане друг на друга подняли руку? Ведь, если вспомнить, ещё три года назад мы вместе праздновали Пасху и Рождество, причащались, исповедовались, вместе в храме молились. Но сегодня – друг другу враги. И все христиане. Что же произошло? Всё очень просто. Христиане – это не те, кто ходит на службу, не те, кто крестик на себе носит и не те, кто соблюдает обычаи и обряды. Христиане – это те, кто своё христианское звание ставит на первое место... Христиане никогда не откажутся от своего христианства, всегда будут

следовать за своей совестью, смотреть на заповеди Божии и спрашивать себя: „А угодно ли Богу то, что я делаю? А как должен поступить христианин?“» [1].

Христианство – религия любви, война – концентрация ненависти. Угодна ли Богу война? Вопрос риторический. Тем не менее, есть много людей, обосновывающих необходимость войны, называя себя православными христианами и приводя примеры из Библии и отечественной истории.

Именно к таким христианам относятся слова святителя Игнатия: «Плотские люди, привязанные всею душою к земной жизни, знакомые с Законом Божиим поверхностно, по букве..., чуждые Закону Божию по духу, по сердцу, по жизни, по делам своим...» [6] Святитель Игнатий вслед за святыми отцами Церкви ставит четкое различие между человеком «духовным» и человеком «плотским». В духовном человеке, благодаря прикладываемым подвижническим усилиям для исполнения Божиих заповедей, действует Святой Дух, который руководствует человеком в его поступках. И это делает его христианином. Плотской же человек руководствуется прежде всего действующими в нем страстями, при этом может считать себя христианином, будучи далеким от Бога.

Утрачивается ли в связи с возникшим политическим кризисом значение сотрудничества в рамках еврорегиона «Слобожанщина»? Думаю, наоборот, оно должно усиливаться на основе понимания духовного единства населения Слобожанщины.

Другой вызов украинско-российскому трансграничному сотрудничеству связан с желанием властей ограничить трансграничные потоки людей для недопущения экстремистских проявлений. Однако ужесточение правил пересечения границы, то есть усиление ее барьерной функции, может привести и уже приводит к нежелательным последствиям.

Барьерная функция позволяет задерживать на границе объекты, которые государство считает негативными, а их проникновение на свою

территорию – крайне нежелательным. Однако барьерная функция границы, если она используется государством слишком жестко (вплоть до строительства стен и других укрепленных сооружений)¹, порождает негативные эффекты, являясь тормозом трансграничного сотрудничества.

Пограничные барьеры создают прямые или косвенные препятствия для трансграничных контактов, то есть затрудняют контактную функцию границы. С другой стороны, полная отмена пограничного и таможенного контроля в наибольшей степени способствует развитию трансграничных связей, однако может повлечь за собой их криминализацию. Возникает вопрос: возможна ли «золотая середина», соответствующая оптимальной реализации фильтрующей функции, – минимум эффективных барьеров на границе, которые бы отсекали наиболее неблагоприятные эффекты трансграничного потока людей и товаров из одного государства в другое, таких как трансграничная преступность, нелегальная миграция, контрабанда и т.п., и в то же время пропускали ту часть потока, которая пользуется доверием государства и необходима для его развития?

Ответом на данный вопрос стала «умная граница» (англ. Smart Border) – концепция построения сопредельными государствами совместного управления потоками людей и товаров на границе таким образом, чтобы способствовать оптимальной реализации ее фильтрующей функции [7]. Впервые она была применена на американско-канадской границе.

«Умная граница» дает возможность наладить добрососедские отношения между граничащими государствами, избегать дублирования в пограничном и таможенном контроле и, как следствие, экономить время и средства, а также устранять ненужные барьеры на пути трансграничных потоков людей, товаров и транспорта.

¹ Всем известен символ «холодной войны» – Берлинская стена. Для предотвращения проникновения террористов стены были возведены на границах Израиля с Египтом и Палестинской автономией, а также Индии с Пакистаном.

Нами еще в 2010 г. с целью повышения эффективности прохождения границы между Россией и Украиной было предложено реализовать концепцию «умной границы» на российско-украинском пограничье [15,11]. Необходимость внедрения ее на украинско-российском пограничье была очевидной, но напрямую зависела от политической воли руководства обеих стран. Однако если раньше Украина и Россия шаг за шагом шли к сокращению препон на границе, то сегодня движение идет в противоположном направлении.

В сложившейся политической ситуации Кабинет Министров Украины пошел на ужесточение режима пересечения границы, введя в одностороннем порядке с 1 марта 2015 г. въезд граждан РФ в Украину по заграничным паспортам своим постановлением от 30.01.2015 г. № 23 «О приостановлении действия отдельных положений Соглашения между Правительством Украины и Правительством Российской Федерации о безвизовых поездках граждан Украины и Российской Федерации», а с 16 марта 2015 г. произошло закрытие Украиной местных пунктов пропуска для въезда жителей пограничных регионов РФ (постановление КМУ от 04.03.2015 г. № 86). Последнее решение прекратило «малое приграничное движение» в соответствии с подписанным 18 октября 2011 г. «Соглашением между Правительством РФ и Кабинетом Министров Украины о порядке пересечения российско-украинской государственной границы жителями пограничных регионов Украины и Российской Федерации».

В 2014 г Харьковской областью планировалось обустройство местных пунктов пропуска на украинско-российской границе, на эти цели в областном бюджете было предусмотрено более 6 млн. грн. Но вместо обустройства пунктов пропуска решением сессии Харьковского областного совета от 2 октября 2014 г. эти средства были перенаправлены на оборудование государственной границы. Как объясняется в пояснительной записке к решению сессии, «необходимость в пунктах пропуска отпала» [3].

Таким образом, возникшие украинско-российские политические противоречия ведут к сворачиванию трансграничного взаимодействия, разрыву гуманитарных связей и экономического сотрудничества приграничных регионов. И если не наладить двусторонний политический диалог, то это существенно усугубит кризис в Украине, особенно в приграничных с РФ регионах.

При этом создание эффективных механизмов трансграничного сотрудничества на основе имеющегося передового, в том числе европейского, опыта является чрезвычайно важной задачей как для внутреннего развития сопредельных пограничных регионов, так и для укрепления добрососедских отношений между Украиной и Россией.

Выводы.

1. За последнее десятилетие в Украине и Российской Федерации была сформирована правовая база для развития трансграничного сотрудничества, в том числе в форме еврорегионов на основе положений Мадридской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве.

2. Еврорегион «Слобожанщина» выступил в роли катализатора процессов украинско-российского межрегионального трансграничного сотрудничества, направленных на улучшение жизни населения приграничных регионов. По его примеру в приграничном регионе Украины и России сформировался каркас территориально компактных еврорегионов, в основе которых лежат соглашения между расположенными по обе стороны границы территориальными органами власти и самоуправления.

3. Украинско-российские политические противоречия привели к сворачиванию трансграничного взаимодействия, разрыву гуманитарных связей и экономического сотрудничества приграничных регионов. Для выхода из кризиса необходим двусторонний украинско-российский политический диалог, одной из важных частей содержания которого должно стать создание эффективных механизмов трансграничного сотрудничества на основе имеющегося передового опыта.

Список литературы.

1. В день памяти 40 мучеников Севастийских архиепископ Митрофан принял участие в богослужении в Успенской Святогорской лавре. – Доступ: <http://gorlovka-eparhia.com.ua/v-den-40-muchenikov-sevastiyskih-arhiepiskop-mitrofan-prinyal-uchastie-v-bogosluzhenii-v-uspenskoj-svyatogorskoj-lavre/> (проверено: 17.03.2017).
2. Голиков А. 1997. Еврорегион «Слобожанщина» как форма трансграничного сотрудничества сопредельных областей Украины и России. – *Регион: Проблемы и перспективы*. № 4. С. 52-54.
3. Грищенко А. Облсовет выделил миллионы на ров на границе и заграждения из колючей проволоки. Доступ: http://www.sq.com.ua/rus/news/vlast/02.10.2014/oblsovet_vydilil_milliony_na_rov_na_granice_i_zagrazhdeniya_iz_kolyuchej_provoloiki/ (проверено: 17.03.2017).
4. Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетическая проповедь. – Доступ: http://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/asketicheskaya_propoved/41#sel=14:1,14:32 (проверено: 17.03.2017).
5. Игнатий (Брянчанинов), свт. Избранные письма. – Доступ: http://azbyka.ru/otechnik/?Ignatij_Brjanchaninov/pisma (проверено: 17.03.2017);
6. *Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства*. Под ред. В.А. Колосов, О.И. Вендина. – М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.
7. Голиков А.П. *Українсько-російське транскордонне співробітництво: сучасний стан і перспективи: Монографія*. Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2013. 240 с.
8. Черномаз П. 2009. Еврорегион «Слобожанщина» и перспективы украинско-российского трансграничного сотрудничества. – *Часопис соціально-економічної географії: Зб. наук. праць*. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна. Вып. 7 (2). С. 85-92.

9. Черномаз П.А. 2002. Еврорегион «Слобожанщина» – перспективы трансграничного сотрудничества Харьковской области. – *Вестник торгово-промышленной палаты: Совместный выпуск Харьковской и Белгородской ТПП*. № 11. С. 15-16.

10. Черномаз П.А. 2010. Институциональные перспективы украинско-российского трансграничного сотрудничества в контексте третьего протокола к Мадридской конвенции. – *Українсько-російське порубіжжя: стан та перспективи співробітництва: Матеріали науково-практичної конференції*. Х.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна. С. 111-114.

11. Черномаз П.А. 2011. Построение «умной границы» между Россией и Украиной как механизм повышения эффективности ее пересечения. – *Современные проблемы социально-экономического развития России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.*: в 2 т. Белгород: Изд-во БелГУ. Т. 1. С. 148-151.

12. Черномаз П.А. 2010. Роль духовного возрождения в преодолении негативных тенденций развития мирового хозяйства. – *Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации: Материалы III Международной научно-практической конференции*. Часть 1. Москва, 11-12 ноября 2010 г. М.: РУДН. С. 149-157.

13. Черномаз П.А. 2012. Украинско-российское трансграничное сотрудничество в рамках еврорегиона «Слобожанщина»: реалии и возможности. – *Развитие частно-государственного партнерства в Республике Беларусь: материалы Междунар. науч.-практ. конф.*, Минск, 13-14 дек. 2012 г. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. С. 241-252.

14. Черномаз П.А. 2013. Укрепление духовного единства населения приграничных территорий – важная задача еврорегиона «Слобожанщина». – *Евангелие в контексте современной культуры: Матер. I Междунар. науч.-практ. конф.* Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ». С. 9-13.

15. Черномаз П.А. 2010. «Умная граница»: суть и необходимость применения на украинско-российском пограничье. – *Україна в системі світових економічних процесів*. Х.: МСУ. С. 209-216.

References:

1. V den' pamjati 40 muchenikov Sevastijskih arhiepisok Mitrofan prinjal uchastie v bogoslužhenii v Uspenskoj Svjatogorskoj lavre. (In Russ.) URL: <http://gorlovka-eparhia.com.ua/v-den-40-muchenikov-sevastijskih-arhiepisok-mitrofan-prinyal-uchastie-v-bogoslužhenii-v-uspenskoj-svyatogorskoj-lavre/> (accessed: 17.03.2017).

2. Golikov A. Evroregion “Slobozhanshhina” kak forma transgranichnogo sotrudnichestva sopredel'nyh oblastej Ukrainy i Rossii. – *Region: Problemy i perspektivy*. 1997. № 4. P. 52-54. (In Russ.).

3. Grishhenko A. Oblsuet vydilil milliony na rov na granice i zagrazhdenija iz koljuchej provoloki. (In Russ.) URL: http://www.sq.com.ua/rus/news/vlast/02.10.2014/oblsuet_vydilil_milliony_na_rov_na_granice_i_zagrazhdeniya_iz_kolyuchej_provoloki/ (accessed: 17.03.2017).

4. Ignatij (Brjanchaninov), svt. Asketicheskaja propoved'. (In Russ.) URL: http://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/asketicheskaya_propoved/41#sel=14:1,14:32 (accessed: 17.03.2017).

5. Ignatij (Brjanchaninov), svt. Izbrannye pis'ma. (In Russ.) URL: http://azbyka.ru/otechnik/?Ignatij_Brjanchaninov/pisma (accessed: 17.03.2017).

6. *Rossijsko-ukrainskoe pogranič'e: dvadcat' let razdelen'nogo edinstva*. Pod red. V.A. Kolosov, O.I. Vendina. – Moscow: New chronograph. 2011. 352 p. (In Russ.).

7. Golikova A.P. *Ukrains'ko-rosijs'ke transkordonne spivrobotnictvo: suchasnij stan i perspektivi: Monografija*. H.: HNU imeni V. N. Karazina, 2013. 240 p. (In Ykrain.).

8. Chernomaz P. Evroregion «Slobozhanshhina» i perspektivy ukrainsko-rossijskogo transgranichnogo sotrudnichestva. – *Chasopis social'no-*

ekonomichnoi geografii: Zb. nauk. prac'. H.: HNU imeni V.N. Karazina. Vip. 2009. № 7 (2). P. 85-92. (In Russ.).

9. Chernomaz P.A. Evroregion «Slobozhanshhina» – perspektivy transgranichnogo sotrudnichestva Har'kovskoj oblasti. – *Vestnik torgovo-promyshlennoj palaty: Sovmestnyj vypusk Har'kovskoj i Belgorodskoj TPP. 2002. № 11. P. 15-16. (In Russ.).*

10. Chernomaz P.A. Institucional'nye perspektivy ukrainsko-rossijskogo transgranichnogo sotrudnichestva v kontekste tret'ego protokola k Madridskoj konvencii. – *Ukrains'ko-rosijs'ke porubizhzhja: stan ta perspektivi spivrobitnictva: Materiali naukovo-praktichnoi konferencii. H.: HNU im. V.N. Karazina. 2010. P. 111-114. (In Russ.).*

11. Chernomaz P.A. Postroenie «umnoj granicy» mezhdru Rossiej i Ukrainoj kak mehanizm povyshenija jeffektivnosti ee peresechenija. – *Sovremennye problemy social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. Belgorod: Izd-vo BelGU. 2011. T. 1. P. 148-151. (In Russ.).*

12. Chernomaz P.A. 2010. Rol' duhovnogo vozrozhdenija v preodolenii negativnyh tendencij razvitija mirovogo hozjajstva. – *Mir i Rossija: regionalizm v uslovijah globalizacii: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Chast' 1. Moskva, 11-12 nojabrja 2010 g. M.: RUDN. S. 149-157. (In Russ.).*

13. Chernomaz P.A. 2012. Ukrainsko-rossijskoe transgranichnoe sotrudnichestvo v ramkah evroregiona «Slobozhanshhina»: realii i vozmozhnosti. – *Razvitie chastno-gosudarstvennogo partnerstva v Respublike Belarus': materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 13-14 dek. 2012 g. – Minsk: Akad. upr. pri Prezidente Resp. Belarus'. S. 241-252. (In Russ.).*

14. Chernomaz P.A. Ukreplenie duhovnogo edinstva naselenija prigranichnyh territorij – vazhnaja zadacha evroregiona «Slobozhanshhina». – *Evangelie v kontekste sovremennoj kul'tury: Mater. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU». 2013. S. 9-13.*

15. Chernomaz P.A. «Umnaja granica»: sut' i neobhodimost' primenenija na ukrainsko-rossijskom pogranich'e. – *Ukraïna v sistemi svitovih ekonomichnih procesiv*. H.: MSU. 2010. S. 209-216.

УДК 316

**ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА В РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ КУЛЬТУРНО-
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ¹**

Реутов Е.В.
доцент, профессор кафедры
социальных технологий НИУ «БелГУ»
Колпина Л.В.
к. с. н., доцент кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Аннотация. Цель работы заключается в выявлении специфики трансформации культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов России и Украины в условиях усиления конфликтности межгосударственных отношений. В статье на основе данных массового и экспертного опросов респондентов России и Украины доказывается, что в последние десятилетия в граничащих между собой регионах этих стран происходит изменение культурно-цивилизационных идентичностей, связанное, прежде всего, с принятием странами новой трактовки истории и определением новых друзей и врагов. Процессы формирования культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине существенно отличаются динамикой и вектором изменений. Применительно к российским приграничным регионам следует говорить о модификации идентичности, а к украинским - о радикальных изменениях на основе конфликтного противопоставления позиций государств и народов друг другу. Культурно-цивилизационная идентичность российских регионов распространяется на приграничные регионы Украины, в то время как в соседствующих с Россией регионах Украины она тяготеет к дистанцированию от России при, одновременно, высокой ориентации на нее.

¹ Статья подготовлена в рамках Задания №2014/420 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (рук. В.П. Бабинцев)

Ключевые слова: Россия, Украина, культурно-цивилизационная идентичность, приграничный регион, кризис.

INFLUENCE OF THE CRISIS IN RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS ON TRANSFORMATION OF CULTURAL AND CIVILIZATIONAL IDENTITY OF BORDERLAND RESIDENTS

***Abstract.** The purpose of this research is to reveal specificity of transformation of cultural and civilization identity of Russian and Ukrainian borderland residents in the times of the tension between the states. The paper applies results of mass and expert surveys conducted among Russian and Ukrainian residents to prove that for the past decades the neighbouring regions of these countries witness changes in the cultural and civilizational identity, induced, first of all, by new history interpretation and new trends in delineating friend and foe in both states. The process of formation of cultural and civilizational identity in Russia and Ukraine significantly differ in its dynamics and in the vector of changes. While Russian border regions see identity modification, their Ukrainian counterparts witness a radical change based on the confrontation between the states and peoples. Besides, residents of Russian border regions identify themselves with dwellers of the adjacent Ukrainian regions in cultural and civilizational sense, whilst the residents of Ukrainian regions bordering on Russia tend to distance themselves from Russia and at the same time to look up to it.*
***Keywords:** Russia, Ukraine, cultural and civilized identity, border region, factors, conditions, crisis*

Введение.

Проблема культурной и цивилизационной идентификации последние годы активно обсуждается в научном дискурсе [1; 5; 7; 10; 11; 13; 14; 15]. Культурно-цивилизационная идентичность представляет собой совокупность представлений человека о своей принадлежности к конкретной культурно-цивилизационной общности и характеризует соотношение личности или группы с исторически сложившейся системой ценностей, форм сознания и структур, стилей поведения, групповых форм культурных стандартов. Как любой другой вид социальной идентичности, она задает специфику социальных практик, обеспечивает «чувство принадлежности к собственному сообществу, придает смысл и значимость самой жизни,

укрепляет чувство взаимной ответственности и сопричастности, уменьшая тем самым чувства одиночества и отчуждения [5]», что особенно важно в «эпоху кризиса идентичности», характерного для большинства современных обществ [4; 6.], что обусловлено, в первую очередь, процессами глобализации [3; 9; 10].

Культура является универсальным механизмом самоопределения, «самости» как на индивидуальном, так и на групповом, в том числе, национальном и даже наднациональном уровнях: «культурные образцы являются центром организации всей совокупности подсистем в системе действия» [12:698]. Среди культурных образцов или «культурной системы действия» (в терминологии Т. Парсонса) особое место занимают устойчивые образования, связанные с историческим развитием общества, сформированные под влиянием системных для него факторов. Эти факторы имеют двухуровневый и более характер. На первом уровне действуют природно-климатические, геополитические, лингвистические, демографические и др. факторы, определяющие базовую специфику тех или иных обществ, их отношения с окружением. Данная группа факторов формирует политическое, нормативно-ценностное, религиозное своеобразие обществ. И это своеобразие, по прошествии определенного исторического времени само становится основой «культурной матрицы» обществ.

Естественно, процесс глобализации способствует размыванию культурно-цивилизационной идентичности. С одной стороны, во всем мире осуществляется экспансия культурных образцов, истоки которых лежат в европейской и североамериканской (западно-христианской) культурах. С другой – сами эти образцы все более утрачивают свою культурную специфику, унифицируясь под влиянием идеологии рыночной экономики и массового потребления. В обществах, принадлежащих к ареалу западно-христианской культуры, происходят процессы социальной атомизации и нормативно-ценностной дифференциации. При этом они также испытывают

сильнейшее миграционное давление со стороны обществ, принадлежащих к иным культурно-цивилизационным типам.

Глобализационные процессы, совпавшие по времени с распадом СССР и образованием новых постсоветских государств, усилили кризис традиционных идентичностей на территории современного евразийского пространства. Одним из следствий этого стало утверждение специфического типа социокультурной аномии, выступающей в форме комплекса неопределенностей, детерминирующих сознание и поведение значительной части граждан и, в конечном итоге, - неустойчивость, нелинейность общественных процессов. Одновременно на территории постсоветского пространства идет процесс становления новых типов культурно-цивилизационных идентичностей, выступающих как сложная комбинация традиционных представлений и реалий, обусловленных глобализацией мирового развития и новыми интеграционными возможностями.

Осмысление новых культурно-цивилизационных трендов интересно проследить на основе сравнения ситуации, сложившейся в приграничных регионах России и Украины, поскольку в прошлом они характеризовались сравнительной культурно-цивилизационной однородностью, что всегда находило свое проявление в специфике российско-украинских отношений. Исторические пути России и Украины не просто неразрывно связаны, но зачастую неразделимы. Сам концепт «украинства» как специфической этнокультурной общности сформировался достаточно поздно - на рубеже XIX-XX веков. Даже в эпоху постсоветской суверенизации большинство россиян считали (и продолжают считать) украинцев частью «русского мира». И русскими, и, хотя и в меньшей степени, украинцами, проживающий рядом народ длительное время рассматривался как братский, иногда - практически как тот же самый этнос - с некоторой культурной и поведенческой спецификой. Однако в современной геополитической ситуации стали формироваться новые условия и факторы, дезинтегрирующие ранее достаточно однородную социокультурную систему и предоставившие

возможности для индуцирования новых культурно-идентификационных моделей.

После распада СССР у многих его бывших граждан, переживших кризис советской идентичности, стали формироваться новые ее виды. При этом, национально-государственная идентичность нередко отходила на второй план по сравнению с этнической, конфессиональной, а в ряде случаев - корпоративной, региональной и локальной [2]. Но если у подавляющего большинства россиян в 1990-2000-е гг. данный набор идентичностей эволюционировал в направлении признания в качестве определяющей идентичности национально-государственной, то в отдельных (и значительных по объему) сегментах украинского общества превалировала идентификация с Россией, «русским миром».

Так или иначе, становление России и Украины в качестве суверенных государств, а также наступивший после Евромайдана кризис в российско-украинских отношениях, усилили процессы культурно-цивилизационного разотождествления. Определение их вектора и специфики является не только интересной в теоретическом плане, но и имеющей прикладное значение задачей, поскольку новые культурно-идентификационные модели могут, как способствовать приграничной и межгосударственной интеграции, так и создавать химерические антисистемы, разрушая традиционные связи, содействуя взаимной изоляции.

Методика.

Задача данной статьи заключается в выявлении особенностей трансформации культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов России и Украины в условиях усиления конфликтности межгосударственных отношений.

Эмпирической базой работы послужили результаты социологического исследования на тему «Исследование процессов формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины», реализованного в 2014-2015 гг. исследовательской группой из

специалистов кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета под руководством профессора В.П. Бабинцева. В его рамках были осуществлены опросы: экспертный (2014 г., N= 42) и массовый (2015 год, N=1000). В качестве экспертов выступили представители государственных структур и научных сообществ России (22 человека) и Украины (20 человек), имеющие опыт приграничного сотрудничества и/или научные публикации по данной теме. В процессе осуществления массового опроса были охвачены четыре российских и четыре украинских региона по 500 респондентов из России и Украины.

Основная часть.

Становление России и Украины как самостоятельных государств с неизбежностью потребовало формирования соответствующей этой задаче аутентичных национально-государственных идентификаций. При этом формирование данных идентификаций осложнялось наличием культурно-цивилизационной общности, осознаваемой большинством населения двух стран. В том числе поэтому действия политических элит обоих государств (в особенности Украины) в постсоветский период были направлены, прежде всего, на демаркацию социокультурных границ и поиск соответствующих различий (тезис Л. Кучмы «Украина – не Россия»).

Так, для украинской власти на протяжении всего постсоветского периода, во всех президентских циклах важнейшим инструментом политического дистанцирования от России, формирования новой украинской идентичности являлась политически мотивированная трактовка истории. Новой трактовке истории ведущую роль в процессах культурно-цивилизационной идентификации украинцев отвело более половины (57,14%) опрошенных нами экспертов. В основу такой трактовки была положена акцентуация на конфликтных эпизодах российско-украинских взаимоотношений и их гиперболизация (битва при Конотопе, Голодомор, деятельность УПА и др.). Соответствующим образом политическими и

интеллектуальными элитами отбирались и ключевые исторические символы (тот же Голодомор и УПА, а также «тризуб», фигуры С. Бандеры и Р. Шухевича).

В качестве второго по значимости инструмента и индикатора формирования новых культурно-цивилизационных идентичностей населения приграничных регионов эксперты отметили изменение конфигурации друзей и врагов (42,86%). Непоследовательный курс В. Януковича в отношении ЕС и России в конце 2013 г. послужил катализатором политического кризиса, приведшего к смене власти и усилившего раскол украинского общества. О региональных различиях внешнеполитических ориентаций свидетельствуют данные опроса Киевского международного института социологии. Если в западных регионах Украины в декабре 2015 г. за вступление в ЕС проголосовали бы 78,1% респондентов, то в восточных, граничащих с Россией - только 28,7% [16].

Существенным образом процесс формирования новых идентичностей, по мнению экспертов, также маркируют: появление иных идеологий (30,95%), утверждение новых ценностей (28,57%), символов (26,19%), норм поведения (21,43%), отказ от совместного советского наследия (19,05%).

Таким образом, тенденции последних десятилетий отражают появление определенных различий в социокультурной матрице двух обществ, которые маркируют процесс спецификации культурно-цивилизационных идентичностей населения этих стран.

При этом необходимо иметь в виду, что сами по себе эти страны не гомогенны в социокультурном плане, в силу чего такая социокультурная демаркация происходит по-разному. И Россия, и Украина представляют собой общества с сильнейшими социокультурными (и даже цивилизационными) разломами. В России – это противоречия между традиционной, в основе своей православной культурой, не менее традиционной исламской культурой и прозападной либеральной культурой, не говоря уже о многочисленных промежуточных и периферийных вариантах

или еще более экзотических субкультурах. В Украине, несмотря на декларируемое сплочение перед лицом «внешней угрозы», продолжается социополитическое размежевание юго-востока, центра и запада страны. В силу этого и процессы «разотождествления» и формирования аутентичных идентичностей не гомогенны. Судя по данным экспертного опроса, особенно значительна эта разница в Украине. Практически половина экспертов (47,62%) убеждена, что процесс изменения идентичностей в приграничных регионах Украины проявляется значительно слабее, чем в центральных (о том же относительно российских регионов сообщает лишь пятая часть экспертов – 21,43%), и еще пятая часть (21,43%), – что почти не проявляется (с чем в отношении российского приграничья соглашаются 23,8% экспертов).

Итак, приграничные регионы обеих стран в социокультурном отношении являются более комплементарны друг другу, нежели внутренние территории государств. Тожественность многих параметров культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов обеих стран подтвердил и проведенный нами массовый опрос. В частности, жители, и российского, и украинского приграничья в качестве типичных качеств, характеризующих представителей своей культуры, называют трудолюбие, дружелюбность, щедрость, а также лень.

Ценностное ядро общественного сознания населения российских и украинских регионов также обладает существенным сходством. Его образуют, в первую очередь, ценности безопасности и личного успеха. Примыкают к ним ценности доверия к людям, благожелательности и готовности помочь другим, самостоятельности и инициативности, а также сохранения традиций и привычного образа жизни. Наименьшей значимостью обладают следующие ценности: стремление к переменам, власть, риск и конкуренция.

Сходство в ответах украинцев и россиян, проживающих в российско-украинском порубежье, заметно и в их политико-экономических

ориентациях, отражающих, в частности, доминирующий патернализм и признание ведущей роли государства в экономике.

Ментальное сходство жителей приграничных регионов России и Украины определяется реальной культурно-цивилизационной общностью, сформированной на протяжении веков вследствие вовлеченности в одни и те же исторические и социальные процессы и взаимонаправленных миграционных потоков. Это следует и из ответов опрошенных нами экспертов, абсолютное большинство которых считает, что оба государства принадлежат, и к одной славянской культуре (64,29%), и к одной славянской цивилизации (71,43%).

При этом в приграничных регионах двух стран отчетливо ощущается политико-культурная асимметрия, связанная с исторически сложившимися представлениями о ведущей роли России в организации политического и культурного пространства, которые в 2000-е годы оформились в виде концепции «русского мира». Так, респонденты из Украины чаще россиян склоняются к тому, что совместное историческое прошлое служит объединению двух стран (27,7% против 20,8%); 27,0% украинцев против 11,6% россиян убеждены, что более всего большую часть истории взаимоотношений России и Украины определяло добровольное сотрудничество. А.Н. Михайленко отмечает, что значительная часть населения приграничных районов России и Украины сохранила «советскую» идентичность, отождествляет себя не с новыми независимыми государствами, а с гражданами бывшего СССР [8].

Население российского приграничья находится в несколько иной, чем жители Украины, ситуации. Российская ситуация характеризуется большей экономической, политической, социокультурной стабильностью и определенностью. Значительную роль в стабилизации общественных настроений продолжают играть патриотические мотивы, основанные на «крымском консенсусе» и противопоставлении России Западу. Так, согласно данным Левада-центра, 80% опрошенного по репрезентативной

национальной выборке российского населения (N=1600) считает, что у сегодняшней России есть враги. Отвечая на вопрос «Как вы считаете, России сейчас действительно угрожают многочисленные внешние и внутренние враги - или эти разговоры о врагах ведутся для того, чтобы запугать население и сделать его послушной марионеткой в руках у власти», абсолютное большинство респондентов (54%) рассматривают такую угрозу как действительную [17]. Подобного рода установки благоприятствуют укреплению культурно-цивилизационной идентичности россиян и, в частности, населения приграничных российских регионов, не только через механизмы положительной идентификации, но и через конфликтное противопоставление с другими государствами и народами.

В силу значительного ассиметричного российского влияния на украинское порубежье формирование новых культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине существенно отличается динамикой и вектором изменений. В российских приграничных регионах речь идет, скорее, о некоторой модификации идентичности и даже ее укреплении, а в Украине – о ее разбалансировке и радикальных изменениях в ходе формирования, которые в существенной мере происходят путем противопоставления государств и народов друг другу.

Так, признаком устойчивости культурно-цивилизационной идентичности жителей российского приграничья служит консенсус абсолютного большинства опрошенных относительно своей принадлежности к российской культуре (70,8%). Для сравнения: наибольшая доля жителей украинского приграничья относит себя к представителям «мировой культуры» (24,2%), еще 18,6% - европейской, и только 15,8% - украинской, немногим меньше - русской (11,8%) и евразийской (11,2%). Ни один из предложенных типов культурной идентификации не набрал у украинцев даже трети голосов, что отражает мозаичность их культурно-цивилизационной идентичности. Отвечая на вопрос «Кем вы ощущаете себя, прежде всего», население приграничных регионов России чаще всего

выбирает варианты ответа: «россиянином» (43,2%) и «русским» (29,4%), что также является показателем адекватной для России культурно-цивилизационной идентификации. У жителей же приграничных украинских регионов наблюдается широкий разброс идентификаций, но наиболее распространенная - с «русскими», о чем сообщили 45,6% опрошенных.

Таким образом, полученные данные позволяют характеризовать актуальную культурно-цивилизационную идентичность населения приграничных регионов Украины, в сравнении с российскими, как неустойчивую, динамичную, мозаичную.

Помимо ассиметричного российского влияния на украинское пограничье, причина различий в динамике формирования идентичностей видится нам также в исторической разнице «стартовых» позиций обеих стран. Она обусловлена тем, что после распада СССР формирование России и Украины в качестве суверенных государств потребовало социокультурных оснований, поддерживающих политические тренды дифференциации стран, среди которых важное место занял процесс формирования самобытных, аутентичных цивилизационно-культурных идентичностей. Однако для России как правопреемницы СССР, в том числе, и в аспекте ее цивилизационно-культурной идентичности с традиционно выраженным «имперским» компонентом, такая проблема не встала столь остро, как для Украины, которой пришлось определять новые установки, ценности, приоритеты во всех сферах жизнедеятельности, осуществлять культурно-цивилизационное самоопределение с формированием соответствующей идентичности.

В результате в украинском приграничье, наряду с высокой ориентацией на Россию, активизировался механизм разотождествления с советской идентичностью, подготавливающий основу для становления новой. Это выразилось, во-первых, в формировании установки на обособление, дистанцирование.

Следует отметить, что формирование установки на обособление идет весьма противоречиво, что, с одной стороны, соотносится с противоречивым характером процесса формирования украинской идентичности, а с другой - является результатом высокой зависимости этой установки у населения обеих стран от сложившейся политической ситуации в российско-украинских отношениях.

Конфликтное противопоставление позиций стран друг другу в виде «зеркальной» подозрительности стало естественным и основным механизмом разотождествления общей «советской» идентичности и поиска новых аутентичных культурно-цивилизационных оснований, в большой мере, по причине высокой степени культурно-цивилизационного родства России и Украины.

Разницу в динамических характеристиках идентичностей населения приграничных регионов Украины и России можно объяснить и спецификой объектов идентификации. Так, из экспертных оценок следует, что население приграничных регионов России больше тяготеет к идентификации с микро- и макросоциальными образованиями (семья, государство, нация), а приграничных регионов Украины – с социокультурными объектами микро- и мезоуровня (семья, местное сообщество, общественные организации), что свидетельствует о меньшей значимости национально-государственной идентичности для украинцев.

Данные, полученные в результате массового опроса, показывают, что невозможность для населения приграничных регионов Украины в полной мере идентифицировать себя с украинским культурным кодом в некоторой степени компенсируется усилением идентичности локального характера, чего нет у россиян. О том, что ощущают себя представителями своего региона, жителями города и района, в сумме сообщили 27,8% украинцев, тогда как среди россиян эта доля составила всего 11,6%. Этим, во-многом, объясняется и подтверждается большая стабильность российской культурно-цивилизационной идентичности, мозаичность и динамизм украинской.

В настоящий момент отношения России и Украины находятся в точке бифуркации и возможность формирования комплементарных культурно-цивилизационных идентичностей, обуславливающих конструктивное взаимодействие и сотрудничество между населением приграничных регионов обеих стран, зависит от действия властей. Но подавляющее большинство экспертов (66,67%) не знает примеров решений и действий российских и украинских властей в приграничных регионах, направленных на формирование культурно-цивилизационных идентичностей. А те, кто высказал осведомленность об их наличии, в качестве примеров смогли назвать лишь создание Еврорегиона «Слобожанщина» (16,67%) - достаточно формального по результативности института, а также экономические и научно-образовательные проекты сотрудничества Харьковской и Белгородской областей (4,76%).

Заключение.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что в приграничных регионах России и Украины последние два десятилетия происходят изменения культурно-цивилизационных идентичностей, что связано, прежде всего, с принятием странами новой трактовки истории и определением новых друзей и врагов.

Становление России и Украины как самостоятельных государств происходит в условиях высокого сходства социокультурных характеристик, что еще более характерно для российско-украинского приграничья. Доказательством этому является тождественность ценностного ядра культурно-цивилизационной идентичности населения российско-украинского приграничья, его политико-экономических ориентаций, предметов гордости, с которыми оно идентифицируется.

Социокультурная комплементарность российско-украинского приграничья обусловлена влиянием на него российско-советской идентичности, являющейся аутентичной для россиян. Это влияние объясняется не только общим советским прошлым, но и российским

происхождением части жителей украинского приграничья в нескольких поколениях, структурным и социально-психологическим российским перевесом в микросоциальных практиках жителей регионов сопредельных государств, а также их представлением об общности цивилизационных корней российского и украинского обществ.

Формирование культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине существенно отличается динамикой и вектором изменений. В российских приграничных регионах речь идет, скорее, о некоторой модификации идентичности и даже ее укреплении, а в Украине – о ее разбалансировке и радикальных изменениях в ходе ее формирования.

Помимо указанного выше российского влияния, эти отличия объясняются и неспособностью украинского государства противопоставить ему собственные социокультурные ценности, символы и пр., которые могли бы обеспечить формирование самобытной украинской идентичности, условия для положительной национальной идентификации украинского населения, укрепления его положительной национальной самооценки.

В такой ситуации основными механизмами формирования аутентичной украинской идентичности выступают обособление и негативация, основанные на конфликтном противопоставлении себя российскому обществу, которые входят в противоречие с выраженной российской ориентацией населения украинского пограничья.

Россиянам в наследство досталась советская идентичность, которая вполне аутентична российской и не требует формирования принципиально иной. А ситуация относительной экономической, политической и социокультурной определенности, стабилизация общественных настроений на волне патриотических мотивов и имперских настроений, основанных на «крымском консенсусе» и противопоставлении России как Украине, так и Западу, напротив содействует ее укреплению.

Диффузность культурно-цивилизационной идентичности украинцев и устойчивость российской, также отчасти обусловлена некоторой разницей в

инструментах их формирования. Украинцы, в отличие от россиян, существенное место в формировании представлений о своей национальной культуре отводят рассказам родственников и знакомых, а минимальное – СМИ и Интернету, тогда как у россиян последние играют значимую роль.

И если население приграничных регионов России больше тяготеет к идентификации с микро- и макросоциальными образованиями (семья, государство, нация), то Украины – с социокультурными объектами микро- и мезоуровня (семья, местное сообщество, общественные организации). Этим, во-многом, объясняется и подтверждается большая стабильность российской культурно-цивилизационной идентичности и мозаичность, динамизм украинской.

Выводы.

1. В российско-украинском приграничье происходит процесс трансформации культурно-цивилизационных идентичностей, связанный, в первую очередь, с новой трактовкой истории и определением новых друзей и врагов.

2. Формирование культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине отличается динамикой и вектором изменений. В российских приграничных регионах происходит некоторая модификация доставшейся «в наследство» российской идентичности, и даже ее укрепление на основе «крымского консенсуса», а в Украине – ее разбалансировка и радикальные изменения в ходе ее формирования.

3. Если население приграничных регионов России больше тяготеет к идентификации с микро- и макросоциальными образованиями, то жители Украины – с социокультурными объектами микро- и мезоуровня.

4. В условиях неспособности украинского государства противопоставить российскому социокультурному влиянию аутентичные социокультурные ценности, символы и пр., культурно-цивилизационная идентичность населения украинского приграничья существенно отличается

от культурно-цивилизационной идентичности населения других регионов Украины.

5. На данном этапе возможность формирования комплементарных культурно-цивилизационных идентичностей, обуславливающих конструктивное взаимодействие и сотрудничество между населением приграничных регионов обеих стран, зависит преимущественно от политической воли руководства государств.

Список литературы.

1. Адлер П. 2012. *Вне национально-культурной специфики: Размышления о мультикультурализме. Посредники все посредничество.* Wadsworth Publishing Company, 1976, С. 362-378.

2. Дзякович Е.В. 2010. *Трансформации локальных идентичностей в социокультурном пространстве российских регионов.* М.: Лабиринт. 326 с.

3. Эз Д. 2014. Нигерия и кризис национально-культурной специфики в эру глобализации. – *Журнал африканских Исследований и развития.* № 6 (8). С. 140-147.

4. Фридман Дж. 1994. Национально-культурная специфика и глобальный процесс. Возвращение геополитики в Европе? – *Социальные механизмы и личностные кризисы внешней политики.* № 124. Издательство Кембриджского университета. 288 с.

5. Кондаков И.В, Соколов К.В., Чернов Н.А. 2011. *Цивилизационная идентичность в переходный период: культурные, социологические и артистические аспекты.* Москва: Традиция Прогресса. 1024 с.

6. Le Rider, J. 1993. *Современность и Кризисы Идентичности: Культура и Общество в конце века Вена.* – *Издательство Континишум.* 380 с.

7. Larrain J. 2013. *Идеология и национально-культурная специфика: Современность и присутствие третьего мира.* – John Wiley & Sons. 280 с.

8. Михайленко А.Н. 2012. Три теоретических подхода к изучению российско-украинского приграничья. – *Этносоциум и межнациональная культура*. № 12 (54). С. 166-176.
9. Мустафа К. О. 2006. Ç. Кризис национально-культурной специфики в возрасте глобализации и технологии. – *Турецкий Сетевой журнал Образовательной Технологии*. №5 (1). С. 37-43.
10. Niezen R. 2008. Мир вне различия: Национально-культурная специфика в возрасте глобализации. John Wiley & Sons. Национальное самосознание в Эру Глобализации: Кризис и Реконструкция. – *Общественные науки в Китае*. №35 (2). С. 139-154.
11. О'Хаган Дж. 2007. Беседы о цивилизационной идентичности. В цивилизационной идентичности. – *Palgrave Macmillan US*. С. 15-31.
12. Парсонс Т. 2002. *Социальная система и культура*. М.: Академический Проект. 440 с.
13. Раскин Д.И. 2008. Российский национализм и проблемы культурной и цивилизационной идентичности. – *Российская Политика & Закон*. №46 (6). С. 28-40.
14. Стрижакова Ю., Коултер, R.A. 2012. Молодая совершеннолетняя когорта на развивающихся рынках: Оценка их национально-культурной специфики на мировом рынке. – *Международный журнал Исследования в Маркетинге*. №29 (1). С. 43-54.
15. Тайсер Дж., Скотт, W. D., Readdy, T., McCrea, S. M. 2014. Роль представлений цели, национально-культурной специфики и диспозитивного оптимизма в депрессивных событиях индейской молодежи от северного племени равнин. – *Журнал молодежи и юности*. № 43 (3). С. 329-342.
16. В каком интеграционном направлении должна идти Украина: Европейский Союз, Таможенный Союз. Доступ: <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=584&page=1> (проверено: 17.03.2017).

17. Внешнеполитические ориентации. Доступ: <http://www.levada.ru/old/13-10-2015/vneshnepoliticheskie-orientatsii> (проверено: 17.03.2017).

References.

1. Adler P. 2012. *Beyond cultural identity: Reflections on multiculturalism*. Mediators everything mediation. Wadsworth Publishing Company, 1976, P. 362-378.
2. Dzjakovich E.V. 2010. *Transformacii lokal'nyh identichnostej v sociokul'turnom prostranstve rossijskih regionov*. M.: Labirint. 326 p.
3. Eze D. 2014. Nigeria and the crisis of cultural identity in the era of globalization. – *Journal of African Studies and Development*. № 6(8). P. 140-147;
4. Friedman J. 1994. Cultural identity and global process (Vol. 31). Sage;
- Guzzini, S. (2012). *The return of geopolitics in Europe?: social mechanisms and foreign policy identity crises* (No. 124). Cambridge University Press. 288 p.
5. Kondakov I. V., Sokolov K. B., & Khrenov N. A. 2011. *Tsivilizatsionnaya identichnost v perekhodnuyu epokhu: kulturologicheskij, sociologicheskij i iskusstvovedcheskij aspekty* [Civilizational identity in the transition period: culturological, sociological and artistic aspects]. Moscow: Progress Tradition. 1024 p.
6. Le Rider, J. 1993. *Modernity and Crises of Identity: Culture and Society in fin-de-siècle Vienna*. – Continuum Intl Pub Group. 380 p.
7. Larrain J. 2013. *Ideology and cultural identity: Modernity and the third world presence*. – John Wiley & Sons. 280 p.
8. Mihajlenko A.N. 2012. Tri teoreticheskij podhoda k izucheniju rossijsko-ukrainskogo prigranich'ja. – *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura*. № 12 (54). P. 166-176.
9. Mustafa K. O. 2006. Ç. Cultural identity crisis in the age of globalization and technology. – *The Turkish Online Journal of Educational Technology*. №5 (1). 37- 43 p.

10. Niezen R. 2008. A world beyond difference: Cultural identity in the age of globalization. John Wiley & Sons. National Identity in the Era of Globalization: Crisis and Reconstruction. – *Social Sciences in China*. №35 (2). P. 139-154.
11. O'Hagan J. 2007. Discourses of Civilizational Identity. In Civilizational Identity. – *Palgrave Macmillan US*. P. 15-31.
12. Parsons T. 2002. *Social'naja sistema i kul'tura*. M.: Akademicheskij Proekt. 440 p.
13. Raskin D. I. 2008. Russian nationalism and issues of cultural and civilizational identity. – *Russian Politics & Law*. №46 (6). P.28-40.
14. Strizhakova Y., Coulter, R. A., & Price, L. L. 2012. The young adult cohort in emerging markets: Assessing their glocal cultural identity in a global marketplace. – *International Journal of Research in Marketing*. №29 (1). P. 43-54.
15. Tyser J., Scott, W. D., Readdy, T., & McCrea, S. M. 2014. The role of goal representations, cultural identity, and dispositional optimism in the depressive experiences of American Indian youth from a northern plains tribe. – *Journal of youth and adolescence*. № 43 (3). P. 329-342.
16. V kakom integracionnom napravlenii dolzhna idti Ukraina: Evropejskij Sojuz, Tamozhennyj Sojuz. (In Russ.) URL: <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=584&page=1> (accessed: 17.03.2017).
17. Vneshnepoliticheskie orientacii. (In Russ.) URL: <http://www.levada.ru/old/13-10-2015/vneshnepoliticheskie-orientatsii> (accessed: 17.03.2017).

КУЛЬТУРА КОНФЛИКТА VS КУЛЬТУРА ДИАЛОГА: ДИХОТОМИЧЕСКИЙ ВЫБОР АРМЯНСКОГО ОБЩЕСТВА?

Галстян Х.С.
К.п.н., доцент
Ереванского государственного университета

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы международного и внутренних политических конфликтов Армении. Приводятся наиболее актуальные политические проблемы страны последних лет. Дается авторская оценка общественных политических настроений, в рамках которых армянского общество разделяется на 3 основных социальных группы, в зависимости от собственного политического выбора. Исследуются истоки сложившихся конфликтных ситуаций в армянском обществе с момента начала построения новой политической системы в стране до настоящего времени. С применением инструментарии теории культуры осуществляется изучения базисных черт «Культуры конфликта», сложившихся в обществе. Подчеркивается, что с точки зрения доминирования маскулинности над феминностью в культуре населения Армении, противоречия и конфликтность, как внутри армянского социума, так и их выход за пределы страны в рамках международных отношений и внешней политики, видятся вполне обоснованными. В этой связи делается вывод о необходимости постепенного перехода армянского общества от «Культуры конфликта» к «Культуре диалога».*

***Ключевые слова:** культура конфликта, Армения, международный отношения, внутренняя политика.*

CULTURE OF CONFLICT VS CULTURE OF DIALOGUE: DICHOTOMOUS CHOICE OF ARMENIAN PEOPLE?

***Abstract.** The article examines the problems of international and internal political conflicts in Armenia. The most topical political problems of the country of recent years are outlined. The author's assessment of public political sentiment is presented, within which the Armenian society falls into three major social groups, depending on their political choice. The origins of the current conflicts in the Armenian society have been studied since the emergence of a new political system in the state up to the present time. Tools of the theory of culture are applied to analyze the fundamental features of the "Culture of conflict" formed in the Armenian society. It is emphasized that, from the perspective of the domination of masculinity over femininity in Armenian culture, contradictions and conflicts, both*

inside the Armenian society and beyond the state in the form of international relations and foreign policy, are explicable. In this context, a conclusion is drawn stating the necessity for a gradual transition of the Armenian society from the "Culture of Conflict" to the "Culture of Dialogue".

Keywords: *culture of conflict, Armenia, international relations, domestic policy.*

2016 год оказался конфликтным для армянского общества. В апреле по всему периметру карабахско-азербайджанской линии соприкосновения Азербайджан начал полномасштабные военные действия. В зоне карабахского конфликта с момента подписания соглашения о прекращении огня от 12 мая 1994г., не было таких масштабных вооруженных столкновений, диверсионных попыток нарушения режима перемирия, которые предпринял Азербайджан в начале апреля 2016г.

А уже в июле армянское общество потрясло внутривнутриполитический конфликт, когда группа вооруженных лиц, сторонников радикальной оппозиции, захватила здание полка патрульно-постовой службы на окраине Еревана и долгое время удерживала заложников, вновь в нашем общественно-политическом дискурсе разгорелась полемика вокруг выбора методов, целей и средств выражения социально значимых интересов и ведения политической борьбы в политическом пространстве Армении.

В этом вопросе общественные настроения можно было разделить на несколько групп. Первая группа в основном оправдывала насильственные действия оппозиционеров, героизируя членов вооруженной группировки, считая их действия отчаянным шагом против государственного и властного произвола, тем самым, прямым или косвенным образом поощряя жесткие и насильственные методы политической борьбы, в том числе и гибель двух полицейских, убитых во время исполнения своих служебных обязанностей.

Вторая группа не менее яростно поддерживала действия силовых структур, сравнивая захват полка с террористическим актом, призывая власть действовать бескомпромиссно и «мочить повстанцев в сартире». И наконец, третья часть общества выступала за мирную развязку конфликта, призывая

всех конфликтующих сторон сесть за стол переговоров и только через диалог решать возникшие вопросы и противоречия. К счастью, в итоге стороны выбрали последний путь и после двухнедельного напряженного противостояния, в итоге длительных переговоров вооруженная группа сложила оружие.

Властные истоки культуры конфликта в армянском обществе

На самом деле это не первый опыт насильственного способа выражения политических интересов и протестных настроений в Армении. Уже после провозглашения независимости, параллельно с построением новой политической системы, неоднократно разные политические группировки в выборе методов и средств политического противоборства наиболее часто предпочтение отдавали именно насильственным методам политической борьбы. Достаточно вспоминать нашумевшие политические убийства высокопоставленных государственных лиц в середине 1990-ых, дело «Дро», разгром парламента 1996 г., террористический акт 1999 г., когда была обезглавлена исполнительная и законодательная власть Армении, столкновение власти и оппозиции после выборов 2008 г., унесших жизнь 10 наших соотечественников, и, наконец, июльская вспышка сторонников радикальной оппозиции, в котором тоже не удалось избежать от человеческих жертв. Для четверть вековой независимой государственной традиции, согласитесь, выше перечисленные случаи, к сожалению, говорят о доминировании культуры конфликта и насилия. Их даже можно считать повседневной политической практикой. Почему же, все таки, в методах политической борьбы в армянском обществе преобладают именно насильственные подходы решения проблем?

Для ответа на этот вопрос, в рамках данной статьи более подробно остановимся на двух причинах. Первая причина кроется в недрах власти и властных отношений, которые сформировались в эти годы в Армении. Монополизация политического поля страны, неравномерность распределения ресурсов, сосредоточение огромного количества власти в руках главы

государства, отсутствие эффективных механизмов разделения и противовесов власти, недейственный выборный механизм, безнаказанность, безответственность и вопиющая социальная несправедливость с годами у большинства граждан страны сформировали твердую позицию политического абсентизма, отчужденность от политики, недоверие и низкую легитимность власти. В итоге – высокая степень эмиграции, появление множества маргинальных, и, как правило, радикально настроенных групп людей, видящих единственным выходом из сложившейся ситуации именно в насильственном способе политического противоборства, вплоть до свержения власти.

Как правило, во всех случаях, когда сохранение власти любой ценой становится самоцелью, а действующая конституция и институциональный строй не дают возможности цивилизационного выражения интересов большинства, мы сталкиваемся вспышкой не только физического, но и структурного насилия, всячески поддерживаемой государством. Чрезмерная дистанция от власти, которую испытывают граждане страны, когда все важные политические решения принимаются под занавесом «ночной дипломатии», в одном центре, без каких-либо делиберативных процедур, в итоге приводят к тому, что силовой вариант захвата власти остается единственной, и как правило, худшей альтернативой решения проблем.

Как выход из сложившейся ситуации, власть, в свою очередь, может предпринять определенные контрмеры. Так, например, может поменять правила политической игры, изменяя институциональный-конституционный строй страны. В частности, по этому пути пошли власти Армении, в 2015г. вынося на референдум новый вариант конституции страны, предполагающий изменение формы правления страны, переход от президентской к парламентской республике. Но как был проведен референдум, каким образом был достигнут «большой общественно-политический консенсус» по поводу новых правил политической игры? Этот процесс во многом напоминал

картельное соглашение нескольких политических группировок, олигополическое соглашение «политических акционеров», которые между собой договорились о своей доле в будущем раскладе сил. Опять в обход общественному мнению, и как результат – теневые договоренности, закулисные переговоры, отсутствие прозрачности и подотчетности.

Даже когда президент страны, после развязки ситуации вокруг полицейского полка, в своем выступлении с представителями общественности, властей и духовенства заявляет, что спустя через месяцы в Армении будет сформировано правительство национального согласия, такая власть, при которой «реализация решений будет находиться в пределах ответственности поля широкого консенсуса», ничто иное, как заранее начертание политического поля страны и определение исхода выборов.

А демократический принцип гласит неопределенность результатов при определенных процедур. За несколько месяцев до выборов с такой уверенностью утверждать, что именно так проголосует большинство населения страны, не что иное, как факт олигополического соглашения, когда и «волки сыты и овцы целы» (значит съели пастуха, в нашем случае население Армении, которое уменьшается катастрофическими темпами).

С другой стороны, всем понятно, что на этот раз косметическими преобразованиями вопрос не решится и подавить сетевое противостояние оппозиционно настроенных масс вряд ли удастся. Тогда, возникает вполне логичный вопрос: что делать? Первое, власть должна в срочном порядке перейти от монологической формы политической коммуникации к диалоговой, от «парникового вещания» к реальному диалогу. На самом деле в армянской современной политической действительности пример хватает, когда власть вместо реального диалога инициирует разные модификации псевдиалогических практик. Второе, в деле принятия государственно важных решений власть должна прибегнуть к совещательным, делиберативным процедурам разработки и принятия политических решений, тем самым постепенно уменьшая чувство отчужденности и дистанции

граждан от власти, в свою очередь, повысив уровень доверия и причастности граждан к политическим и государственным делам. Отныне недопустимо принятие жизненно важных решений в закрытых кабинетах, без соответствующей экспертной и общественной поддержки.

Культура конфликта как выражение маскулинности армянского общества

Но кроме властных причин, ради справедливости надо отметить, что доминирование культуры насилия в нашей стране имеет более глубокие причины, заложенные в обычаях, традициях и в общественном сознании современного армянского общества. Дело в том, что в мире существуют общества и культуры, отличающейся повышенным уровнем конфликтного поведения, и наоборот, есть общества, где преобладают ценности толерантности, терпимости, бесконфликтного поведения. К сожалению, армянское общество относится к первому типу сообществ, где в долгой исторической перспективе наблюдался именно культура конфликта и повышенный уровень напористости и агрессии.

Исследование социальных конфликтов через призму теории культуры является одним из актуальных направлений современных научных изысканий, в том числе российских и зарубежных ученых [2, 3, 4, 5, 6].

Для определения уровня склонности к насилию в научной литературе широко применяется этнометрическая методология, разработанная голландским автором Г. Хофстедом. В частности, он выделяет такой параметр, как индекс маскулинности (Masculinity), тем самым сравнивая национальные культуры по сравнительной линии между мужским (Masculinity) и женским (Femininity) характеристиками. Согласно гипотезе голландского ученого, в тех сообществах, где уровень маскулинности выше, вероятность того, что возникшие противоречия будут решаться силовыми средствами и государство столкнется с внутренним насилием, неоднократно повышается [1].

К сожалению, к группе данной закономерности относится и армянское общество, где как на социальном, так и на политическом уровне в основном преобладают силовые методы решения проблем. Исследования тоже показывают, что политические акторы в случае возникновения конфликтных противоречий, предпочтение в основном отдают силовым методам политической борьбы, наиболее часто прибегая к односторонним действиям, пытаясь вытеснить конкурентов с политического поля, ведя бескомпромиссную политику. И только в исключительных случаях стороны прибегают к диалогическим коммуникациям, используя переговоры и другие согласительные технологии принятия совместных решений. Кроме этого, о повышенном уровне маскулинности армянского общества свидетельствует и тот факт, как армяне относятся к своим наследникам мужского пола.

Трудно найти еще одну такую нацию, где так возвышали бы своих наследников по мужскому половому признаку. Мальчик в семье олицетворяет с собой продолжение рода, гордость родителей, которому дозволено все. Во многих семьях они становятся чуть ли ни культом почтения. По этому поводу можно привести и еще одну негативную статистику: по числу абортных связанных с полом ребенка Армения занимает одну из самых худших мест в мире. А это, в свою очередь, сильно отражается на уровне рождаемости и нарушает естественный половой баланс между мужчинами и женщинами. От этого и жесткий естественный отбор в армянском обществе, склонность к насилию и силовым методам решения проблем, взаимная неприязнь и отсутствие толерантности в обществе. В таких напористых культурах очень часто конфликты решаются не институционально-правовыми механизмами, а по «закону гор».

Так что, в глобальном смысле вопрос выбора методов и средств политической борьбы в политической жизни Армении остается открытым: будет ли и в дальнейшем насильственный способ выражения политических интересов преобладать в политической культуре Армении, или же

восторжествует культура политического диалога и компромисса? Время покажет...

Список литературы.

1. Hofstede G. 1980. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills CA: Sage Publications. 328 p.
2. Lebaron, M. 2003. *Bridging Cultural Conflicts: A New Approach for a Changing World*. Jossey-Bass, San Francisco. 352 p.
3. Turner J.H. 2005. *Sociology*. New Jersey: Pearson Prentice Hall. 418 p.
4. Александров А.А. 2009. Конфликт как социальное явление. – *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. № 113. С. 246-251.
5. Ефисько О.О. 2006. Конфликт как социальное явление. – *Научный вестник МГТУ ГА*. № 101. С. 190-192.
6. Чулкова О.О. 2013. Природа социально-этнического конфликта. – *Известия МГТУ*. № 1 (15). С.116-122.

References.

1. Hofstede G. 1980. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills CA: Sage Publications. 328 p;
2. Lebaron, M. 2003. *Bridging Cultural Conflicts: A New Approach for a Changing World*. Jossey-Bass, San Francisco. 352 p.
3. Turner J.H. 2005. *Sociology*. New Jersey: Pearson Prentice Hall. 418 p.
4. Aleksandrov A.A. 2009. Konflikt kak social'noe javlenie. – *Izvestija RGPU im. A.I. Gercena*. №113 С.246-251. (In Russ.).
5. Efis'ko O.O. 2006. Konflikt kak social'noe javlenie. – *Nauchnyj vestnik MGTU GA*. №101 С.190-192. (In Russ.).
6. Chulkova O.O. 2013. Priroda social'no-jetnicheskogo konflikta. – *Izvestija MGTU*. №1 (15) С.116-122. (In Russ.).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНТЕГРАЦИИ

Сапрыка Виктор Александрович
Крам Оливер
Уилсон Рейчел
Вирккунен Йони
Новикова Ирина Васильевна
Галстян Хачик Самвелович
Колосов Владимир Александрович
Зверева Ольга Николаевна
Межевич Николай Маратович
Вардомский Леонид Борисович
Муравецкий Алексей Николаевич
Быхтин Олег Викторович
Шевченко Наталья Владимировна

INTERNATIONAL SCIENTIFIC-RESEARCH JOURNAL

СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНТЕГРАЦИИ

Международный научно-исследовательский журна «Сотрудничество и интеграция»

<http://journal.icbci.info>

Автономная некоммерческая организация «Институт приграничного сотрудничества и интеграции»